

ЕКАТЕРИНА I

Э. П. Тобиано

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Первая русская императрица Екатерина Алексеевна (1725 -1727) не принадлежала к числу выдающихся государственных деятелей; она царствовала, но не управляла. Тем не менее Екатерину, несомненно, можно назвать личностью незаурядной. Бывшая «портомоя» и служанка пастора Глюка, пленница сначала фельдмаршала Б. П. Шереметева, а затем А. Д. Меншикова, она стала законной супругой царя Петра I, а после его смерти была возведена на русский престол. Об удивительной судьбе этой женщины и о внутренней и внешней политике России в годы ее царствования рассказывает в своей новой книге крупнейший знаток Петровской эпохи и признанный классик историко-биографического жанра Н. И. Павленко.

В качестве приложения к книге полностью публикуется переписка Петра I и Екатерины, которую царственные супруги вели на протяжении двух десятков лет.

-
- [Николай Иванович Павленко](#)
 -
 - [Н. И. Павленко](#)
 - [Глава первая НАЛОЖНИЦА В СУПРУГАХ ЦАРЯ](#)
 - [Глава вторая СУПРУЖЕСКАЯ НЕВЕРНОСТЬ](#)
 - [Глава третья ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ](#)
 - [Глава четвертая ВДОВА НА ТРОНЕ](#)
 - [Глава пятая ВЕРХОВНЫЙ ТАЙНЫЙ СОВЕТ](#)
 - [Глава шестая ПОПЫТКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА](#)
 - [Глава седьмая ЗАТИШЬЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ](#)
 - [Глава восьмая НЕУДАВШАЯСЯ ПОПЫТКА СВАЛИТЬ МЕНШИКОВА](#)
 - [Глава девятая НЕСБЫВШАЯСЯ МЕЧТА СВЕТЛЕЙШЕГО](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЕ](#)
 - [ПЕРЕПИСКА ПЕТРА I И ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ I](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)

- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)

- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)

- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)

- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)

- [236](#)
 - [237](#)
 - [238](#)
 - [239](#)
 - [240](#)
 - [241](#)
 - [242](#)
 - [243](#)
 - [244](#)
 - [245](#)
 - [246](#)
 - [247](#)
 - [248](#)
 - [249](#)
 - [250](#)
 - [251](#)
 - [252](#)
 - [253](#)
 - [254](#)
 - [255](#)
 - [256](#)
 - [257](#)
 - [258](#)
-

Николай Иванович Павленко

Екатерина I

Жизнь замечательных людей

Н. И. Павленко

Екатерина I

ОТ АВТОРА

Подобно тому, как дети не выбирают родителей, подданные в наследственной монархии не избирают себе государя. Династия Романовых, царствовавшая в России свыше трех столетий, началась и закончилась личностями вполне заурядными, вовсе не подходящими для своей высокой роли. Да и вообще династия эта оказалась бедной на выдающихся государственных деятелей, оставивших заметный след в истории России, – их можно перечислить на пальцах одной руки. Впрочем, оговорюсь: имеется в виду не след вообще, а позитивные плоды деятельности монарха, способного не только ориентироваться в настоящем, решать назревшие задачи, властно диктуемые временем, но и угадывать правильное направление, по которому должна следовать страна, вносить личный вклад в управление ею.

Еще одно свойство природы выдающегося государственного деятеля – умение угадывать таланты при формировании своей «команды», отличать льстецов, лизоблюдов и тщеславных персон от людей одаренных, верных слуг Отечества, способных не только слепо выполнять повеления человека, стоящего на вершине правительственной пирамиды, но и давать дельные советы, быть компетентным в порученной им сфере управления, одним словом, не только знать законы, но и уметь их творить.

Таким выдающимся государственным деятелем был Петр I, по праву заслуживший в истории прозвище Великий. Его преемники на русском престоле далеко уступали ему и способностями, и волей. В течение нескольких десятилетий XVIII века, которые историки называют то дамскими царствованиями, то годами безвременья, то эпохой дворцовых переворотов, или «дамских революций», трон занимали люди, использовавшие его для удовлетворения своих личных прихотей, праздного времяпрепровождения, для неги и роскоши, лишенные качеств, свойственных деятелям государственного масштаба, способные лишь

царствовать, но не управлять, – Екатерина I, Петр II, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Петр III.

Настоящая книга посвящена царствованию личности, ничем не прославившей Отечество. После кончины Петра Великого его супруга Екатерина Алексеевна – к тому времени уже объявленная императрицей – была возведена на престол, который и занимала в течение двух с половиной лет (1725-1727). Отличавшаяся такими добродетелями, как легкий характер, милосердие и сострадание, Екатерина Алексеевна сумела пленить сердце сурового супруга, но, находясь рядом с ним в течение двух десятилетий, так и не приобрела навыков управления огромной империей.

Впрочем, Екатерину, несомненно, можно назвать личностью незаурядной. Уже одно то, что бывшая служанка пастора Глюка, пленница фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, а затем Александра Даниловича Меншикова стала первой русской императрицей – редчайший случай в мировой истории, – дает основание выделить ее из числа ординарных людей, если не по признакам, свойственным государственным деятелям, то по чисто человеческим свойствам натуры.

Двухлетнее царствование Екатерины I сопровождалось и рядом важных правительственных мер. Объясняется это тем, что Екатерину окружали талантливые соратники Петра Великого, список которых возглавлял Александр Данилович Меншиков – самородок, обладавший самыми разнообразными талантами. За ним следовали незаурядный по способностям и образованию генерал-прокурор Сената Павел Иванович Ягужинский, ловкий дипломат Петр Андреевич Толстой, знавший свое дело адмирал Федор Матвеевич Апраксин и др. Выпестованные Петром I, они по-своему пытались продолжить его политику и оказались способными более или менее объективно оценить ситуацию, в которой оказалась Россия. Запущенная Петром I государственная машина – пускай и натужно, со скрипом, то и дело пробуксовывая – продолжала работать и после смерти царя-реформатора.

Глава первая НАЛОЖНИЦА В СУПРУГАХ ЦАРЯ

В 1702 году русские войска под командованием фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева овладели Мариенбургом (ныне Алуксне в Латвии) – небольшой крепостью, оказавшей, тем не менее, упорное сопротивление. Затянувшаяся на двенадцать дней осада объяснялась тем, что крепость стояла на острове и чтобы овладеть ею, надобно было преодолеть двухсотметровое водное пространство. Еще до того как плоты подошли к берегу, осажденные численностью в 1000-1200 человек, по словам современников, «ударил в барабаны, и просили срок, и прислали письма». Однако фельдмаршал счел условия капитуляции неприемлемыми и продолжал бомбардировку. Гарнизон стал сговорчивее – комендант и офицеры сдались, вручив фельдмаршалу шпаги.

Побед, подобных Мариенбургской, в ходе Северной войны было одержано великое множество. Но эта приобрела особое значение. Дело в том, что среди трофеев, захваченных в крепости, оказалась служанка пастора Глюка Марта, будущая супруга Петра Великого и императрица России, получившая после принятия православия имя Екатерина Алексеевна.

Похоже, что Марта родилась в шведских владениях. Свидетельство на этот счет – правда, косвенное – исходит от самого царя. Петр, как известно, отмечал взятие древнерусского Орешка, по-шведски Нотебурга, переименованного в Шлиссельбург. 11 октября 1718 года, находясь в Шлиссельбурге, он писал супруге: «Поздравляю вас сим счастливым днем, в котором русская нога в ваших землях фут взяла и сим ключом много замков отперто». В десятую годовщину Полтавской виктории, 27 июня 1719 года, Петр вновь в шуточной форме выразился в письме супруге в том смысле, что эта победа не должна доставить ей радость: «Чаю, я вам воспоминовеньем сего дня опечалил». Оба письма намекают на рождение пленницы либо в Прибалтике, принадлежавшей Швеции, либо в самой Швеции. Эту версию подтверждает также шуточный разговор царя с супругой, будто бы состоявшийся в 1722 году (то есть уже после заключения победоносного мира, завершившего Северную войну) во время обмена пленными.

– Как договором поставлено всех пленных возвратить, то не знаю, что

с тобой будет, – начал царь.

Екатерина нашла, что ответить:

– Я ваша служанка, делайте, что угодно. Не думаю, однако же, чтобы вы меня отдали, мне хочется здесь остаться.

– Всех пленников отпущу, о тебе же условятся с королем шведским, – заключил разговор Петр.^[1]

Разговор этот происходил в то время, когда бывшая пленница сама сумела пленить сердце русского царя и стала его супругой. Но в 1702 году «чернобровая жена», как называл Пушкин Екатерину I, поначалу затерялась в толпе гражданских пленников и пленниц.

О происхождении Марты и о том, как она оказалась наложницей царя, существует множество легенд, появившихся преимущественно уже после того, как Екатерина стала сначала супругой царя, а затем и императрицей. Впрочем, одну из этих легенд занес в свой дневник еще в 1710 году датский посланник Юст Юль. Он приводит довольно романтическую историю. По его словам, Марта родилась от родителей весьма низкого происхождения в Лифляндии, в маленьком городке Мариенбурге, служила в Дерпте горничной у местного суперинтенданта Глюка и была помолвлена с шведским капралом Мейером. Свадьба их состоялась 14 июля 1704 года – как раз в тот день, когда Дерпт оказался в руках русского царя.

Когда русские вступили в город, Марта в полном подвенечном уборе попала на глаза одному русскому солдату. Увидев, что она хороша собой, и сообразив, что ее можно выгодно продать (ибо в России продавать людей – дело обыкновенное, замечает датский дипломат), солдат силою увел ее с собой в лагерь. Впрочем, он продержал ее там всего несколько часов, так как испугался наказания: хотя увод жителей силою и был в обычае, вновь разъясняет Юст Юль, он воспрещался приказом под страхом смертной казни. Чтобы избежать наказания и боясь зависти товарищей, а также желая угодить своему капитану и со временем быть произведенным в унтер-офицеры, солдат подарил пленницу ему.

Капитан принял девушку с благодарностью, но в свою очередь захотел воспользоваться ее красотой, чтобы попасть в милость при дворе. Он привел ее к царю как к известному ценителю женщин, надеясь стяжать этим подарком особое расположение царя и получить высший чин. Царю пленница понравилась с первого взгляда, и уже через несколько дней стало известно, что она сделалась его любовницей. Впрочем, поначалу он пренебрегал ею, и лишь позднее, когда она родила ему сына, царь привязался к ней по-настоящему.^[2]

В этом рассказе неверно практически все: начиная от времени, когда Марта попала в плен, и кончая обстоятельствами, при которых она оказалась у царя.

Другой рассказ принадлежит французскому офицеру Францу Вильбуа, поступившему на русскую службу еще в 1698 году и проведенному на ней полвека (он вышел в отставку в чине вице-адмирала в 1747 году, а умер в 1760 году). Несмотря на то, что этот рассказ был составлен уже после смерти Екатерины, он выглядит значительно более достоверным, хотя и в нем немало сомнительного. По словам Вильбуа, происхождение Екатерины долгое время оставалось неизвестным даже для нее самой, несмотря на то, что в течение двадцати лет Петр занимался поисками и разысканиями на этот счет. Лишь за три месяца до смерти Петра, то есть в конце октября 1724 года, выяснилось, «что ее звали Скавронская, что родилась она в Дерпте в 1686 году и что крестили ее в том же году в католическом костеле». Ее родители, крепостные крестьяне-беженцы из Польши, переехали в Дерпт, а оттуда в Мариенбург, где вскоре умерли от чумы. Марта оказалась в услужении у лютеранского пастора Глюка, «суперинтенданта, или архипастыря этой провинции», супруга которого воспитывала ее наравне с двумя своими дочерьми до шестнадцатилетнего возраста. «Когда та достигла этого возраста, – пишет Вильбуа, – хозяйка решила, судя по поведению девушки, что ей скоро наскучит ее положение». «Предполагают, – разъяснял он в примечании, – что суперинтендант заметил, что, с одной стороны, его старший сын смотрел на эту служанку слишком благосклонно, чему не подобало быть в доме священника, а с другой стороны, девушка была не безразлична к тем взглядам, которые бросал на нее молодой человек, если эта игра уже не зашла дальше». Одним словом, пастор поспешил выдать Марту замуж за шведского солдата-брабанта из Мариенбургского гарнизона. Однако спустя всего два дня после свадьбы тот вынужден был покинуть свою жену, чтобы присоединиться к шведскому войску. Марта осталась в услужении у пастора Глюка. Вместе с пастором она оказалась в Мариенбурге, когда город неожиданно был осажден войсками фельдмаршала Шереметева.

О том, как Марта попала к царю, Вильбуа рассказывает так. Жители города отправили монсеньора Глюка к Шереметеву, чтобы добиться от того приемлемых условий капитуляции. Глюк был принят фельдмаршалом вместе со всей своей семьей и слугами, в числе которых находилась и Марта, на которую фельдмаршал обратил особое внимание. «Узнав, что она была служанкой, он решил взять ее себе против ее воли и невзирая на укоры монсеньора. Таким образом, она перешла из дома господина Глюка в

дом фельдмаршала Шереметева... Прошло шесть или семь месяцев... когда в Ливонию приехал князь Меншиков, чтобы принять командование русской армией вместо Шереметева, который получил приказ срочно прибыть к царю в Польшу. В спешке он вынужден был оставить в Ливонии всех тех своих слуг, без которых мог обойтись. В их числе была и Екатерина. Меншиков видел ее несколько раз в доме Шереметева и нашел ее полностью отвечающей его вкусу. Меншиков предложил Шереметеву уступить ему ее. Фельдмаршал согласился, таким образом она перешла в распоряжение князя Меншикова, который в течение всего времени, проведенного ею в его доме, использовал ее так же, как тот, от кого он ее получил, то есть для своих удовольствий... Так обстояли дела, когда царь, проезжая на почтовых из Петербурга... в Ливонию, остановился у своего фаворита Меншикова, где и заметил Екатерину в числе слуг, которые прислуживали за столом. Он спросил, откуда она и как тот ее приобрел. И, поговорив тихо на ухо с этим фаворитом, который ответил ему лишь кивком головы, он долго смотрел на Екатерину и, поддразнивая ее, сказал, что она умная, а закончил свою шутливую речь тем, что велел ей, когда она пойдет спать, отнести свечу в его комнату. Это был приказ, сказанный в шутливом тоне, но не терпящий никаких возражений. Меншиков принял это как должное, и красавица... провела ночь в комнате царя».

Некоторые авторы не без основания полагают, что Меншиков с самого начала взял у Шереметева Марту не для себя, а для царя. Дело в том, что у него не сложились отношения с тогдашней фавориткой Петра Анной Монс, и он, зная вкусы своего патрона, посчитал, что Марта вполне сможет заменить ее. И Александр Данилович не ошибся в своих расчетах.

По словам Вильбуа, Петр, проведя ночь с Мартой, утром уехал. «Об удовлетворении царя, которое он получил от своей ночной беседы с Екатериной, нельзя судить по той щедрости, которую он проявил. Она ограничилась лишь одним дукатом, что равно по стоимости половине одного луидора (10 франков), который он сунул по-военному ей в руку при расставании. Однако он не проявил по отношению к ней меньше обходительности, чем ко всем персонам ее пола, которых он встречал на своем пути, – пишет Вильбуа, – так как известно (и он сам об этом говорил), что хотя он установил эту таксу как плату за свои любовные наслаждения, данная статья его расходов к концу года становилась значительной». Однако Петр не забыл ласок меншиковской пленницы. Вернувшись вскоре в Ливонию, он нашел случай вновь пообщаться с ней и затем забрал Марту к себе. «Без всяких формальностей он взял ее под руку и увел в свой дворец. На другой день и на третий он видел Меншикова, но

не говорил с ним о том, чтобы прислать ему ее обратно. Однако на четвертый день, поговорив со своим фаворитом о разных делах... когда тот уже уходил, он его вернул и сказал ему, как бы размышляя: „Послушай, я тебе не возвращу Екатерину, она мне нравится и останется у меня. Ты должен мне ее уступить“. Меншиков дал свое согласие кивком головы с поклоном и удалился...»^[3]

Наибольшие расхождения между мемуаристами можно обнаружить в свидетельствах о происхождении Марты и о ее родителях. Датой ее рождения признается 1683 год, хотя называют и 1685-й, и 1686-й. В сознании современников никак не укладывалось, что супруга царя и императрица могла происходить из простонародья. По мнению большинства, в ее жилах непременно должна была течь благородная кровь, и молва упорно приписывала ей если не знатное происхождение матери, то по крайней мере дворянскую кровь отца. Перечень мифических родителей Екатерины пространен. Назовем лишь главнейших.

По словам Вебера, Екатерина была незаконнорожденной дочерью подполковника шведской армии Розена от его крестьянки. Оба они рано умерли, и сирота оказалась на попечении пастора Глюка. Шведский придворный проповедник Нордберг, взятый в плен в 1709 году под Полтавой, полагал, что отцом Екатерины был шведский полковник квартирмейстер Иоганн Рабе, женившийся на некоей уроженке Риги. После смерти родителей Марта оказалась в сиротском доме, откуда ее и взял Глюк. Тот же Нордберг привел и другие сведения, основанные на устном рассказе: мать Екатерины вышла в Швеции замуж за одного унтер-офицера и по смерти его уехала в Эстляндию, а затем во время «великого голода в 1697 году удалилась в Лифляндию, где искала пропитание у дворян и пасторов. Таким образом пришла она к пробсту Глюку, который недели две держал ее в своем доме, но потом отпустил; Екатерину же оставил у себя».

Австрийский посланник Б. Рабутин в депеше от 28 сентября 1725 года изложил иную версию происхождения императрицы, которая будто бы была незаконнорожденной дочерью лифляндского дворянина фон Афендаля от его крепостной служанки; она родилась в 1683 году, а после смерти матери была взята Глюком. О версии Франца Вильбуа мы говорили выше.

Трудно предположить, чтобы Екатерина действительно ничего не знала ни о своих родителях, ни о родственниках. При жизни Петра по крайней мере однажды она проявила интерес к этой теме, поручив комиссару в Курляндии Петру Бестужеву разыскать своих родственников. Но это ее желание довольно быстро угасло.

Случилось так, что не царица отыскала своих родственников, а наоборот, одна из ее родственниц нашла ее и представилась ей. Это случилось в 1721 году в Риге, где тогда пребывала супруга царя. К ней обратилась женщина, назвавшаяся ее сестрой Христиной. По словам рижского генерал-губернатора А. И. Репнина, «та женка была у ее величества и паки отпущена в свой дом», причем ей было выдано 20 червонных.

Активные поиски своих родственников Екатерина начала уже после смерти супруга. 16 октября 1725 года французский посол Кампредон сообщал своему двору: «Не знаю, справедливы ли ходящие по городу темные слухи о прибытии сюда с семейством одного из братьев царицы. Это, кажется, человек очень низкого происхождения и грубого нрава».^[4]

В историографии принято считать пленницу из Мариенбурга Мартой Скавронской.^[5] На первый взгляд для этого имеются веские основания: сама Екатерина указом от 5 января 1727 года пожаловала двум братьям Скавронским графское достоинство, тем самым признав их своими братьями.

Однако еще Н. А. Белозерская в 1902 году обратила внимание на некоторые обстоятельства, позволяющие усомниться в бесспорности такого утверждения. Вопервых, возникает вопрос: почему Петр I в своем завещании 1708 года назвал Екатерину не Скавронской, а Василевской? Кстати, под этой фамилией Екатерина упоминается и в донесении П. Бестужева в 1715 году. Во-вторых, немало вопросов вызывает отношение Екатерины к Христине Гендриковой (до замужества Скавронской или Сковоронской) – той самой женщине, которая в 1721 году объявила себя сестрой императрицы. Почему Екатерина, наградив ее двадцатью червонными, в течение нескольких лет не проявляла к ней никакого интереса, пока та сама не напомнила о своем существовании? В ответ на это напоминание Екатерина повелела «содержать упомянутую женщину и семейство ее в скромном месте, дать им нарочитое пропитание и одежду и приставить к ним поверенную особу, которая могла бы их удерживать от пустых рассказов».^[6]

Если бы рижский генерал-губернатор А. И. Репнин был уверен, что Христина действительно является родственницей императрицы, вряд ли бы он назвал семью Гендриковых людьми «глупыми и пьяными» и рекомендовал, чтобы «от них больше врак не было», «взять оную женщину с фамилиею в Русь и содержать в таком месте, где про них не знают».

Екатерина, однако, велела кабинет-секретарю отправить в Ригу

курьера «для некоторого важного дела», под которым подразумевалась доставка в столицу всего семейства Скавронских-Гендриковых. Но означало ли это признание ее своей сестрой?

Возникают и другие вопросы, на которые историки не могут дать ответа. Например, как случилось, что Марта попала в сиротский дом, откуда ее взял в услужение пастор Глюк, а ее родные братья оказались крестьянами? И почему к расспросам о родственниках царицы не был подключен пастор Глюк, который, несомненно, мог располагать достоверными сведениями на этот счет? (Попавший в Россию после взятия Мариенбурга, пастор Глюк поселился в Москве, где создал по поручению Петра первую в России гимназию.) Вызывает недоумение и тот факт, что Екатерина так и не возвела в графское достоинство Христину Гендрикову, которая первой объявила себя ее сестрой, оставив это своей дочери Елизавете.

Острословы говорят, что есть такие вопросы, на которые не может дать ответ целая дюжина мудрецов. Но историк должен опираться на достоверные факты. Фактом же является лишь то, что сами Скавронские объявили себя родственниками Екатерины, и Екатерина признала это. Но одного такого признания недостаточно. На наш взгляд, вопрос о родословии Екатерины Алексеевны требует все же дополнительных разысканий.

*

Во взаимоотношениях Петра и Екатерины нетрудно выделить два периода. Первый падает на то время, когда Екатерина была любовницей царя. Этот период продолжался до 6 марта 1711 года, когда Петр перед отправлением в Прутский поход тайно обвенчался с Екатериной и нарек ее своей законной супругой. С этого времени положение Екатерины заметно меняется, что отчетливо прослеживается в переписке царя и его возлюбленной.

Здесь уместно отметить, что Екатерина Алексеевна до конца своих дней оставалась неграмотной. Поэтому из содержания ее писем невозможно вычленить ее собственные слова, мысли и чувства, растворяющиеся в казенных фразах тех грамотеев, которые от ее имени сочиняли царю «цидулки» (как в то время называли письма). Эти

«цидулки» просто несопоставимы с письмами к супруге самого Петра, которые поражают непосредственностью, оригинальностью и страстностью – как будто их автор не умудренный опытом мужчина, а юноша, только что безумно влюбившийся в приглянувшуюся ему девицу. Письма царя передают всю гамму охватывавших его чувств: внимательность, предупредительность, заботливость. Чувства эти выражались не столько в не отличавшихся щедростью подарках, сколько в трогательной заботе о безопасности Екатерины, о максимуме удобств, которые его стараниями предоставлялись ей во время поездок, в нетерпеливом ожидании свиданий.

На первых порах Екатерина вполне устраивала Петра в качестве наложницы, обладавшей богатырским здоровьем (ухудшится оно много позже), готовой без труда переносить изнурительную походную жизнь, лишенную всякого комфорта, и по его первому зову преодолевать многие сотни верст, чтобы поскорее ублажить любовника. Екатерина отличалась незаурядной физической силой, что тоже было полезно в условиях бездорожья. Камер-юнкер Берхгольц описал в своем дневнике эпизод, демонстрирующий физическое превосходство Екатерины над мужчинами: во время свадебных торжеств сына канцлера Головкина и дочери князя-папы Ромодановского в апреле 1722 года Петр в качестве свадебного маршала поднимал в руках тяжелый жезл. Своему денщику Бутурлину он приказал поднять жезл и удерживать его на вытянутой руке за один конец. Тот, как ни старался, сделать этого не мог. «Тогда его величество, зная, как сильна рука у императрицы, подал ей через стол жезл. Она привстала и с необыкновенной ловкостью несколько раз подняла его над столом прямою рукою, что всех нас немало удивило».^[7] По словам Вильбуа, в отличие от большинства женщин, Екатерина любила звон оружия, великолепно ездил верхом: «Немногие умели пришпорить лошадь с такой грациозностью, как она».

Сохранилось 170 писем Петра к Екатерине. Они дают возможность проследить, как постепенно Екатерина Алексеевна завоевывала сердце царя, как общение с нею становилось для Петра насущной необходимостью, как менялась тональность писем и как на смену фамильярно-грубому: «Матка, здравствуй» приходило ласковое: «Катеринушка, друг мой, здравствуй» и еще более нежное: «Катеринушка, друг мой сердешенкой, здравствуй».

Первые из сохранившихся писем Петра к Екатерине датированы 1707 годом. Причем адресованы они были не лично ей, а «тетке» и «матке». «Тетка» – Анисья Кирилловна Толстая, приставленная к царской

наложнице для ухода и присмотра. «Матка» – сама Екатерина Алексеевна. Маткой – то есть матерью – она стала еще ранее 1707 года, которым датируются первые дошедшие до нас письма Петра. Еще в 1703-1704 годах она родила двух сыновей, однако оба они умерли совсем маленькими. В 1706 году она родила дочь Екатерину, а в 1708 и 1709 годах – еще двух дочерей: сначала Анну, затем Елизавету, будущую императрицу. Всего же у нее было одиннадцать детей, но все они, за исключением двух цесаревен, умерли в детстве.^[8]

К 1706 году относится крещение Екатерины в православную веру. Тогда она и получила отчество Алексеевна, ибо в роли крестного отца выступил сын Петра царевич Алексей.

Последнее письмо, адресованное «тетке» и «матке», Петр отправил 7 февраля 1709 года. Следующие письма, по 1711 год включительно, царь писал одной «матке», а «тетке» передавал лишь поклоны. Эта по сути незначительная деталь достойна внимания, поскольку отразила растущую близость царя к фаворитке. Содержание «цидулок» тоже свидетельствует о растущем влиянии Екатерины на царя. Первые «цидулки» однообразны по содержанию: в них отчетливо прослеживается не терпящее отлагательства страстное желание Петра встретиться с возлюбленной. Петр четко указывает место встречи, а иногда и маршрут, которого для безопасности должна придерживаться путешественница. Его повеления схожи с приказами офицера солдату. Вот образцы эпистолярного наследия Петра этих лет. Из Жолквы 6 февраля 1707 года: «Как к вам сей доноситель приедет, поезжайте сюды, не мешкав». 20 марта 1708 года: «Для Бога приезжайте скорее». 7 февраля 1709 года из Ахтырок: «По получении сего письма поезжайте немедленно в Белгород».

В последующих письмах царь уже делится с возлюбленной своими планами, сообщает о сражениях и одержанных победах, проявляет заботу о детях, посылает подарки, призывает к осторожности во время поездок, объясняет, почему задержался с ответом. В письме, отправленном из лагеря у Черной Наппы 31 августа 1708 года, царь объяснил свое молчание тем, что «пред очми непрестанно неприятные гости, на которых уже нам скучило смотреть». А дальше пишет об одержанной трудной победе: «Как стал служить, такой игрушки не видал, однакож сей танец в очах горячего Карлуса изрядно станцовали». Так образно и с иронией Петр сообщал о победе, одержанной русскими войсками под командованием князя М. М. Голицына у деревни Доброй 30 августа 1708 года. Когда о поражении шведского войска донесли королю, тот немедленно поскакал на выручку, но было уже поздно, – после разгрома шведов Голицын организованно отвел

свои полки с поля сражения под защиту укреплений. Аналогичного содержания письмо царь отправил за несколько дней до битвы у Лесной: «Не подивуйте, что долго не отвечал, ибо довольно здесь иного дела, и теперь неприятеля увидели». В письме Петра Екатерине от 27 июня 1709 года отсутствуют личные мотивы, нет обычного сетования на тяжесть разлуки; оно посвящено радостному событию, практически решившему исход войны, – «преславной виктории» у стен Полтавы.

Важнейшие события этих лет нашли отражение в посланиях Петра к Екатерине, причем в них сквозит юмор и торжество удачливого полководца. Вместо казенных слов о том, что посаженный на польский трон Карлом XII Станислав Лещинский бежал из Польши, как только получил известие о разгроме шведов под Полтавой, Петр воспользовался запоминающимся образом: Станислав Лещинский «бороду отпустил для того, что корона его умерла».

Зная не понаслышке о превратностях войны и возможной гибели на поле брани, Петр позаботился о будущей судьбе фаворитки и прижитых с нею детей. 5 января 1708 года он составил записку-завещание, правда, не отличавшуюся особой щедростью: в случае своей гибели велел дать «Катерине Василевской (Екатерине Алексеевне. – *Н. П.*) и с девочкою (с дочерью Анной. – *Н. П.*)» три тысячи рублей.

Перемена в обращении к Екатерине, а равно и в содержании цидулок царя наступила после венчания, состоявшегося накануне отъезда Петра к армии, двигавшейся к южным границам, чтобы отразить нападение турок. Широкой огласки это венчание не получило. Но приближенные царя о нем конечно же знали. Показательно, что А. Д. Меншиков сразу же изменил форму обращения к Екатерине Алексеевне в своих письмах. Еще 12 марта 1711 года он обращался к ней так: «Катерина Алексеевна! Многолетно, о Господе, здравствуй». А уже 30 апреля 1711 года писал: «Всемиловнейшая государыня царица» – и величал дочерей Екатерины царевнами.

Екатерина Алексеевна сопровождала царя во время Прутского похода и разделила с ним все тяготы изнурительного перехода от Днестра к Пруту по испепеленной солнцем безводной степи. «Царь передавал мне, – записывал позднее датский дипломат, – что сам видел, как у солдат от действия жажды из носу, из глаз и ушей шла кровь, как многие, добравшись до воды, опивались ею и умирали, как иные, томясь жаждою и голодом, лишали себя жизни». Еще 9 июня Петр предложил Екатерине оставить армию и отправиться в Польшу, где можно было в безопасности и не терпя лишений ожидать конца похода. Но та наотрез отказалась это

сделать.

Екатерина поддерживала супруга в самые тяжелые минуты пребывания в осажденном турками лагере. Молва приписала именно ей спасение армии от пленения или разгрома. В охватившей всех панике она не растерялась, сняла с себя драгоценности и обратилась к женам, сопровождавшим офицеров в походе, с просьбой ради спасения себя и армии расстаться с бриллиантами и золотом. Все это было преподнесено турецкому сераскиру в качестве взятки. Прутский мир стоил сераскиру жизни, но царская чета и армия были спасены.

Печальные итоги Прутского похода известны. По заключенному с турками договору Россия теряла все, что с таким трудом было добыто во время второго Азовского похода. Это, однако, не помешало Петру отпраздновать 19 февраля 1712 года свадьбу.

Сочетаться браком с безвестной пленницей и пренебречь при этом невестами боярского рода или принцессами западноевропейских дворов было вызовом обычаям, отказом от освященных веками традиций. Но Петр позволял себе и не такие вещи. Объявляя Екатерину супругой, он думал также о будущем прижитых с нею дочерей – Анны и Елизаветы: «...еже я учинить принужден для безвестного сего пути, дабы, ежели сироты останутся, лутче бы могли свое житие иметь».

Английский посол Витворт в депеше, отправленной сразу же после свадебных торжеств, писал: «Вчера царь публично праздновал свое бракосочетание с царицей Екатериной Алексеевной. Его величество за два часа до своего отъезда прошлою зимою из Москвы пригласил к себе вдовствующую царицу, родную сестру Наталию и двух сводных сестер и объявил им Екатерину Алексеевну царицей. Он им сказал, что они обязаны оказывать ей должное этому сану почтение, и если бы с ним случилось несчастье во время войны, дать ей титул, почести и содержание, какие обыкновенно присваиваются вдовствующим царицам, потому что она действительно его супруга, хотя он еще не имел времени совершить по обычаю церковный обряд, который будет им исполнен при первом удобном случае».

Венчался Петр не по царскому чину, но как контр-адмирал. Поэтому все почетные должности исполняли не гражданские сановники, а морские офицеры и их жены.

Какими же свойствами натуры Екатерина сумела завоевать любовь и глубокое уважение незаурядного человека? Скорее всего, не внешностью – красавицей ее назвать затруднительно. И не высоким интеллектом – выше упоминалось, что она до своей кончины оставалась неграмотной и, оказавшись на троне, не проявила качеств, свойственных государственному деятелю. В годы ее царствования указы от ее имени подписывала ее младшая дочь, цесаревна Елизавета. Правда, сказать, что Екатерина была совсем лишена способностей, по-видимому, нельзя. По свидетельству Вильбуа, «не умея ни читать, ни писать ни на одном языке, она говорила свободно на четырех, а именно на русском, немецком, шведском, польском, и к этому можно добавить еще, что она понимала немного по-французски».

Объяснение привязанности Петра, вероятнее всего, надобно искать в ее душевных качествах. Природой она была наделена внутренним тактом, тонким пониманием характера своего вспыльчивого и сурового супруга, добротой и снисходительностью к порокам других, одним словом, свойствами, которыми был отчасти обделен ее царственный супруг.

Когда царь находился в состоянии ярости, что с ним нередко случалось, никто, кроме нее, не отваживался его успокоить. Кажется, она одна имела влияние на своего супруга, могла без страха смотреть на его искаженное гневом лицо.

Владевший пером граф Бассевич описал способность Екатерины внушать спокойствие раздраженному супругу: «...Она имела власть и над его чувствами, власть, которая производила почти чудеса. У него бывали иногда припадки меланхолии, когда им овладевала мрачная мысль, что хотят посягнуть на его особу. Самые приближенные к нему люди должны были трепетать тогда от гнева. Припадки эти были несчастным следствием яда, которым хотела отравить его властолюбивая сестра София. Появления их узнавали у него по известным судорожным движениям рта. Императрицу немедленно извещали о том.

Она начинала говорить с ним, и звук ее голоса тотчас успокаивал его; потом сажала его и брала, лаская за голову, которую слегка почесывала. Это производило на него магическое действие, и он засыпал в несколько минут. Чтобы не нарушать его сна, она держала его голову на своей груди, сидя неподвижно в продолжение двух или трех часов. После этого он просыпался совершенно свежим и бодрым».

Блеск двора не затмил в ее памяти воспоминаний о происхождении. Это, однако, не мешало ей без особых усилий, легко и непринужденно справляться с ролью супруги великого человека, пользовавшегося в Европе

репутацией блестящего знатока артиллерии, кораблестроения, астрономии и других наук, а также выдающегося полководца и государственного деятеля. Казалось, будто к этой роли ее готовили с младых ногтей. «Царь, – писал современник, – не мог надивиться ее способности и умению превращаться, как он выражался, в императрицу, не забывая, что она не родилась ею. Они часто путешествовали вместе, но всегда в отдельных поездах, отличавшихся – один величием своей простоты, другой – своей роскошью. Он любил видеть ее всюду. Не было военного смотра, спуска корабля, церемонии или праздника, при которых бы она не являлась». Другой иностранный дипломат тоже отметил внимательность и нежность царя к супруге: «После обеда царь и царица открыли бал, который продолжался около трех часов; царь танцевал с царицей и маленькими царевнами и много раз целовал их; при этом случае он обнаружил большую нежность к царице и, можно сказать, по справедливости, что, несмотря на неизвестность ее рода, она вполне достойна на милости такого монарха». Далее дипломат описывает внешность Екатерины. Его описание совпадает с портретным изображением царицы. «В настоящую минуту (имеется в виду 1715 год. – Н. 77.) она имеет приятную полноту, цвет лица ее весьма бел с примесью природного, несколько яркого румянца, глаза у нее черные, маленькие, волосы такого же цвета длинные и густые, шея и руки красивые, выражение лица кроткое и весьма приятное».^[9]

Существует, однако, и диаметрально противоположная оценка внешности царицы. Она принадлежит маркграфине Байрейтской и относится, видимо, к 1716 году: «У нее наружность вульгарна и цвет лица смуглый, талия толстая; разряженная безвкусно, она была увешана ожерельями, драгоценностями и образками, звенящими, когда она идет».^[10]

Страсть Екатерины I к роскоши и украшениям отметил и известный историк и публицист второй половины XVIII столетия князь М. М. Щербатов. Он не был современником императрицы и пользовался воспоминаниями о ней людей старшего поколения. Ничего примечательного в кратковременном царствовании Екатерины Щербатов не обнаружил, «окроме, что вывоз разных драгоценных уборов и вин весьма умножился, и сластолюбие сие во все степени людей проникло». «Любила она и тщилась, – писал Щербатов, – украшаться разными уборами и простирала сие хотение до того, что запрещено было другим женщинам подобные ей украшения носить, яко то убирать алмазами обе стороны головы, а токмо позволяла убирать левую сторону; запрещено стало носить

горностаевые меха с хвостиками, которые она одна носила...»^[11]

Оценка Екатерины I, как, впрочем, и всех прочих преемников Петра Великого, вполне отражена в названии сочинения Щербатова: «О повреждении нравов в России». Цель сочинения – доказать, что по мере европеизации страны умножилась тяга к роскоши, расточительности, разврату и прочим порокам, свойственным Западу. Эта цель буквально затемняла глаза Щербатову, и ему лишь изредка удавалось разглядеть положительные явления в жизни страны. Об этом всегда надо помнить, когда доводится читать его язвительные оценки, в частности, царствования Екатерины I, сопровождавшегося – о чем нельзя забывать – и некоторыми полезными новшествами.

Какому из двух приведенных выше описаний внешности Екатерины Алексеевны надлежит отдать предпочтение? Думается, оба они, несмотря на наличие исключаящих друг друга оценок, имеют право на существование, в особенности если учесть принадлежность к полу автора второго описания и ее аристократическое происхождение.

Нет ничего удивительного в том, что Екатерина Алексеевна своей внешностью не потрафила взыскательным вкусам маркграфини – ее утонченность и наблюдательность заметили то, что укрылось от взгляда мужчины, не искушенного в секретах, какими пользуются дамы, чтобы совершенствовать свою внешность, скрыть ее недостатки. Заметим, к полноте талии дипломат отнесся весьма снисходительно, видимо, она вполне соответствовала его вкусам, в то время как маркграфиня эту же полноту осудила; маркграфиня и дипломат отметили разный цвет лица – смуглый и белый, что тоже может быть объяснено количеством в разное время использованных белил и румян. Истина на стороне маркграфини в одном – Марта во время пребывания в доме пастора в качестве служанки или у Шереметева в качестве портомойки не могла обучиться утонченным манерам и светскому обхождению. Отсюда излишества в использовании драгоценных украшений и безвкусица в нарядах. Что касается Петра, то он подобные мелочи игнорировал, не придавал им значения, находясь в плену обаяния своей супруги.

Первое письмо с обращением: «Катеринушка, друг мой, здравствуй!» – Петр отправил из Познани 3 сентября 1711 года. Начиная с 1716 года, царь использует еще более нежное обращение: «Катеринушка, друг мой сердешненкой, здравствуй!» Поменялись не только слова. Характерный пример: «матка», как прежде Петр именовал в своих письмах Екатерину, получила подарок единственный раз – царь прислал ей какое-то количество лимонов. «Катеринушку» же он одаривал намного чаще. Из Карлсбада 14

сентября 1711 года Петр писал: «Посылаю при сем часы... новой моды». 2 октября 1712 года из Берлина: «Посылаю тебе, сколько мог сыскать, устерсов» (устриц). Спустя несколько дней из Лейпцига: «Платье и прочее вам куплено, а устерсов достать не мог».

Желание доставить удовольствие супругу проявляла и Екатерина. Она баловала Петра то отечественным «крепьшом» (водкой), то изысканными европейскими винами.

Петр никогда не забывал позаботиться об удобствах и безопасности супруги во время ее бесконечных поездок. После родов Екатерине предстояло ехать в Амстердам, где находился Петр. Нуждавшейся в покое супруге царь рекомендовал отправиться в путь «осмотрясь, буде без вреда будет езда». В следующем 1718 году он предупреждал ее, чтобы она не ехала той дорогой, которой ехал он, «понеже лед худ, и мы гораздо с нуждою проехали». Особенно впечатляет забота Петра о супруге, проявленная в феврале-марте 1723 года, когда та следовала из Москвы в Петербург. Петр отправил одно за другим три письма с предупреждениями, какой опасности она подвергает свою жизнь, преодолевая реки с рыхлым льдом: «Дорога зело худа и реку Шошу с трудом переехали, того ради вели чрез оную себя в маленьких санях людям перевезть», а не лошадьми. При переезде через другую речку Петр рекомендовал отказаться от использования даже маленьких саней, а перейти ее пешком.

Екатерина отвечала взаимностью. После Полтавы боевые действия против неприятеля переместились с суши на море. Находившийся на флагманском корабле «Ингерманланд» Петр подвергал свою жизнь опасности не только от встреч с неприятельскими кораблями, но и от штормов, возможности напороться на рифы и т. д. Екатерина не уставала повторять, чтобы он берег себя. Супруг отшучивался: «Ты меня хотя и жалеешь, однакож не так (понеже с 800 верст отпустила) как жена господина Тоуба (шведского флотоводца. – *Н. П.*), которая ево со всем флотом так спрятала (в шхерах. – *Н. П.*), что не только ево видим, но мало и слышим». Однажды случился такой сильный шторм, что несколько кораблей разбилось в щепы, и, как говаривал Петр, «Нептуну были учинены жертвы». Чтобы не волновать жену, Петр запретил своим близким рассказывать ей о катастрофе.

Столь трогательные подробности частной жизни царственных супругов свидетельствуют о глубокой привязанности Петра к Екатерине. Закономерным следствием этого стало его решение о коронации Екатерины, принятое в 1724 году.

С наследниками у Петра явно не ладилось. Его старший сын Алексей, рожденный от нелюбимой первой супруги, как известно, погиб в заточении в 1718 году, по всей вероятности, не выдержав пыток. После его смерти царь объявил наследником трехлетнего Петра Петровича – «шишечку», как его ласково называли в семье, родившегося у Екатерины в 1715 году.

Однако с кончиной маленького царевича в апреле 1719 года (это событие стало одним из самых печальных в их семейной жизни) вновь встал вопрос о наследнике. Кому Петр должен был передать трон, а вместе с ним и судьбу начатых им преобразований? Супруге? Одной из дочерей? Или же внуку, сыну царевича Алексея Петровича Петру Алексеевичу?

Последний остался круглой сиротой после смерти отца, когда ему не было еще и трех лет. Заботу о маленьком великом князе возложила на себя сердобольная Екатерина. В 1719 году она назначила к нему учителем своего пажа Семена Афанасьевича Маврина, которого сменил Иван Алексеевич Зейкин, приставленный к великому князю уже самим царем, естественно, более компетентным в этой области. При жизни Петр относился к внуку неоднозначно: он то проявлял нежность к сироте, то, вглядываясь в лицо ребенка, находил в нем черты столь нелюбимого им сына.

После долгих сомнений и размышлений Петр остановил свой выбор на супруге и осуществил три акта, долженствовавших подготовить подданных к восприятию замысла. Первый из них связан с обнародованием в 1722 году, за три года до кончины царя, «Устава о наследии престола». В нем Петр возводил семейное право в ранг государственного. Порядок престолонаследия, которого придерживались предки, назначая преемником старшего из сыновей, был назван «недобрым обычаем». Устав отменял принцип первородства и ставил назначение наследника в зависимость от воли царствующего государя. Причем рукою Петра в окончательную редакцию Устава было внесено существенное дополнение: государь, назначив себе преемника, мог изменить свое решение, если обнаруживал, что наследник не оправдывает его надежд. Устав о наследии престола заимствовал нормы, провозглашенные Указом о единонаследии 1714 года, предоставлявшим родителю право завещать недвижимое имущество полюбившемуся ему сыну, не обязательно старшему, в то время как движимое имущество (крестьяне, скот) делилось между остальными

сыновьями.

Петр придавал этому акту огромное значение. Видимо, не рассчитывая на беспрекословное его выполнение вельможами после своей смерти, он потребовал от них скрепить своею подписью клятвенное обещание: «...и тот его величества Устав истинный и праведный призваны и по силе того Устава определенному в наследство во всем повиноватися... и во всяком случае за оного стоять с положением живота своего буду...» Сопротивление объявленному порядку наследования престола приравнивалось к измене и влекло смертную казнь. Под клятвенным обещанием стоит 12 подписей, среди которых две принадлежали духовным лицам и десять – сенаторам. Список сенаторов возглавил Меншиков.

Идея Устава о наследии престола навеяна делом царевича Алексея. Царя страшила мысль, что трон достанется наследнику, не склонному продолжать начатые им преобразования, что многолетний труд пойдет прахом и страна вновь превратится в европейское захолустье.

Второй шаг в этом направлении связан с обнародованием в 1723 году Манифеста с обоснованием прав Екатерины на титул императрицы. Екатерина Алексеевна в качестве супруги императора носила этот титул, но Петр пожелал поднести ей титул императрицы независимо от прав, которые предоставляли ей семейные отношения. Царь не поскупился на похвальные слова в адрес Екатерины, объявив, что она была его постоянной помощницей, терпела лишения походной жизни. Справедливости ради отметим, что Петр располагал крайне скудными данными, способными убедить читателей Манифеста в активной государственной деятельности своей супруги. Пришлось ограничиться единственным конкретным примером – упоминанием о ее участии в Прутском походе. Остальные заслуги претендентки на титул императрицы скрыты за туманной фразой о том, что она была «ему во всем помощницей».^[12]

Помимо Прутского похода, о котором речь шла выше, Екатерина еще дважды сопровождала царя, но скорее не в качестве помощницы, а в роли любительницы путешествий, как бы мы сейчас сказали, туристки. Она участвовала во втором заграничном путешествии Петра в 1716-1717 годах, но следов участия ее в дипломатических переговорах не обнаружено. Более того, роды и послеродовое состояние помешали ей посетить Париж и Версаль – конечным пунктом ее путешествия оказался Амстердам. В 1722 году Екатерина сопровождала царя в Персидском походе, завершившемся установлением контроля России над западным и южным побережьем Каспийского моря. Однако какими-либо сведениями о ее активной роли и в этом походе мы не располагаем.

Эпистолярное наследие не оставило сколько-нибудь убедительных свидетельств участия Екатерины в управлении государством, выполнения ею ответственных поручений супруга, вмешательства в дела с целью устранения погрешностей, ошибок и т. д. Только в шести письмах из ста семидесяти Петр обращается к супруге с просьбами-поручениями, причем все они столь ничтожны, что не дают ни малейших оснований для зачисления ее в помощницы царя-реформатора.

В июле 1715 года царь пригласил супругу в Ревель и попросил ее, чтобы она в пути присмотрела в дворцовых владениях место, «где заводу стеклянному и двору для приезду удобно быть». Другие просьбы были и того мельче: об изготовлении корабельной постели для царя, о том, чтобы, едучи в Ладугу, прихватила чертеж 90-пушечного корабля. Екатерина также должна была уговорить прусского короля позировать русскому художнику Ивану Никитину, чтобы король убедился в наличии и в России талантливых живописцев. ^[13]

Коронационные торжества были намечены на 7 мая 1724 года и должны были пройти в Москве. Им предшествовала основательная подготовка.

8 февраля 1724 года Петр с Екатериной отправились принимать марциальные воды. Супружеская пара пользовалась курортом с 21 февраля по 15 марта и оттуда направилась в Москву, причем кратчайшим путем – через Ярославль, что позволило им прибыть в старую столицу неделю спустя, 22 марта. В Ярославле они посетили загородный дом известного мануфактуриста Ивана Тамеса и его бумажную мельницу.

В Москве уже всю кипела подготовка к торжеству, не виданному москвичами много десятилетий. Из царских кладовых извлекали давно не употреблявшуюся посуду, а также кубки. В Грановитой палате, где раньше принимали иноземных послов, а теперь решили устроить торжественный обед, все обветшало и требовало спешного обновления: трон, балдахин, столы и лавки для гостей. В Успенском соборе, где по традиции должна была происходить сама церемония, иконы завешивали шпалерами, полы застилали коврами, сооружали помосты для многочисленных гостей. По царскому повелению в Москву прибыли сенаторы, члены Синода, президенты коллегий, генералитет, представители от губерний, придворные царицыного двора, иностранные министры. В церемонии участвовали дочери царствующих супругов – Анна и Елизавета, племянницы Петра герцогиня Курляндская Анна Иоанновна и герцогиня Мекленбургская Екатерина Иоанновна, а также помолвленный с Анной Петровной герцог Голштинский. Улицы Москвы были украшены триумфальными арками, на

площадях велась подготовка к невиданному фейерверку.

Всеми этими приготовлениями руководил главный маршал церемонии Петр Андреевич Толстой, загодя прибывший в Москву выполнять ответственное поручение. От его внимания не ускользнула ни одна деталь готовившихся торжеств – он изо всех сил старался угодить Екатерине и осаждал письмами ее камер-юнкера В. И. Монса, испрашивая его советов по каждой мелочи, начиная от убранства собора и Грановитой палаты и кончая цветом мундиров пажей и гвардейцев, сопровождавших кортеж. В одном из ответных писем Монсу Толстой благодарил императрицу за высокую оценку его усердия и сообщал: «Со всяким моим прилежным попечением, презря мою болезнь, труждаюсь, чтобы во всем изволение ее величества исполнить».^[14]

Хлопотами был озабочен не только Толстой. Придворные дамы и жены вельмож сбились с ног в поисках портных, чтобы запастись богатыми платьями, мужья готовили новые мундиры. Больше всех празднество, надо полагать, волновало саму Екатерину Алексеевну. Для нее была изготовлена мантия из парчи, подбитая горностаями, с вышитым на ней двуглавым орлом. Из Парижа доставили роскошную карету.

Историки располагают двумя современными описаниями церемонии. Одно является официальным и написано тяжеловесным, неудобочитаемым языком. Другое принадлежит перу камер-юнкера герцога Голштинского Ф. В. Берхгольца и в переводе с немецкого доступно любому современному читателю. Два эти документа дополняют друг друга и в совокупности дают исчерпывающую картину события, происходившего в Москве 7 мая 1724 года. Вряд ли уместно останавливаться на всех деталях церемонии: она была столь пышной, сложной и утомительной, что можно быть уверенным – чтобы избежать значительных накладок и запомнить последовательность действий каждого из ее участников, необходимы были неоднократные репетиции.

Церемония началась в девять утра благовестом большого колокола Успенского собора, подхваченным колоколами всех церквей города, выходом императора с супругой по специальному помосту, соединявшему Красное крыльцо с входом в собор. Царственную чету сопровождали придворные чины, генералитет и первейшие вельможи страны: рядом с императором шли фельдмаршал Меншиков и князь Репнин, а императрица следовала за ним в сопровождении графов Апраксина и Головкина. Пять дам несли шлейф Екатерины.

Шествие сопровождалось пушечной пальбой, барабанным боем и ружейной стрельбой десяти тысяч солдат гвардейских и полевых полков,

расположенных на Ивановской площади. На этот раз Петр, вопреки обыкновению, был одет в парадный костюм: небесно-голубого цвета кафтан, богато расшитый руками Екатерины серебром, и красные шелковые чулки. Голову его украшала шляпа с белым пером.

После того как супружеская пара уселась в стоявшие на помосте под балдахином кресла, звон колоколов прекратился, воцарилась тишина, и император во всеуслышание объявил о праве Екатерины короноваться императрицей, о чем более обстоятельно было изложено в Манифесте. От имени духовных иерархов к стоявшей на коленях императрице обратился новгородский архиепископ Феодосий. Затем император возложил на голову супруги корону, поразившую присутствующих своим великолепием. «Корона нынешней императрицы, – записал в дневнике Берхгольц, – много превосходила все прочие изяществом и богатством: она сделана совершенно иначе, то есть так, как должна быть; императорская корона весит 4 фунта и украшена жемчужинами. Делал ее, говорят, в Петербурге какой-то русский мастер».

По свидетельству того же камер-юнкера, в то время как император водрузил корону на голову императрицы, у нее покатались слезы, и она «хотела как бы поцеловать его ноги, но он с ласковой улыбкой тотчас же поднял ее».

После возложения короны и литургии процессия отправилась в собор Архангела Михаила, где императрица поклонилась гробницам прежних русских великих князей и царей и выслушала краткий молебен. Затем в карете под звуки оркестра, пушечной и ружейной пальбы в сопровождении пажей, кавалергардов, скороходов, камергеров, арапов и ассистентов Екатерина направилась в женский Вознесенский монастырь для поклонения праху великих княгинь и цариц.

Вслед за окончанием церемонии коронации в Грановитой палате состоялся праздничный обед, участникам которого были розданы золотые медали, специально для этого изготовленные. Для москвичей тоже было устроено угощение: им был выставлен начиненный разной птицей жареный бык, по бокам которого били фонтаны белого и красного вина.

На следующий день, 8 мая, императрица принимала поздравления от вельмож, генералитета и иностранных дипломатов. «В числе поздравителей, – записал Берхгольц, – находился и сам император». Он в соответствии со своим чином полковника Преображенского полка и общевойскового генерал-лейтенанта «по порядку старшинства принес свое поздравление императрице, поцеловал ее руку и в губы». После коронации Екатерине было дозволено совершить несколько самостоятельных актов.

Одним из них она возвела устроителя торжественной церемонии П. А. Толстого в графское достоинство, а камер-юнкера Виллима Монса в камергеры.

Коронационные торжества завершились грандиозным фейерверком, продолжавшимся два часа.^[15]

Министр герцога Голштинского граф Бассевич в «Записках» передает разговор, якобы состоявшийся между ним и императором накануне коронации. Свидетелями разговора, который имел место в доме какого-то английского негодянта, были канцлер Г. И. Головкин, новгородский архиепископ Феодосий и псковский архиепископ Феофан Прокопович. Петр сказал: «Назначенная на завтра коронация имеет более важное значение, чем сколько думают. Я венчаю Екатерину императорскою короною для того, чтобы сообщить ее права на управление государством после себя. Она спасла империю, которая чуть было не стала добычею турок на берегах Прута, и потому она достойна царствовать после меня. Я надеюсь, что она сохранит все мои учреждения и сделает монархию счастливой».^[16] «Записки» Бассевича – источник отнюдь не первоклассный, автор их любил прихвастнуть, приписывая себе главную роль в придворной жизни, но данному его свидетельству можно доверять.

Глава вторая СУПРУЖЕСКАЯ НЕВЕРНОСТЬ

Казалось, ничто не предвещало трагических событий; в семье царили мир да любовь. Петр был доволен тем, что наконец определился с наследником престола; у Екатерины было еще больше оснований для радости.

Единственное, что омрачало торжества, так это ухудшение здоровья Петра. Царь начал пользоваться минеральными водами в качестве лечебного средства еще в 1711 году, когда впервые побывал в Карлсбаде. Воды благотворно действовали на мочекаменную болезнь, которой, как считают современные медики, страдал Петр. Карлсбад он оставил здоровым; «только от воды брюхо одуло», как извещал он Екатерину.

Повторное лечение в Карлсбаде Петр предпринял в следующем году и остался доволен результатами: «воды, слава Богу, действовали изрядно». В 1716 году царь пользовался водами Пермонта, отметив, что «сия вода великова действия». В следующем году он пользовался водами Спа и настолько высоко оценил их целебные свойства, что решил «полный курс держать» и продлить пребывание там на четыре дня.

В последующие годы царь неоднократно лечился на Марциальных водах – первом открытом им курорте в России, расположенном недалеко от Петровских заводов (нынешний Петрозаводск).

Царь по-своему рекламировал полезность пребывания на курорте и пользования здешними водами. В феврале 1719 года занемог светлейший князь Меншиков. Болезнь хотя и уложила князя в постель, но не лишила его возможности заниматься делами и принимать у себя вельмож. Вернувшийся 3 марта с Марциальных вод Петр в тот же день навестил больного. В «Повседневных записках» – журнале, в котором регистрировались события из жизни Меншикова, – читаем: царь «по обычной церемонии, рассуждая о болезни его светлости, изволил объявить о неслыханном действии марциальных вод». Петр, любивший врачевать, предписал Александру Даниловичу отправиться на Марциальные воды. В представлении царя эти воды способны были поставить на ноги любого больного, в том числе и князя с больными легкими.

Меншиков поднялся с постели к 21 марта, а в июле пришло время выполнять царское повеление. Это принужденное лечение, надо полагать,

вызвало в семье князя тревогу. Следы сомнений в целительных свойствах вод видны в том, что «курортник» в течение недели ехал в сопровождении всей семьи, будто подвергался тяжелейшим испытаниям. На водах князь встретил блестящее общество, маявшееся здесь по повелению царя: царицу Прасковью Федоровну, генераладмирала Апраксина, архимандрита Феодосия, князя Ивана Юрьевича Трубецкого, Григория Скорнякова-Писарева.^[17]

В феврале-марте 1724 года, перед самыми коронационными торжествами, царь, как отмечалось выше, лечился на Марциальных водах вместе с супругой. Можно высказать догадку, что торжества, сопровождавшиеся пиршествами и чрезмерными возлияниями, ухудшили самочувствие царя, и он отправился вновь принимать воды, на этот раз из источника, расположенного в 90 верстах от Тулы, рядом с Угодскими заводами. Ранее Петр никогда не пользовался водами дважды в году.

Из писем Петра Екатерине видно, что он остался доволен лечением. 4 июня он извещал супругу, что воду «лучше нашли, неже о ней чаяли», а три дня спустя известил о первых результатах лечения: «воды, слава Богу, действуют изрядно, а особливо урину гонят не меньше олонецких, только аппетит не такой, однако ж есть».^[18] На Угодском заводе, принадлежавшем Миллеру, царь решил проверить свои навыки кузнеца. Он выковал несколько полос железа, наложил на них клеймо и, справившись о размере платы, выдаваемой заводовладельцем за подобного рода работу, тут же затребовал деньги. На них царь купил себе башмаки. Этим приобретением он очень гордился, подчеркивая, что полезная в быту вещь куплена на деньги, лично им заработанные. Через неделю он закончил курс лечения и отправился в Петербург.

Приступ болезни, казалось, должен был вынудить Петра воздержаться от привычного распорядка дня, умерить занятия делами, соблюдать диету, заставить более экономно расходовать силы. Но он не щадил себя. В конце августа присутствовал на спуске фрегата, а затем, вопреки предписаниям врачей, отправился в продолжительное путешествие. Сначала поехал в Шлиссельбург на традиционные празднества, ежегодно отмечающиеся по случаю овладения этой крепостью, затем осматривал Олонецкие металлургические заводы (здесь он выковал три пуда железа), а оттуда через Новгород поехал в Старую Руссу, древний центр солеварения. Не преминул он заглянуть и на Ладожский канал и остался доволен результатом работы руководителя строительством Миниха. В Петербург царь возвратился в начале ноября больным. Здесь произошло событие,

круто изменившее семейный уклад жизни царя и обострившее течение болезни.

8 ноября 1724 года был арестован тридцатилетний красавец Виллим Иванович Монс, брат давнишней фаворитки царя Анны Монс. Его карьера началась в 1716 году, когда он получил назначение камер-юнкера при дворе Екатерины Алексеевны. В обязанности камер-юнкера входили управление вотчинами царицы, назначение приказчиков, определение на службу должностных лиц при дворе, контроль за обеспечением двора съестными припасами, а также забота об экипировке царицы – словом, обширный круг обязанностей по обеспечению двора царицы жизненными ресурсами. Кроме того, камер-юнкер должен был постоянно находиться при Екатерине: сопровождать ее в поездках как внутри страны, так и за ее пределами, заботиться об удобствах в пути, о развлечениях во время праздников, гуляний, ассамблей и т. д.

Веселый, обаятельный и влюбчивый Виллим Монс пользовался вниманием и успехом среди камер-фрау, фрейлин и прочих придворных дам, о чем свидетельствует его интимная переписка. «Здравствуй, свет мой матушка, ласточка дорогая, из всего света любимейшая», – писал он одной из поклонниц. К другой, уже завоеванной, красавице церемонности проявлялось поменьше: «Сердечное мое сокровище и ангел и купидон со стрелами, желаю веселого доброго вечера, я хотел бы знать, почему не прислала мне последнего поцелуя. Если бы я знал, что ты неверен, то я проклял бы тот час, в котором познакомился с тобой. А если ты меня хочешь ненавидеть, то покину жизнь и предам себя горькой смерти». Ловелас, как видим, был незаурядным умельцем флиртовать, сочинять любовные послания, способные вскружить голову представительницам слабого пола, умел щедро расточать комплименты возлюбленным, не скупился на клятвы в вечной верности и умело заимствовал из писемников фразы, вызывавшие у сентиментальных читательниц умиление. Трудно было не оказаться в сетях любовника, читая такие слова: «Верь, ваша милость: правда, я иноземец, так правда и то, что я вашей милости раб и на сем свете верный тебе одной, государыне сердечной».^[19]

Изящный ловелас, постоянно мелькавший перед глазами императрицы, не мог не привлечь ее внимания и благосклонности. Однако прямыми свидетельствами того, что это внимание переросло в интимную связь, историки не располагают. В их распоряжении находятся несколько томов следственного дела, содержащего письма Монса к возлюбленным, обращенные к нему челобитные и т. д. В одной из папок должен был находиться анонимный донос, давший основание следствию вынести

обвиняемому смертный приговор, но он был из папки кем-то изъят. И все же имеются хотя и косвенные, но достаточно убедительные доказательства наличия близких отношений между императрицей и ее камер-юнкером, пожалованным во время коронации в камергеры: то, что творил Монс перед носом у своей повелительницы, могло происходить только при условии, что поступки благословлялись покровительницей. Сама по себе императрица не могла удовлетворить просьбы челобитчиков и неизменно ходатайствовала о них либо перед супругом, либо перед высокопоставленными вельможами. Поражает перечень корреспондентов, обращавшихся к Виллиму Ивановичу с разнообразными проектами. Среди вельмож, пользовавшихся услугами Монса, встречаются имена первых в государстве лиц – А. Д. Меншикова, А. П. Волынского, князя Юрия Гагарина, канцлера Г. И. Головкина, Алексея и Василия Долгоруких и многих других. Донимали Монса просьбами и иноземные купцы, помещики, богатые горожане. Суть их просьб состояла в «предстательстве», то есть ходатайстве перед Екатериной Алексеевной о получении чинов, наследства, благожелательном для просителя решении суда, повышении в должности и пр. Уже сам факт обращения такой отличавшейся высокомерием персоны, как Меншиков, или спесивых представителей рода Долгоруких свидетельствует о силе влияния Монса и его способности удовлетворить их просьбу.

Помощь, оказываемая камер-юнкером, была не бескорыстной – Монс получал вознаграждения как натурой, так и деньгами. Его одаривали щедрыми подношениями: породистыми лошадьми и сбруей к ним, каретами, охотничьими собаками, дорогими мехами и сукнами, крепостными крестьянами. А. П. Волынский в 1724 году ходатайствовал о своем переводе из Астрахани в Москву и подкрепил свою просьбу подношением «изрядного мальчика», а также «от простоты своего усердия» астраханской дичи – дроф, фазанов и даже поросят. Дипломат Лев Измайлов перед отъездом в Китай обратился к Виллиму Ивановичу с просьбой о решении в его пользу судьбы спорных вотчин. Усердие Виллима Ивановича подстегивалось богатейшим по тому времени подарком – тысячью рублями. Князь Андрей Черкасский за ходатайство об освобождении от службы пожаловал Монса натурой – породистым иноходцем, материей на кафтан и т. п. Посол в Берлине Михаил Головкин через своего отца канцлера Г. И. Головкина подарил Монсу иноходца. Купчиха Герман щедро вознаградила его за предоставление ей жалованной грамоты на свободную покупку пеньки в Вологде и других городах и отпуске ее за границу через Архангельск. Другая иноземка-купчиха

просила Виллима Ивановича «воспринять за благо» два куска кружев и 500 червонных. Помещик Орлов «по старой дружбе» подарил двух собак и охотника во временное пользование. Светлейший князь Меншиков, отличавшийся скупостью, все же летом 1724 года преподнес лошадь с убором, а Александр Нарышкин – две кобылы «на завод».

Подношения превратили скромного выходца из Немецкой слободы в богатейшего человека: он владел многочисленными вотчинами, построил в столице дворец, обставил его богатой мебелью.

Из 250 писем-прошений к Монсу здесь упомянута лишь небольшая толика. Но и этого довольно, чтобы сделать два вывода: во-первых, Монс далеко переходил границы своих полномочий и брался «предстательствовать» по делам, не имеющим никакого отношения к его камер-юнкерским и камергерским обязанностям; во-вторых, им овладело чувство безнаказанности, уверенности в том, что все сойдет ему с рук, что его всегда защитит покровительница. Это чувство ярче всего иллюстрирует колоссальное подношение от самой царевны Прасковьи Ивановны, отличавшейся сварливым нравом и жестокостью, – от нее он не убоился получить вотчину, населенную 1500 мужскими душами.

Вымогал взятки не только Виллим Иванович, но и его сестра Матрена Ивановна, вдова генерала Балка. Сама Матрена Балк, любимица императрицы, далеко не всегда могла удовлетворить просьбы обращающихся к ней лиц, но она действовала через брата. В числе клиентов Матрены Ивановны значились лица из самой разной социальной среды: купцы, князья и княжны, дипломаты и губернаторы. Матрена Ивановна, как и ее братец, оказывала услуги за вознаграждение, правда, менее значительное, чем Виллим Иванович. Упомянувшийся выше посол в Китае Лев Измайлов подарил Матрене три косяка камки (дешевая китайская ткань) и 10 фунтов чая, канцлер Головкин – 20 возов сена, герцог Голштинский – два флеровых платка, шитых золотом, и в придачу – ленту, князь Меншиков – небольшой перстень алмазный и 50 четвертей муки.

В пользу гипотезы об интимных отношениях между Екатериной и Монсом свидетельствует и поведение Петра во время следствия.

Современников удивил арест Монса. Камер-юнкер Берхгольц записал в дневнике: «Сегодня нам сообщили по секрету странное известие, именно, что вчера вечером камергер (Монс. – *Н. П.*) по возвращении своем домой был взят генералом и майором гвардии Ушаковым и посажен под арест в доме последнего... Это арестование камергера Монса тем более поразило всех своей неожиданностью, что он еще накануне вечером ужинал при дворе и долго имел честь разговаривать с императором, не подозревая и

тени никакой немилости. В чем он обвиняется, покажет время, между тем сестра его генеральша Балк, говорят, с горя легла в постель».^[20]

Момент ареста Монса запечатлен и в депеше саксонского посла Лефорта: «Некоторое время спустя после ужина царь велел Монсу посмотреть на часы.

– Десятый час, – сказал камергер.

– Ну, время разойтись, – заявил царь и отправился в свою комнату. Неожиданно в покои, где готовился камергер ко сну, зашел А. И. Ушаков и объявил о его аресте, взял у него шпагу, ключи, опечатал все бумаги и отвез арестанта к себе на квартиру, где его ждал император.

– А, и ты тут, – заявил Петр, но не стал его допрашивать. В понедельник, 9 ноября, царю, не скрывавшему гнева, ввели Монса. Во взгляде Петра было столько раздражительности и презрения, что Монс, не выдержав сурового взгляда, упал в обморок».

Вряд ли бы царь вел себя подобным образом, если бы вина Монса состояла только в использовании им служебного положения в корыстных целях. Взятки в те времена, за редким исключением, брали все, в том числе и взяткодатели, приносившие подарки Монсу: Меншиков, Долгорукие, Волынский и другие. Это было настолько обыденное явление, что хотя его формально и почитали злом, но относились к нему снисходительно, ибо у каждого судьи рыльце было в пушку.

Кажется несомненным, что царя обуревала жестокая ревность. Сам факт внешне спокойного разговора с Монсом, во время которого царь как бы присматривался к сопернику, пытался отгадать, чем мог привлечь этот пустой человек его «Катеринушку», и то, что затем он оставил арестованного на ночь терзаться в догадках, похоже на поведение царя в ситуации, когда жертву надо было ошеломить неожиданным поступком. Вот как со слов фрейлины описал сцену ревности императора Франц Вильбуа: «Он имел такой ужасный, такой угрожающий вид, был настолько вне себя, что все, увидев его, были охвачены страхом. Он был бледен, как смерть. Блуждающие глаза его сверкали. Его лицо и все тело, казалось, пребывали в конвульсиях... Раз двадцать он вынимал и прятал свой охотничий нож, который носил обычно у пояса, и ударил им несколько раз по стенам и по столу. Лицо его искривлялось... страшными гримасами и судорогами... Эта немая сцена длилась около получаса, и все это время он лишь тяжело дышал, стучал ногами и кулаками, бросал на пол свою шляпу и все, что попадалось под руку. Наконец, уходя, он стукнул дверью с такой силой, что разбил ее».

Другой современник, граф Г. Ф. Бассевич, отметил менее драматичное

поведение царя. Императрица будто бы «пыталась смягчить гнев своего супруга. Рассказывают, что неотступные ее просьбы о пощаде, по крайней мере, ее любимицы (М. И. Балк. – Н. П.) вывели из терпения императора, который, находясь в это время у окна из венецианского стекла, сказал ей: „Видишь ли ты это стекло, которое прежде было ничтожным материалом, а теперь, облагороженное огнем, стало украшением дворца? Достаточно одного удара моей руки, чтобы обратить его в прежнее ничтожество“. И с этими словами он разбил его. „Но неужели разрушение это, – сказала она ему со вздохом, – есть подвиг, достойный вас, и стал ли от этого дворец ваш красивее?“ Император обнял ее и удалился».^[21]

Свидетельство третьего современника, саксонского дипломата Лефорта, во многом схоже со свидетельством графа Бассевича – видимо, оба пользовались одним и тем же источником информации. Но у Лефорта есть подробности, отсутствующие у Бассевича. В депеше от 17 ноября 1724 года саксонский дипломат докладывает о просьбе Екатерины простить Монса, на что царь резко ответил, чтобы она «раз и навсегда... в это не вмешивалась».^[22] Главное же отличие обнаруживается в депешах, отправленных 13 декабря 1724 года и 12 января 1725 года, то есть после трагедии, постигшей Монса и Балк, когда Лефорт получил возможность собрать более точные сведения. В депеше от 13 декабря Лефорт сообщал: «Они (император и императрица. – Н. П.) почти что не говорят друг с другом, вместе не обедают, не спят. Счастью их пришел конец». В следующей депеше от 12 января 1725 года: «16 числа (по новому стилю. – Н. П.) пополудни царица явилась к царю, пала перед ним на колени и просила прощения в своих проступках. Разговор у них продолжался около трех часов. Они читали различные статьи, ужинали, а затем разошлись». После того как Екатерина признала свою вину, обстановка в семье, по мнению Лефорта, изменилась к лучшему.

О крайне натянутых отношениях между супругами доносил и австрийский посол Рабутин. В хранящейся в Венском архиве записке неизвестного автора, видимо, использовавшего донесения Рабутина, сообщается, что Петр в ноябре 1724 года велел «не слушать приказаний Екатерины, что он в это время возобновил свои прежние интимные отношения с дочерью Кантемира (Марией Кантемир, дочерью молдавского господаря. – Н. П.). Его раздражение против Екатерины, – продолжал аноним, – усилилось после того, как ему сообщили о попытке императрицы отравить дочь Кантемира. Все ожидали страшной развязки: царь не имел более никаких отношений с Екатериной и не переставал смотреть на нее с

крайним негодованием, никто не смел более Петру говорить о Екатерине. На лицах Петра и Екатерины выражалось постоянно сильнейшее волнение».^[23]

Приведенные свидетельства современников о семейной драме, как видим, не слишком схожи между собой. Но никто из них, кроме одного Вильбуа, прямо не сообщает о супружеской неверности Екатерины. Граф Бассевич придерживался официальной версии описания случившегося, Лефорт писал о «вине» императрицы, но уклонялся от объяснения, в чем она состояла: в покровительстве Монсу или в супружеской неверности. Скорее всего, Лефорт был склонен видеть вину супруги в злоупотреблениях Монса, ибо невозможно представить, чтобы супруга просила у царя пощады для своего любовника.

Вильбуа же прямо пишет об измене императрицы. По его словам, «эта интрига протекала так неосторожно, что в какой-то момент царица могла бы быть низвергнута с вершины величия в пропасть самого трагического бесчестия». Тем, что Екатерина все же «отделалась лишь страхом», она, как считал Вильбуа, была обязана двум министрам двора – графу Толстому и графу Остерману. «Царь при первых же бесспорных доказательствах неверности его жены хотел учинить над нею суд в Сенате, чтобы устроить ей публичную казнь, – пишет Вильбуа. – Когда же он сказал о своем намерении графам Толстому и Остерману, оба они кинулись к его ногам, чтобы заставить его отказаться от этого... Это им удалось лишь потому, что они затронули вопрос о его двух дочерях от этой женщины, к которым он питал большую нежность. В то время шли переговоры об их замужестве с европейскими государями, которые, конечно, не захотели бы на них жениться после такого скандала».

Итак, в семье произошел громкий скандал, но Петр решил не выносить сор из избы. Ход следствия, как и приговор суда еще раз подтверждают, что причиной семейной драмы было не взяточничество Монса, а измена Екатерины. Во время непривычно скоротечного следствия не прибегали ни к очным ставкам, ни к пыткам, а довольствовались признанием вины самим Монсом. Ни в материалах следствия, ни в приговоре не упоминается имя Екатерины, хотя ее причастность к делу не подлежит сомнению. Даже если принять официальную версию вины Монса, то совершенные им преступления происходили под крылышком императрицы – крючокторы того времени нашли бы множество способов доказать, что Монс злоупотреблял доверием Екатерины, что она даже не подозревала о том, к каким правонарушениям это приводило. Приговор обелял не только Екатерину, но и вельмож, выступавших взяточдателями: в

приговоре отсутствуют имена Меншикова, Головкина, Измайлова, Волынского и многих других.

Приговор Монсу включал лишь три вины: получение от царицы Прасковьи Ивановны колоссальной взятки крестьянами, запрещение именем императрицы истязать прокурора воронежского надворного суда Кутузова и получение взятки в сумме 400 рублей от посадского человека Соленникова за пожалование его стремненным конюхом Екатерины. Суд приговорил Монса к смертной казни. Петр наложил резолюцию: «Учинить по приговору».

Поведение царя в эти недели свидетельствует об утрате им спокойствия, веры в верность «Катеринушки». Его психике был нанесен жестокий удар, вызвавший надлом, и он, зная о категорическом запрещении употреблять спиртное, о чем будет сказано ниже, пустился в пьяный загул.

В день казни, состоявшейся через неделю после ареста, 15 ноября 1724 года, Петр будто бы посетил Монса, сказав ему: «Мне очень жаль тебя лишиться, но иначе быть не может». Берхгольц сообщил, что на другой день после казни император «катался с супругой, проехав очень близко от столба, к которому пригвождена была голова Монса». Более подробно эту сцену описал Вильбуа: «...через 10 или 12 дней после казни... ей (Екатерине. – Н. П.) показали тело ее любовника и его голову, посаженную на кол посреди площади». Царь повез Екатерину в саних и «заставил ее пересечь эту площадь по диагонали, чтобы перед ней предстало все это ужасное зрелище с эшафотом... Все время, пока они пересекали площадь, он пристально и злобно следил за ней. Но у нее хватило твердости сдержать слезы и не проявить никакого волнения».^[24]

Стоит, пожалуй, напомнить, что сам Петр отнюдь не считал себя обязанным хранить супружескую верность, и Екатерина не только не выражала протеста, но и сама обеспечивала его «метресишками» для «домашних забав». 25 мая 1717 года супруга отправила письмом Петру за границу: «Також хотя и есть, чаю, у вас новые портомои, однакож и старая не забывает». 3 июля 1717 года: «Что же изволите писать, что вы метресишку свою отпустили сюда для своего воздержания... и тому я верю; однако ж больше мню, что вы оную изволили отпустить за ее болезнью».^[25] В письмах супругов эта тема обычно подавалась в шутовском тоне. «А что шутить о забавах, и того нет у нас, понеже мы люди старые и не таковские». Или: «Понеже во время питья вод домашней забавы доктора употреблять запрещают, того ради я метресу свою отпустил к вам».

Отношение Петра к мимолетным связям отметил его токарь А. К.

Нартов: «При всех трудах и заботах государственных, государь иногда любил побеседовать и с красавицей, только не более получаса. Правда, любил его величество женский пол, однако ж страстью ни к какой женщине не прилеплялся и утушал любовный пламень скоро, говоря: „Солдату утопать в роскоши не надлежит. Забывать службу ради женщины непростительно. Быть пленником любовницы хуже, нежели быть пленником на войне. У неприятеля скорая может быть свобода, а у женщины и оковы долговременны“». ^[26]

Наблюдение Нартова о том, что «любил его величество женский пол», подтвердил граф Бассевич, поведавший в своих «Записках» о том, что царь сам рассказывал супруге о подробностях своих интимных свиданий с дамами. Уверенная в привязанности к себе царя, та смеялась, выслушивая его рассказы, обычно завершавшиеся словами: «Ничто не может сравниться с тобою». К слову сказать, быть может, именно эта фраза и объясняет причину удивительной привязанности Петра к своей супруге...

*

Дело Монса имело два важнейших последствия: оно ускорило кончину Петра и оставило страну без завещания о наследнике.

Обстоятельства смерти Петра, как и всякого великого человека, связаны со множеством легенд. Одни из них возникли по горячим следам события, другие – плод вымысла падких до сенсации современных журналистов.

Начнем с того, что три события, о которых шла речь в этой главе, составили, по мнению автора настоящих страниц, единую цепь: речь идет о супружеской измене, употреблении царем горячительных напитков и отсутствии завещания Петра.

О том, что врачи категорически запрещали царю употреблять спиртное во время обострения аденомы и пользования водами, известно давно. В частности, его поездка на Угодские заводы через несколько месяцев после того, как он лечился марциальными водами, видимо, являлась следствием коронационных торжеств в мае 1724 года. Так случилось, что обострение болезни совпало с делом Монса и несколькими празднествами в декабре 1724 года, сопровождавшимися чрезмерными возлияниями. Вполне допустимо, что Петр заливал вином горе, причиненное ему супружеской

изменой. Для этого были веские основания. Петр несколько десятилетий пытался вылепить из «Катеринушки» императрицу, и вдруг оказалось, что труды пошли прахом – любимая супруга, «верная помощница», как названа она в Манифесте, не выдержала испытания.

На конец декабря – начало января выпали два больших праздника: Рождество Христово и Новый год. 19 декабря посол Франции Кампредон доложил: царь «без перерыва разъезжает себе по наиболее именитым домам в сопровождении двухсот персон с певчими, которые распевают на разные лады и угощаются на счет посещаемых лиц». Речь здесь идет о традиционных вылазках всепьянейшего собора с участием царя, сопровождавшихся беспробудным пьянством. Тот же Кампредон извещал Версальский двор: «Царь обыкновенно не хочет и слушать ни о чем, кроме развлечений и прогулок».

1 января 1725 года в Версале прочли еще одно донесение посла из Петербурга. На этот раз происходило избрание нового князя-папы всепьянейшего собора вместо скончавшегося Ивана Ромодановского: «Вся прошлая неделя посвящена была избранию нового потешного папы, причем соблюдались почти все церемонии конклава, в котором царь пробыл всю ночь с пятницы на субботу. В воскресенье папу возили по улицам, а на маскараде, приготовляемом к последним дням масленицы, он явится главой шутов».^[27]

Саксонский дипломат Лефорт в донесении, составленном 30 января, то есть уже после смерти Петра, ставил попойки, бывшие при избрании князя-папы, в прямую связь «с открытием язвы в мочевом пузыре». Впрочем, Лефорт не в первый раз отмечал невоздержанность царя: еще 22 августа 1724 года он доносил о наступившей болезни после очередной попойки: «Царь шестой день не выходит из комнаты и очень нездоров от кутежа, случившегося в царской мызе во время закладки церкви, причем было выпито три тысячи бутылок вина». В другом донесении (12 января 1725 года) Лефорт не связывает попойку царя с каким-либо событием, а сообщает об этом в общей форме: царь «нисколько не умерен в напитках и никогда почти не сидит дома».^[28]

Итак, образ жизни Петра способствовал резкому ухудшению его здоровья. Первое обострение болезни наступило в августе 1724 года. Тогда царь до конца не выздоровел и вопреки совету своего лейб-медика Блюментроста отправился в дальнейшее путешествие. С возвращением из него связан один из мифов о причинах болезни и смерти Петра.

В одном из анекдотов Я. Штелин рассказал о том, как Петр спасал

солдат, женщин и детей, оказавшихся на плоту, который сел на мель у Лахты: при этом царь будто бы вынужден был погружаться в студеную ноябрьскую воду. Этот анекдот – чистый вымысел Штелина или рассказчика, со слов которого он его записал. Впервые, если бы описанный им эпизод действительно имел место, то такой почитатель и панегирист Петра Великого, как Феофан Прокопович, несомненно, упомянул бы о нем в слове, произнесенном при погребении императора, и в брошюре, описывавшей обстоятельства его кончины, дабы еще одним штрихом дополнить портрет великого монарха, который, будучи больным, пожертвовал своей жизнью ради спасения подданных. Во-вторых, и это главное, историки располагают достоверными источниками, которые свидетельствуют о прямо противоположном: не Петр спасал кого-либо, а сам он нуждался в спасении. Речь идет о «Походном журнале» царя за 1724 год и дневнике камер-юнкера Берхгольца.

Петр возвратился из поездки в Старую Руссу в Петербург 27 октября. Если Штелин «уложил» Петра в постель на четыре месяца, то из дневника Берхгольца, «Походного журнала» и депеш иностранных дипломатов следует, что Петр в течение этого времени участвовал в избрании князя-папы, вылазках всепьянейшего собора, в богослужениях и т. д. Запись Берхгольца под 1 ноября проливает свет на истоки легенды, изложенной Штелиным: «После обеда император благополучно возвратился в С.-Петербург, но накануне на обратном пути из Лубков он подвергался на воде большой опасности во время свирепейшей большой бури, и одно из его судов погибло, так что с него только два человека успели спастись вплавь. Его величество принужден был держаться со своей яхтой на двух якорях, и всем находившимся на ней приходилось жутко».^[29] Об участии Петра в спасении тонущих не сказано ни слова.

Опровержение анекдота Штелина не заслуживало бы внимания, если бы в эту легенду не поверил такой маститый историк, как Сергей Михайлович Соловьев, изложивший ее на страницах своей фундаментальной «Истории России с древнейших времен». С легкой руки С. М. Соловьева миф как исторический факт стал путешествовать по страницам исследовательской и учебной литературы дореволюционной поры.

Течение болезни Петра можно восстановить, пользуясь донесениями иностранных дипломатов, зорко следившими за событиями, происходившими во дворце. Второй приступ болезни, значительно более сильный, чем первый, отмечен саксонским дипломатом Лефортом в донесении от 12 января 1725 года: «Сегодня уже десятый день, как царь

болен. Страдания возобновились в связи с трудным мочеиспусканием». Состояние Петра описал французский посол Кампредон в депеше, отправленной в этот же день: болезнь царя лишает его возможности «заниматься делами. Он был очень болен. Третьего дня на всякий случай исповедовался и причастился, ибо и сам не думал оправиться от такой страшно мучившей его боли, от которой он очень ослабел... Зная, как мало монарх бережется, коль скоро здоровье его сколько-нибудь поправляется, наиболее испытанные из состоящих при его особе врачей опасаются, как бы с ним не случилось какого-нибудь острого припадка, который убьет его в самое короткое время».^[30]

Последние дни царя описал Лефорт. По его словам, знаменитый хирург Горн, пятнадцать лет служивший в госпиталях Франции, считал, что причиной болезни является не камень, закрывавший выход мочи (мнение других специалистов), а «едкая материя, разъедавшая мочевой пузырь и закрывавшая выход жидкости. Воспаление вызвало антонов огонь, и было уже поздно делать надрезы, которые могли раньше спасти жизнь царя. 27 января, – продолжает Лефорт, – антонов огонь усилился, царь находился в бреду и скончался в ночь с 27 на 28 января между четырьмя и пятью часами утра».^[31] В суждениях Горна имеется по крайней мере один серьезный изъян: следствие выдано за причину, то есть не сообщается, каким образом появилась «едкая жидкость», разъедавшая мочевой пузырь и вызвавшая антонов огонь.

Третья версия причины смерти Петра была по секрету сообщена итальянским врачом Азарини дипломату Кампредону. По мнению Азарини, приступ являлся следствием плохо вылеченного сифилиса. Итальянец уверял Кампредона, «что крепкий организм царя вполне победит болезнь, если только монарх будет следовать его советам».

Из историков версию Азарини приняли только два автора: сочинитель полубульварных книг об интимной жизни русских монархов Казимир Валишевский и известный фальсификатор истории, превративший историю в «политику, опрокинутую в прошлое», М. Н. Покровский. Первый в своей книге «Петр Великий» писал: «8 сентября 1724 года диагноз болезни выяснился окончательно: это был песок в моче, осложненный возвратом плохо залеченного венерического заболевания». В этом тексте допущена ошибка: о венерическом заболевании речь зашла не 8 сентября 1724 года, а 19 января 1725 года. Валишевскому вторит и М. Н. Покровский: «Смерть преобразователя была достойным финалом этого пира во время чумы. Петр умер, как известно, от последствий сифилиса, полученного, по всей

вероятности, в Голландии и плохо вылеченного тогдашними врачами».^[32]

Вопреки прогнозам Азарини, в субботу 23 января состояние больного значительно ухудшилось, задержание мочи сопровождалось сильными болями. Часть урины удалось извлечь при помощи зонда, и 26 января царь почувствовал улучшение. Утром попросил есть, но, едва проглотив немного овсяной каши, подвергся сильному припадку и лихорадке, «от которых он не мог говорить, и оставался в бесчувственном состоянии до полудня». Придя в сознание, он велел освободить 400 заключенных.^[33] Скончался Петр, как уже сказано, в ночь на 28 января, в страшных мучениях. Современник записал: от боли он несколько дней непрерывно кричал, и тот крик далеко был слышен; затем, ослабев, глухо стонал. Екатерина во время болезни Петра ни на шаг не отходила от его постели.

Какая из перечисленных выше версий смертельной болезни царя является наиболее вероятной? Историк на этот вопрос ответить не может, ибо не располагает необходимыми данными. Остается обратиться за помощью к специалистам-медикам. Хотя пациент умер более двух с половиной веков назад, течение болезни и ее симптомы описаны довольно обстоятельно.

В 1970 году автор этого сочинения, сняв копии из известных в настоящее время источников о болезни и смерти царя, отправил их от имени Института истории на экспертизу в Центральный кожно-венерологический институт Академии медицинских наук. Авторитетная комиссия в составе профессора А. А. Студницкого, Н. С. Семенова, доктора медицинских наук Васильева пришла к следующему заключению: «Петр I, по-видимому, страдал злокачественным заболеванием предстательной железы или мочевого пузыря или мочекаменной болезнью». Это заключение, хранящееся в личном архиве автора, впервые было опубликовано в 1990 году в монографии «Петр Великий».

В том же 1990 году специалисты Военно-медицинской академии имени Кирова в Ленинграде тоже пришли к заключению, что причиной смерти царя являлись либо аденома простаты, приводящая в своей заключительной стадии к задержанию мочеиспускания и развитию уремии, либо развившееся вследствие воспалительного процесса в уритрее нарушение ее структуры.^[34]

Существуют и другие версии причин смерти Петра. Но на них нет смысла останавливаться особо ввиду их полной несостоятельности. Так, известный писатель и киносценарист Юлиан Семенов попытался изобразить виновниками смерти царя англичан, якобы отравивших его.

Среди обывателей имеет хождение версия, столь же далекая от истины, как и версия Семенова, о том, что Петра будто бы отравили Екатерина и Меншиков.

Еще одна, не менее романтическая легенда связана со смертью Петра. Речь идет о написании им предсмертной записки со словами: «Отдайте все...». Эти загадочные слова будоражат воображение – заманчиво завершить ими царствование Петра Великого или представить их в качестве своего рода эпитафии к новому царствованию или даже целой эпохе, получившей название эпохи дворцовых переворотов.

Первым, кто придал особое значение этим словам, был Вольтер. От него они попали на страницы тридцатитомных «Деяний императора Петра Великого...» историка-самоучки XVIII века Ивана Ивановича Голикова. Увековечил же их С. М. Соловьев.

Упомянутую фразу запечатлел в своих мемуарах граф Г. Ф. Бассевич – министр герцога Голштинского, жениха, а затем супруга дочери Петра Великого Анны. Бассевич владел бойким пером и еще более бойким характером; он провел в России пять лет и оставил сочинение под обычным для XVIII столетия витиеватым названием: «Пояснение многих событий, относящихся к царствованию Петра Великого, извлеченных в 1761 году по желанию одного ученого из бумаг покойного графа Генина Фредерика Бассевича, тайного советника их императорских величеств Римского и Российского, Андреевского кавалера». Источник был передан издателю секретарем прусского посольства в Петербурге Фоккеродтом.

Кончина Петра в записках Бассевича описана так: «Очень скоро после праздника Св. Крещения 1725 года император почувствовал припадки болезни, окончившейся его смертью. Все были далеки от мысли считать ее смертельной, но заблуждались; это не продолжалось и восьми дней. Тогда он приобщился Св. Тайн по обряду, предписываемому для больных греческой церковью. Вскоре от жгучей боли крики и стоны его раздались по всему дворцу, и он не был уже в состоянии думать с полным сознанием о распоряжениях, которых требовала его близкая кончина.

Страшный жар держал его почти в постоянном бреде, наконец в одну из тех минут, когда смерть перед окончательным ударом дает обыкновенно вздохнуть несколько своей жертве, император пришел в себя и выразил желание писать, но его отяжелевшая рука чертила буквы, которые невозможно было разобрать, и после смерти из написанного им удалось прочесть только первые слова: „Отдайте все...“

Он сам заметил, что пишет неясно, и потому закричал, чтоб позвали к нему Принцессу Анну, которой хотел диктовать. За ней бегут, она спешит

идти, но когда является к его постели, он лишился уже языка и сознания, которые более к нему не возвращались. В этом состоянии он прожил еще 36 часов». ^[35]

«Записки» Басевича – единственный источник, содержащий сведения о вызове дочери Анны и о написанных императором словах. Вольтер воспользовался этим текстом, существенно изменив его. Автор «Записок» многословен и склонен к нагнетанию драматизма, Вольтер лаконичен и строг. Однако насколько вообще можно доверять этому известию?

Голландский резидент Де Вилде решительно отвергает существование какого-нибудь предсмертного распоряжения Петра: «При жизни царь не сделал никакого завещания ни устного, ни письменного; в течение же своей последней болезни он был слаб и слишком страдал, чтобы царица осмелилась заговорить с ним об этом». Французский дипломат Кампредон подтвердил показания Де Вилде: «О завещании ему не напоминали, отчасти, может быть, из боязни обескуражить его этим как предвещанием близкой кончины, а может быть, потому, что царица и ее друзья, зная и без того желание умирающего монарха, опасались, как бы слабость духа, подавленного бременем страшных страданий, не побудила его изменить как-нибудь свои прежние намерения». Все прочие современники смерти Петра – камер-юнкер Берхгольц, Феофан Прокопович, А. К. Нартов – также не запечатлели ни слов «отдайте все», ни вызова Анны Петровны. Лишь саксонский дипломат Лефорт написал в депеше 30 января 1725 года: ночью 28 января царь находился в бреду. «Он встал из своей постели, прошел три комнаты, жалуясь, что окно было не хорошо пригнуто. После такого волнения силы его начали упадать. Ночью ему захотелось что-нибудь написать. Он взял перо, написал несколько слов, но их нельзя было разобрать».

Итак, никто из современников, кроме Басевича, не заметил вызова царем Анны. О написании Петром каких-то слов упоминают Басевич и Лефорт, но удивительное дело – только Басевичу удалось разобрать два из них. Это нетрудно объяснить, если прочитать разобранные Басевичем слова в контексте его «Записок». Под пером Басевича Анна Петровна предстает неким идеалом; вместе с женихом она пользуется любовью и благосклонностью царя, ибо обладает всеми существующими на свете добродетелями – от привлекательной внешности до душевных качеств: у нее пронизательный ум, неподдельные простота и добродушие, снисходительность, отличная образованность, превосходное знание языков; кроме отечественного, она знает французский, немецкий, итальянский и шведский. Хвалебные слова в ее адрес Басевич завершил фразой: «В руки

этой-то принцессы желал Петр Великий передать скипетр после себя и своей супруги».

В другом месте «Записок» Бассевич уточняет намерение царя, сомневавшегося в возможности Екатерины занять престол и поэтому приобщавшего к управлению страной дочь Анну и герцога Голштинского: «Чувствуя упадок сил и не вполне уверенный, что после его смерти воля его и коронование будут настолько уважены, что скипетр перейдет в руки иностранки, стоявшей посреди стольких особ царской крови, он начал посвящать принцессу Анну и герцога тотчас после их обручения во все подробности управления государством и системы, которой держался во все свое царствование».

Ход рассуждений Бассевича предельно ясен: не прочитанная им до конца фраза должна завершаться словом «Анна». Именно прочтение: «Отдайте все Анне» должно было быть приведено автором «Записок». Но благоразумие одолело авантюристический склад его характера, и он не рискнул дописать фразу и тем самым довести фальсификацию до конца. Удержали руку Бассевича веские причины. Его позиция была не до конца определенной. С одной стороны, известно, что он примыкал к «партии», поддерживающей вступление на престол Екатерины; с другой – иметь жену герцога на троне было для него предпочтительнее, чем тещу; с третьей – поддержать кандидатуру Анны означало поссориться с Екатериной, что могло разрушить все матримониальные планы сторон. Такова, на наш взгляд, подоплека не доведенной до конца фальсификации Бассевича.

Глава третья ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ

После Петра Великого осталась целая толпа наследников: две дочери от брака с Екатериной: Анна и Елизавета; три племянницы, дочери его брата Иоанна: Екатерина, Анна и Прасковья; его внук, сын погибшего в 1718 году царевича Алексея 10-летний Петр Алексеевич; наконец, вдова Екатерина Алексеевна. Кто из претендентов располагал наибольшими шансами занять престол? Если руководствоваться обычаем, которого придерживались предшественники Петра Великого, то наследовать деду должен был его внук, Петр Алексеевич. Суть обычая состояла в наследовании трона по прямой нисходящей мужской линии: от отца к старшему сыну, от того – к внуку и т. д.

Рационалисту Петру такой порядок представлялся неприемлемым, прежде всего потому, что судьба трона определялась случаем: на престоле мог оказаться недостойный представитель династии только потому, что он был старшим. На этот счет царь руководствовался соображениями, подсказанными собственным опытом: в 1682 году после смерти царя Федора Алексеевича владельцем царской короны должен был стать старший брат покойного – Иван Алексеевич – подслеповатый, косноязычный, отсталый в умственном развитии молодой человек. Благодаря усилиям патриарха Иоакима на троне оказалось сразу два царя – Иван и Петр, вследствие несовершеннолетия правившие страной под опекой старшей сестры Софьи.

На решение Петра, несомненно, повлияла и судьба его собственного сына царевича Алексея, не разделявшего стремлений отца европеизировать Россию и намеревавшегося повернуть ее историю вспять. Если бы Алексей пришел к власти, то все усилия царя пошли бы прахом и колоссальные жертвы, понесенные подданными в десятилетия затяжной и кровопролитной войны, оказались бы впустую; страна вернулась бы на задворки Европы.

Два прискорбных эпизода дали основание царю опубликовать в феврале 1722 года «Устав о наследии престола», устанавливавший новый критерий, по которому определялось право занять трон: при наследовании трона надлежало руководствоваться не принципом старшинства в династии, а способностью претендента управлять страной, причем эти

способности определял ныне царствующий государь – «кому оной хочет, тому и определит наследство». Более того, «Устав о наследии престола» предоставлял право царствующему государю, «видя какое непотребство» наследника, изменить свое решение, передав трон «достойному».

Принцип, которого придерживался законодатель, был не нов – как уже говорилось, он заимствован из Указа о единонаследии 1714 года. «Устав о наследии престола» придавал норме семейного права значение акта государственного масштаба. Эти два установления сближает одна общая черта – стремление держать сыновей в послушании родителя: сына помещика, чтобы он не «расточил наследства», а сына государя, чтобы «собранное и утвержденное наше отечество паки в расточение не упустил».

Петр, однако, не воспользовался им же установленным правом назначить наследника. Завещания он не оставил. О причинах, по которым это произошло, историку приходится лишь догадываться. Возможно, Петр не сознавал опасных последствий своей болезни и рассчитывал, что ему удастся благополучно из нее выкарабкаться, как это бывало в предшествующие годы. На этот раз болезнь оказалась смертельной, но не отходившая от постели умиравшего супруга из опасения вызвать его гнев не решалась напомнить об указе о наследнике.

Не меньшего внимания заслуживает и другая версия: императорская коронация Екатерины в мае 1724 года имела не декоративное значение, а преследовала практическую цель – убедить подданных в том, что супруга царя, иноземка по происхождению, не имеющая никакого родства с правящей династией, претендует на такие заслуги перед страной, которые дают ей право занять трон. На наш взгляд, прижимистый царь не стал бы бросать на ветер огромные средства ради удовлетворения честолюбия любимой супруги, поэтому версия, согласно которой коронация одновременно представляла собой объявление ее наследницей престола, кажется наиболее вероятной.

Царю, конечно же, были известны недостатки «Катеринушки». Они не были секретом даже для постороннего человека – дипломата Мардефельда, считавшего, что после смерти Петра «нельзя питать те же упования на управление женщиной, которые вызывались умом и твердостью героя монарха».^[36] В деловом плане царь полагался не на Екатерину, а на своих соратников: его окружение было одновременно и окружением супруги, и он полагал, что «птенцы гнезда Петрова» будут вести страну по курсу, им намеченному. Правда, М. М. Щербатов еще во второй половине XVIII века категорически утверждал, что «Петр Великий не с тем ее (Екатерину I. – Н. П.) венчал царским венцом, чтоб ее наследницею своею учинить, ниже

когда того желал».^[37] Щербатов, однако, никак не мотивировал свое мнение и не назвал каких-либо других целей коронации.

Среди сторонников восшествия на престол Екатерины были виднейшие соратники Петра: Меншиков, Толстой, Ягужинский, Макаров, Апраксин и др. В противовес им существовала и другая «партия», которая активно поддерживала вступление на престол законного наследника – внука Петра Великого. В ее состав входили представители двух родовитейших кланов страны – Долгорукие и Голицыны, а также князь Репнин и старший брат адмирала Ф. М. Апраксина Петр Матвеевич Апраксин. Десятилетний великий князь Петр Алексеевич как личность и тем более как государственный деятель в то время, естественно, ничего из себя не представлял. Но он являлся как бы знаменем явных и тайных противников преобразований.

В ночь на 28 января во дворце, где агонизировал царь, собрались вельможи, чтобы решить вопрос, кому наследовать престол. Д. М. Голицын, самый опытный и умный представитель «партии» великого князя, здраво оценив соотношение сил своих сторонников и сторонников Екатерины, пришел к выводу, что перевес у противной «партии», и предложил хитроумный план, крайне опасный для новой знати: возвести на престол великого князя, а регентство до его совершеннолетия поручить Екатерине. П. А. Толстой сразу же разгадал коварность замысла Голицына, грозившего новой знати суровой расправой, и произнес против него пространственный монолог:

«Это распоряжение именно произведет междоусобную войну, которой вы хотите избежать, потому что в России нет закона, который бы определял время совершеннолетия государей; как только великий князь будет объявлен императором, то часть шляхетства и большая часть подлого народа станут на его стороне, не обращая внимания на регентство». Далее Толстой произнес лукавые слова, которые должны были убедить слушателей, что только воцарение Екатерины могло принести стране счастье и покой: «При настоящих обстоятельствах Российская империя нуждается в государе мужественном, твердом в делах государственных, который бы умел поддержать значение и славу, приобретенные продолжительными трудами императора, и который бы в то же время отличался милосердием для содержания народа счастливым и преданным правительству; все требуемые качества соединены в императрице: она приобрела искусство царствовать от своего супруга, который поверял ей самые важные тайны; она неоспоримо доказала свое героическое мужество, свое великодушие и свою любовь к народу, которому доставила

бесконечные блага, и в частности не сделавши никому зла».^[38]

В этом панегирике соответствует истине лишь один факт: наличие в натуре Екатерины Алексеевны чисто человеческих привлекательных качеств – милосердия и доброты. Их притягательную силу отметил прусский посол Мардефельд: Екатерина, полагал он, получила возмездие за свое хорошее обращение со всеми при жизни царя, так как она «часто своею кротостью отклоняла гнев его и из всех сил помогала утесненным, и в особенности за личную любовь, приобретенную ею у солдат в походах, в которых она сама участвовала».^[39] Что касается прочих добродетелей, приписанных Екатерине, то они являются чистым вымыслом. Никаким мужеством и твердостью в государственных делах императрица не владела, равным образом как и искусством царствовать.

За высокопарными словами Толстого скрывалась не забота о благоденствии государства, а простое желание сохранить свою жизнь, материальное благополучие и в конце концов выйти невредимым из ожидавшихся политических потрясений. Короче говоря, Меншиков, Головкин, МусинПушкин и многие другие, подписавшиеся в числе 123 судей, приговоривших царевича Алексея к смерти, опасались, что его сын Петр, вступив на престол и достигнув совершеннолетия, станет им мстить за гибель своего отца. Среди подписей судей первой стояла фамилия Меншикова, за ней Апраксина, Головкина, тайных советников, сенаторов, генералов, полковников и множества мелких военных и гражданских чиновников. Подпись П. А. Толстого в этом списке стояла на девяностом месте, но несомненно, что именно на него падала главная вина в том, что царевич оказался в застенках Тайной канцелярии, трижды подвергался пыткам и, не выдержав их, погиб. И Толстой, и Меншиков не сомневались, что станут первыми жертвами мести сына за смерть отца. Именно эти опасения вынуждали их всеми мерами не допустить к трону великого князя.

Страх за свое будущее объединил усилия потенциальных жертв юного Петра Алексеевича и побудил их к решительным действиям в пользу восшествия на престол Екатерины. По складу характеров Меншиков и Толстой великолепно дополняли друг друга и в союзе представляли грозную силу. Толстой обладал незаурядными дипломатическими способностями, умением убеждать собеседника словом и искусно разрабатывать стратегию и тактику борьбы с соперниками. Меншиков, напротив, был лишен этих качеств, зато природа щедро наградила его отвагой, решительностью и способностью силой добиваться желаемых

результатов.

Оба могли вполне рассчитывать на полное согласие Екатерины владеть короной. По степени близости к Екатерине Меншиков был вне конкуренции, ибо ему прежде всего она была обязана тем, что стала супругой императора. Екатерина не раз выручала из беды светлейшего, то и дело оказывавшегося в немилости у Петра, грозившего лишить его богатства, чинов и званий. Пользовался доверием императрицы и граф Толстой, организатор пышных коронационных торжеств.

Кроме того, по слухам, Толстой оказал Екатерине еще одну важную услугу. Петр вступил в интимную связь с дочерью молдавского господаря Марией Кантемир – женщиной, отличавшейся умом и образованностью. Она оказалась беременной, и царь будто бы намеревался жениться на ней, если она родит ему наследника. По совету Толстого Екатерина решила избавиться от возможного наследника, а заодно и от соперницы. В Астрахани Марию угостили каким-то зельем, вызвавшим выкидыш, и Петр охладел к ней.

Приятельские отношения между Меншиковым и Толстым сложились задолго до того, как над ними нависла общая опасность – они ведут начало с 1714 года, когда Петр Андреевич завершил свое пребывание в качестве посла в Стамбуле. К этому времени в судьбе каждого из них прослеживаются диаметрально противоположные тенденции: Толстой набирал силу, его карьера находилась на подъеме, росло доверие к нему царя, в то время как зенит могущества Меншикова остался позади и он то и дело своей ненасытной алчностью вызывал гнев царя.

Следы близости двух вельмож сохранили письма, которыми они обменивались во время второго путешествия царя за границу, когда Толстой находился в его свите в Амстердаме и Париже, а затем отправился в Неаполь и Вену в поисках царевича. Оба они обращались друг к другу с различными просьбами и охотно выполняли их. «Премного благодарствую за высокую вашей светлости милость к домашним моим», – писал Толстой в 1716 году, а в следующем году, находясь в Париже, благодарил «за прочие милостивые к дому моему призрения». В других письмах Толстой обращался к Меншикову за покровительством своему сыну Ивану: «О чем будет просить сын мой Иван, благоволи показать в том милость и великое споможение»; в другой раз он просил «содержать во своей милости сына моего Ивана, как мне изволили милостиво обещать».

Иногда просьбы Толстого носили конкретный характер. Так, взрыв порохового погреба в Петербурге разрушил дом Толстого, и он просил петербургского губернатора помочь его восстановлению: «дать мне

работников для собрания разметанного двора моего». Одно из писем, отправленное из Вены, связано с делом царевича Алексея: Петр Андреевич был уверен, что далеко не все одобряли его усердие в возвращении царевича в Россию. В письме, отправленном 21 августа 1717 года, наряду с обычной просьбой «содержать меня в высокой своей милости», имеется просьба защитить его от нападков недоброжелателей: «... в прибытии его царского величества в С.-Петербурх милостиво меня охранить, ежели кто из немилостивых ко мне похочет меня в чем вредить».

Некоторые записки Петра Андреевича иллюстрируют, выражаясь современным языком, «телефонное право» тех времен. «Прошу вашу светлость о сем листоподавце, сотвори к нему милость в прощении ево, понеже отец ево приятель мне и убедил меня просить об нем вашу светлость». Еще более выразительна другая цидулка, полученная Меншиковым в том же 1718 году. В ней Толстой просил светлейшего пристроить «листоподавца» на доходное место провиантмейстера, «понеже того чина достоин». Основание: «...понеже отец ево мне добрый приятель и свойственник».

Услуги Толстого Меншикову были менее значительными, ибо он располагал сравнительно скромными возможностями, хотя светлейшему они оказывались тоже полезными. 5 ноября 1716 года Толстой извещал Меншикова из Шверина о своем ходатайстве перед Екатериной, чтобы та «милостиво к вашей светлости изволила спомоществовать». Предметом разговора с царицей скорее всего были долги Меншикова казне. Посредническую роль Толстой выполнил еще раз. Князь послал ему письмо с перечнем работ, выполненных им за время отсутствия в столице царской четы, и просил прочесть его царице. Петр Андреевич выполнил поручение и тут же поделился произведенным впечатлением не только на царицу, но и на ее супруга: «Могу вашу светлость уверить, что во всех делах труды и управление вашей светлости его царскому величеству и государыне царице зело угодны».

При случае Толстой готов был предупредить князя о грозившей тому опасности, например, о попытке Речи Посполитой лишить его земельных владений: «Король и Речь Посполитая намерены начать противное делать как о чине, так и о маетностях вашей светлости».

Самая серьезная опасность подстерегала Меншикова, когда он присвоил себе город Почеп на Украине и его обширную округу. Это дело в 1718-1719 годах еще не привлекло внимания царя, но князь, с порога отвергавший все выдвинутые против него обвинения, все же полагал, что ему несдобровать, если расследование возьмет в свои руки царь. Именно

поэтому Меншиков лихорадочно спешил закрыть почепское дело, используя ходатайства множества людей, в том числе и Толстого. Петр Андреевич не заставил себя уговаривать. «Получил я вашей светлости письмо от господина Писарева о известном деле», – извещал он Меншикова. Под «известным делом» подразумевалось почепское дело. Тут же высказана готовность порадеть: «Буду трудиться по изволению вашей светлости колико возможность будет». Из последующих писем Толстого явствует, что речь шла об отправке межевщиком почепских земель Ивана Мякинина.

Расследование почепского дела, как и финансовых злоупотреблений князя, затянулось на многие годы. Положение Меншикова Петр Андреевич не считал безнадежным. Во всяком случае полагал, что время работает на светлейшего, и ему остается лишь вооружиться терпением: «Прошу вас, мой государь, употребить на несколько времени терпения, а я уповаю, что со временем все изправится в вашу пользу».

Письма Толстого интересовали Меншикова еще с одной стороны. Когда царь и царица находились не в столице, именно от Толстого светлейший получал информацию о состоянии их здоровья. Меншикову было лучше, чем другим, известно, что ни Петр, ни Екатерина не отличались хорошим здоровьем. Не хуже он знал и другое – все, что он имел: богатство, чины и должности – было получено от царя. Случись с ним беда – не миновать беды и светлейшему. Смерть царицы тоже страшила Меншикова, правда, меньше – в этом случае он лишился бы своей заступницы, не раз смягчавшей удары петровской дубинки. Поэтому князя настораживали письма Толстого, отправленные из Копенгагена, Амстердама или Парижа с известиями о болезни царя или царицы.

Не могло не вызвать тревоги у Александра Даниловича письмо Толстого из Амстердама от 18 января 1717 года с сообщением, что царица после родов продолжала жить в Везеле, «понеже от родимой болезни еще не в совершенном здравии. К тому ж, государь, и печаль о кончине государяцаревича Павла Петровича еще свежа в памяти». Нездоровилось и Петру, причем недомогание у него, как и у супруги, носило затяжной характер. 5 февраля Толстой писал: «Его царское величество, как и государыня царица, приходят в доброе здравие». «Приходят», но еще не пришли, то есть полное выздоровление не наступило. Лишь 17 января царь впервые вышел из покоев, о чем Толстой поспешил уведомить своего корреспондента: «Его царское величество вчерашнего числа изволил из квартиры своей впервые выйтти во Адмиралтейство здешнее». Чувство тревоги оставило Меншикова лишь после утешительных сведений,

полученных от Толстого из Спа, где в июле царь принимал воды: «Здесьняя вода немалую пользу здравью его величества приносит».

Примерно с 1722 года наступает охлаждение в отношениях между Толстым и Меншиковым. Скорее всего, это было вызвано почепским делом. Толстой, как и другие вельможи, полагал, что Александр Данилович глубоко увяз и теперь ему не выкарабкаться, падение фаворита – дело недалекого будущего.

Свидетельством утраты прежней близости могут служить письма Толстого к Меншикову из Каспийского похода царя, в котором участвовал и Петр Андреевич. Они резко отличаются от писем, отправленных Толстым в 1716-1717 годах из Амстердама, Гааги и Парижа, насыщенных сведениями, столь необходимыми адресату. Теперь сведения о событиях, свидетелем или участником которых был находившийся на юге Толстой, полностью отсутствовали. Письма 1722 года можно, скорее всего, отнести к письмам вежливости, холодным и пустым по содержанию.

Смертельная болезнь, а затем и кончина Петра Великого вынудили Меншикова и Толстого не только восстановить прежние отношения, но и сблизиться столь тесно, чтобы от комплиментов и мелких услуг перейти к активным действиям, ибо только они могли спасти обоих от грядущей беды.^[40]

В то время как родовитые люди занимались бесплодными разговорами и убеждали друг друга в благополучном исходе своих планов, Меншиков и Толстой, руководствуясь тем, что в сложившейся ситуации судьбу трона решает не закон или обычай, а сила, энергично и целеустремленно сколачивали эту силу, чтобы в нужный момент ее использовать. «Меншиков, – докладывал Кампредон, – не теряя времени, до самой кончины императора работал ревностно и поспешно, склоняя в пользу императрицы гражданские и духовные чины государства, собравшиеся в императорском дворце. Князь не жалел при этом ни обещаний, ни угроз для этой цели. Он примирился со своими врагами и уверял всех, что не преследует никаких корыстных целей, а только решился поддержать семью своего императора до последней капли крови».^[41]

Поддержка гвардейцев была обеспечена значительными денежными вливаниями. В пустовавшей казне лихорадочно стали разыскивать необходимые 50 тысяч рублей, чтобы выплатить гвардейцам жалованье, задержанное за шесть месяцев. Долг был погашен уже на следующий день, 29 января. Раскошелиться пришлось и самой претендентке на трон. Из личных средств Екатерины Алексеевны (правда, с последующим

возвратом) «нужным людям» были выданы крупные суммы: гвардии майору, руководителю Тайной канцелярии А. И. Ушакову – 3 тысячи рублей, командиру Преображенского полка И. И. Бутурлину – 1500 рублей, гвардии майорам С. А. Салтыкову и И. И. Дмитриеву-Мамонову – по тысяче рублей.^[42]

Сторонники Екатерины сумели использовать и ораторский талант Феофана Прокоповича. Никаких усилий для того, чтобы склонить Прокоповича к «партии» Меншикова – Толстого, не требовалось, ибо он был главным исполнителем воли Петра в проведении церковной реформы, и ему противостояло сонмище духовных иерархов, сопротивлявшихся упразднению патриаршества и превращению церкви в служанку государства. В случае победы сторонников великого князя Прокоповича ожидала такая же суровая расправа, как и Меншикова с Толстым.

Когда кабинетсекретарь Петра I А. В. Макаров по требованию присутствующих заявил, что покойный император не оставил завещания, именно Прокопович выступил с решающим аргументом. Воля Петра, сказал он, была выражена актом коронации супруги – именно ее и никого другого он считал своим преемником, о чем и заявил в доме английского негодья накануне коронации. Канцлер Г. И. Головкин подтвердил слова Феофана Прокоповича, и Апраксину как старшему сенатору осталось лишь подвести итог: воля царя священна, и ее надлежит свято выполнять.

В разгар дебатов раздалась барабанная дробь – у дворца появились два гвардейских полка.

– Кто осмелился привести их сюда без моего ведома? Разве я не фельдмаршал? – задал вопрос президент Военной коллегии фельдмаршал князь Н. И. Репнин.

Гвардии подполковник Иван Иванович Бутурлин, ставший после смерти императора полновластным командиром Преображенского полка, выходец из старинного рода, оказавшийся на стороне новой знати из-за конфликта с Репниным, ответил:

– Я велел прийти им сюда по воле императрицы, которой всякий подданный должен повиноваться, не исключая и тебя.^[43]

Кто-то из сенаторов предложил было открыть окно, чтобы спросить у стоявших близ дворца гвардейцев и толпы людей, кого они желают видеть преемником на троне, но Меншиков пресек эту затею.

– На дворе не лето, – сказал он хладнокровно. Значимость своих слов он подтвердил приглашением в покои вооруженных офицеров.^[44]

В дебаты вмешались гвардейские офицеры, заявившие, что если кто

вздумает сопротивляться Екатерине, «то они разобьют головы всем старым боярам».

Рядовые кричали: «Если мы лишились отца, то мать наша еще жива!»

Угрозы подкреплялись подкупом: духовенству было объявлено о значительных льготах, гвардейским полкам из казны императрицы выдали задержанное жалованье, гвардейцы освобождались от тяжелых и бесполезных земляных работ. Так Екатерина Алексеевна стала императрицей – первой женщиной, занявшей трон в России.

События, развернувшиеся во дворце в зимнюю ночь с 27 на 28 января, примечательны в трех отношениях. Во-первых, они положили начало активному вмешательству гвардии в судьбу трона. Это вмешательство не сопровождалось кровопролитием, имевшим место во время стрелецких бунтов предшествующего столетия, прежде всего потому, что гвардейские полки при Петре и его ближайших преемниках представляли однородную социальную силу с «партией» новой знати, борющейся за власть. Во-вторых, это был дворцовый переворот, но совершенный не по классическим канонам, когда занимавшего трон законного государя свергали и заменяли своим кандидатом; события 27-28 января развивались по более упрощенному варианту – законного претендента на трон не допустили к нему. В-третьих, переворот в пользу Екатерины положил начало борьбе за корону, когда победившая «партия» выдавала свою победу за волеизъявление не только победителей, но и побежденных. Сам переворот опирался не на закон, а на силу, всегда скрывавшую подлинный ход событий. В данном случае незаконность восшествия на престол Екатерины была очевидна, но крючкотворы наспех состряпали и обнародовали 28 января манифест, в котором было сказано, что Синод, Сенат и генералитет согласно приказали во всенародное известие объявить печатными листами сообщения о кончине Петра Великого, восшествии на престол Екатерины и повеление, дабы все ей «верно служили». Коронование императрицы в 1724 году было выдано за волю Петра видеть на троне свою супругу.

Все же победителей терзали сомнения относительно того, как отреагируют на происшедшее в Петербурге Москва, являвшаяся оплотом консерватизма, а также 60-тысячная армия, сосредоточенная на Украине под командованием отнюдь не выходца из новой знати, а потомка Гедимины, князя М. М. Голицына.

В Петербурге население отреагировало на воцарение женщины спокойно: не было замечено ни ликования, ни протестов. Отмечалось лишь глубокое сожаление о смерти Петра Великого. «Горе по случаю смерти

Петра всеобщее, – доносил Кампредон, – и можно по всей справедливости сказать, что его так же глубоко оплакивают в гробу, как уважали и боялись на престоле. И действительно, только его мудрому правлению и его непрерывным заботам о распространении цивилизации в среде своего народа обязаны мы той безопасности, которой пользуются теперь здесь».

Опасения относительно москвичей тоже оказались напрасными. Отправленный в Москву гвардии майор Дмитрий Мамонов без всяких осложнений принял присягу императрице чиновной элиты старой столицы. Что же касается командовавшего украинской армией князя М. М. Голицына, то в Петербурге был разработан план его изоляции, если он вздумает поддержать великого князя. «Под каким-то предлогом его потребовали сюда (в Петербург. – Н. П.) немедленно, не извещая его о смерти царя, а в то же время нескольким надежным офицерам послан указ схватить князя Голицына при малейшей попытке заговора или неповиновения с его стороны».^[45] Но и на Украине вступление на престол Екатерины не встретило сопротивления.

Итак, значительных по своим последствиям выступлений против провозглашения Екатерины императрицей не было. Но отдельные протесты все же засвидетельствованы.

В разных сферах общества сторонники великого князя Петра Алексеевича по-разному выражали свое недовольство провозглашением императрицы. Так, по сообщению Кампредона, «за кулисами множество людей тайно вздыхают и жадно ждут минуты, когда можно будет обнаружить свое недовольство и непобедимое расположение свое к великому князю. Происходят небольшие тайные сборища, где пьют за здоровье царевича». «Великий комбинатор» тех времен граф Бассевич предлагал успокоить общество брачными узами представителей противоборствующих «партий» – женить великого князя на принцессе Елизавете: план химерический, противоречивший канонам православной церкви, запрещавшей вступление в брак близким родственникам. Тем не менее Екатерина цепко ухватилась за этот план и даже отправила в Константинополь и Александрию своих представителей хлопотать о благословении такого брачного союза.^[46]

Можно привести множество примеров брожения в обществе. В застенках Тайной канцелярии оказался один из гвардейцев, который так сетовал на свою судьбу: «Не х кому нам голову прислонить, а к ней государыне... господа де наши со словцами подойдут, и она их слушает, что им молвят. Так уж де она, растакие матери (так облагораживали писцы

Тайной канцелярии нецензурную брань. – Н. П.), сожмут у нас рты? Тьфу де, растакая мать, служба наша не в службу! Как де вон, растаким матерям, раздала деревни дворов по 30 и больше... а нам что дала помянуть мужа? Не токмо что, и выеденного яйца не дала».^[47]

В феврале 1726 года было даже осуществлено два покушения на жизнь императрицы. Во время учения гвардейских полков, за которыми из окна первого этажа дворца наблюдала императрица, раздались два залпа; первым из них был ранен в руку и в бок находившийся невдалеке от императрицы лакей Пушкин, а вторым убит стоявший от нее в четырех шагах новгородский купец. «Царица заметила довольно спокойно, что не несчастному купцу предназначалась эта пуля». В марте того же года палач публично сжег пасквиль, в котором Екатерину «называют похитительницей власти, резко порицают ее частную жизнь и говорят, что она не стесняется нарушать законы и начала правления, установленные покойным царем, допускает иностранцев и еретиков до участия в важнейших делах государства и что непонятно ослепление русских, до сих пор не открывших глаза на все это». В столице носились слухи, что царица, подчиняясь совету герцога Голштинского, намерена понемножку наполнить два гвардейских полка ливонцами и шведами.^[48]

Наблюдения иностранного дипломата подтверждают документы Преображенского приказа. В Костромской провинции двое братьев раскольников «из подлого народа» отказались присягать Екатерине и присягнули только под угрозой повторной пытки. Другие послушники заявляли так: «Креста целовать не буду, если женщина царем, то пусть и крест целуют женщины». Одна монахиня говорила: «Я за царицу Бога не молю, молю Бога за царевича, какая она царица?»^[49]

В ноябре 1725 года были казнены два самозванца, выдававшие себя за сыновей покойного царя. Один из них был похож на Петра как две капли воды. Любимец царской четы Яков Волков оказался в опале: «за противные его слова против персоны ее императорского величества» его сослали на Соловки.^[50]

Протесты, как видим, носили разрозненный характер. Те, кто открыто выражал их, оказывались в застенках Преображенского приказа, подвергались жесточайшим истязаниям. Эти истязания вызывали нервное расстройство даже у выдавшего виды Ивана Ромодановского, наследовавшего от отца должность руководителя учреждения, занимавшегося политическим сыском. По словам Кампредона, Иван Ромодановский, «давно уже привыкший к зрелищу пыток, говорил на днях

одному своему приятелю, что не в состоянии более выносить ужасов, которые ему пришлось видеть».

О том, что воцарение Екатерины не вызвало всеобщего ликования, свидетельствует и официальный документ, отметивший 6 января 1727 года (разумеется, без особого восторга), что в городах и уездах «многие злодеи в непристойных и противных словах против персоны его императорского величества, также и ныне благополучно владеющей ее императорским величеством, в Преображенском приказе, что говорили те слова спроста, а иные спьяна». Указ грозил виновным смертной казнью «без пощады».

Продержись Екатерина на троне еще несколько лет, и, быть может, протест против царствования иноземки, покровительствовавшей герцогу Голштинскому, приобрел бы более широкий размах и вылился бы в заговоры и перевороты. Во всяком случае, симптомы появления немецкого засилья, пышно расцветшего при Анне Иоанновне, наблюдались уже в царствование Екатерины I, когда набрали силу ее зять герцог Голштинский, ее фаворит Левенвольд и непотопляемый и незаменимый Остерман.

Глава четвертая ВДОВА НА ТРОНЕ

Самое поразительное в судьбе Екатерины состоит в том, что Петр, несомненно, знавший об ограниченных способностях своей неграмотной супруги, даже не попытался хоть как-то образовать ее и подготовить к будущему царствованию, не привлекал к управлению колоссальной империей ни до коронации, ни после нее. Во всяком случае, переписка супругов не дает ни малейших оснований для утверждения, что император обременял ее поручениями государственного характера, делился с нею опытом, наставлял, как преодолевать сопротивление противников преобразований и стимулировать активность их сторонников – словом, обучал мудростям государственного деятеля.

Между тем страна находилась в сложном и тяжелом положении. Полученное от супруга наследство нуждалось для управления им в столь опытной и твердой руке, что, казалось, Екатерине не суждено было удержаться на троне, тем более незаконно ею занятом.

Два с лишним десятилетия изнурительной войны за выход к Балтийскому морю, напряженная мобилизация экономических и людских ресурсов, бесследно исчезающих на поле брани, пагубно отражались на положении сельского и городского населения. Бремя налогов и повинностей, непрерывно один за другим обрушивавшихся на плечи народа, суровое взыскание недоимок подрывали хозяйство селян и горожан.

Крестьяне, составлявшие почти 97 процентов населения России, страдали не только от тягот войны. Прежде всего, конечно же, следует вспомнить о крепостническом режиме, обязывавшем крестьянина обеспечивать сытую жизнь барина, членов его семьи, а также многочисленной челяди, их обслуживавшей. Крепостной мужик вынужден был делиться с помещиком результатами своего нелегкого труда: поставлять к его столу всякого рода снедь, обеспечивать деньгами, обрабатывать его пашню. По своим размерам повинности в пользу помещика нередко соперничали с повинностями в пользу государства. Здесь наблюдалась определенная закономерность: чем больше изымало у крестьянина государство, тем меньше оставалось помещику, и наоборот. При этом надобно учитывать, что ни государство, ни помещик не были заинтересованы в утрате крестьянином платежеспособности, в лишении его условий воспроизводства хозяйственных ресурсов.

Крестьянин являлся объектом грабежа еще и для правительственных чиновников, взимавших с них повинности, а также для приказчиков – и те и другие не упускали случая, чтобы поживиться с крестьян дополнительными поборами в свою пользу.

Два обстоятельства значительно усложняли и затрудняли выполнение задач, стоявших перед обладательницей трона. Первое и едва ли не главное состояло в отсутствии у бывшей прачки опыта и знаний. Отсутствовало у нее, разумеется, и четкое представление о том, каким курсом надлежит вести государственный корабль, какими средствами могут быть закреплены успехи, достигнутые Россией в годы продолжительного царствования ее покойного супруга, и какие его начинания нуждаются в корректировке и даже в отмене, как миновать подводные рифы в виде тайных козней противников преобразований и сторонников старины.

Второе обстоятельство, неблагоприятно сказывавшееся на выполнении государыней своих обязанностей, было связано с состоянием ее здоровья. Женщина, в молодые годы отличавшаяся богатырским здоровьем и незаурядной физической силой, к сорока годам превратилась в рыхлую особу с немалым количеством недугов.

Екатерина I пережила своего супруга всего на два года, хотя была значительно моложе его. Уход из жизни в 43 года (или около этого) объяснялся прежде всего ненормальным образом жизни императрицы, что неоднократно отмечали современники. Французский посол при русском дворе Кампредон, кажется, внимательнее других дипломатов следил за состоянием здоровья императрицы, регистрируя не только простудные, но и хронические заболевания. Последние он объяснял гастрономическими излишествами, чрезмерным увлечением напитками, страстью к развлечениям, превращение дневных часов в ночные – Екатерина имела обыкновение отправляться ко сну в четыре-пять утра.

Первый раз Кампредон отметил, что императрица «несколько чересчур предается удовольствиям даже до того, что расстраивает свое здоровье», в депеше от 5 октября 1725 года. В последующих посланиях Кампредон расшифровал суть этих «удовольствий»: «царица сильно прихворнула вследствие пира в день Андрея Первозванного. У нее сделались конвульсии, сопровождавшиеся биением сердца и лихорадкой». Частые застолья в кругу придворных дам вызывали чрезмерную полноту, несколько раз отмеченную Кампредоном: «она чрезвычайно полна, ведет очень неправильную жизнь»; «часто хворала вследствие своей чрезмерной полноты».

Состояние здоровья императрицы интересовало не только посла, но и

министра иностранных дел Франции, пользовавшегося информацией и из других источников. В октябре 1726 года министр граф де Морвиль извещал своего посла в Петербурге: «Со всех сторон доходят сведения, будто здоровье царицы слабеет с каждым днем и будто расстройство доходит до того, что государыня не может долго прожить». Министр получил сведения и о том, «что царица жить не может, ибо кровь у нее совершенно заражена».

Сведения министра о заражении крови Екатерины посол решительно опроверг в депеше от 20 декабря 1726 года: «Здоровье царицы совершенно поправилось, и здесь никому даже в голову не приходит, будто кровь у нее заражена и будто сама государыня близка к смерти».

Перелом в течении болезни наступил в начале 1727 года. Посол отправлял одну депешу за другой с извещениями о состоянии здоровья императрицы. 8 февраля она будто оправилась от болезни, но врачи запретили ей выходить из покоев в течение двух месяцев. Лишь однажды она выехала из дому, чтобы потом большую часть времени провести в постели.

Двор в Петербурге тщательно скрывал истинное положение дел, распуская слухи, что императрица здорова. Кампредон с иронией сообщал об этом своему двору 8 апреля 1727 года: «Хотя здоровье царицы и принято считать превосходным, но государыня до того ослабела и так изменилась, что ее почти узнать нельзя». Подтверждением тому – скромно отпразднованный день ее рождения в присутствии герцога и герцогини Голштинских, принцессы Елизаветы, фельдмаршалов Сапеги и Меншикова.^[51] Екатерина не смогла присутствовать даже на обедне в дворцовой церкви на Пасху (2 апреля).

Скрыть подлинное состояние здоровья императрицы было невозможно. Буквально на следующий день после отправки Кампредоном донесения другой дипломат, Мардефельд, много лет представлявший интересы прусского короля при русском дворе, сообщил о переполюхе, вызванном состоянием императрицы: «...несколько дней все находились здесь в смущении и страхе, ибо царица в прошлую субботу заболела вторично старою болезнью и при том так сильно, что она причастилась и во дворец были призваны все министры и весь генералитет. Но, слава Богу, в ночь с воскресенья на понедельник в болезни наступил перелом, и выступил пот; по этим и другим благоприятным признакам медики считают царицу вне опасности, так как она дышать стала свободно, в чем состояла главная болезнь ее».^[52]

За здоровьем императрицы пристально следили все иноземные дипломаты: саксонский посол Лефорт, австрийский Рабутин, посол прусского короля Мардефельд, чьи депеши иногда совпадали с содержанием депеш Кампредона, а иногда существенно дополняли их. Так, Лефорт в депеше, отправленной 19 октября 1725 года, подтвердил информацию Кампредона о болезни Екатерины и сообщил о способе, которым ее вылечили: «Ее величество чувствует себя гораздо лучше после того, как ей пустили кровь». Известно, что пускание крови в XVIII веке считалось универсальным средством излечения всех недугов.

О хронической болезни императрицы Лефорт доносил в марте следующего года: «У царицы часто бывает опухоль на ногах. Она поднималась до бедра и не предвещает ничего хорошего». 17 декабря 1726 года Лефорт поведал о новом недуге Екатерины: «Нездоровье царицы происходит от кровотечения носом, которому она очень подвержена, и часто повторяющемся».

О недугах императрицы сообщал своему правительству и австрийский посол Рабутин в депеше от 11 мая 1726 года: «Царица находится постоянно в своих покоях и лишь очень редко допускает к себе иностранных дипломатов». Стремление уклониться от встречи с представителями иностранных дворов, видимо, объяснялось не только недомоганием императрицы, но и ее опасением сказать в беседе с ними что-нибудь лишнее – проговориться ненароком о какой-либо тайне или пообещать то, что нанесло бы ущерб государству.

Эти наблюдения подтверждает и источник русского происхождения – «Журнал камер-фурьерский» за июль – октябрь 1726 года. Императрица действительно вела странный, беспорядочный образ жизни: ночью она бодрствовала, а днем, как тогда выражались, опочивала, и вельможи проводили долгие часы при дворе в ожидании, когда она изволит проснуться.

Камер-фурьерские журналы – источник скудный по своему содержанию. В них регистрировались лишь четыре эпизода в каждодневной жизни монарха: время, когда императрица ужинала и ложилась спать, часы, проведенные вне стен дворца, и время, когда она садилась за обеденный стол. Екатерина даже приблизительно не придерживалась какого-либо распорядка дня: ложилась спать, когда клонило ко сну, чаще всего в утренние часы; вставала к вечеру, проводя в постели от шести до двенадцати часов. Ночью бодрствовала, иногда прогуливаясь до рассвета в Летнем саду. За обеденный стол садилась раз в сутки, насыщая желудок обильной пищей, что позволяло ей не чувствовать

голода в течение продолжительного времени.

Вот как, например, императрица провела день 5 июля 1726 года. В начале одиннадцатого утра отправилась ко сну; встала в пятом часу дня; в восьмом обедала; в четвертом часу ночи прогуливалась в Летнем саду; отправилась спать в третьем часу дня. В другие дни она вставала в третьем часу дня, а иногда случалось, что и в одиннадцатом или двенадцатом ночи – в зависимости от времени, когда отправлялась опочивать. Время обеда тоже не было постоянным и колебалось в зависимости от времени пробуждения. [53]

Современники были правы: отсутствие режима способствовало болезни императрицы, ускоряло ее уход из жизни.

Резкое ухудшение состояния больной наступило 22 апреля. В течение этого и последующего дней Екатерина подвергалась удушью, несколько раз теряла сознание, бредила. Скончалась она 6 мая 1727 года.

Казалось бы, подробности о состоянии здоровья императрицы можно счесть лишними. Но это не так. Читатель должен иметь представление о том, что даже при наличии скромных способностей государственного деятеля императрица не смогла бы их реализовать. Что же касается иноземных послов в Петербурге, то их интерес к здоровью императрицы понятен – ее кончина должна была сопровождаться не только сменой лица, стоявшего на вершине правительственной пирамиды, но и сменой состава «команды» и, следовательно, возможным изменением внешнеполитического курса.

В самом начале царствования Екатерины I ее болезненность вместе с добродушным и сердобольным нравом давали современникам повод полагать, что «царствование этой царицы будет тихо и счастливо». Подданные, доносил Лефорт, «начинают воспевать счастливое освобождение от тирании и очень хорошо понимают, что царствование женщины не может быть до такой степени деспотическим», как предыдущее. Но безволие и добродушие правителя далеко не всегда обеспечивают положительную оценку царствования.

*

Царствование Екатерины началось под знаком траура по умершему супругу. Тело Петра оставалось непогребенным в течение сорока дней, и

все это время Екатерина ежедневно дважды, утром и вечером, оплакивала его. «Придворные дивились, – замечал современник, – откуда столько слез берется у императрицы».

С первых же дней новая императрица продемонстрировала намерение строго следовать курсом Петра. Но многое и изменилось – причем и внешне, и по существу. Так, изменился при Екатерине характер развлечений, что, казалось бы, и не имело большого значения, но многим казалось симптоматичным. Петр, как известно, ввел устройство ассамблей – собраний разношерстных по составу людей, где, наряду с развлечениями, велись деловые разговоры и где можно было встретить вельмож, кораблестроителей, разного рода умельцев, купцов, послов иноземных государств. Именным же указом Екатерины Алексеевны 11 января 1727 года велено было еженедельно по четвергам в пятом часу пополудни собираться в дом ее императорского величества «на курдах, или съезд». Судя по указу, куртаги отличались от ассамблей: для них был отведен специальный день, в то время как устройство ассамблей не имело строгой периодичности; куртаги созывались при дворе императрицы, в то время как ассамблеи – поочередно у вельмож; наконец, главное отличие состояло в более демократическом составе участников – на куртаги приглашались русские и иностранные министры, а также чины не ниже полковничьего. С ассамблеями куртаги роднило лишь присутствие дам и право находиться в собрании, «кто сколько хочет». «Невозможно описать поведения этого двора; со дня на день не будучи в состоянии позаботиться о нуждах государства, все страдают, ничего не делают, каждый унывает и никто не хочет приняться за какое-либо дело, боясь последствий, не предвещающих ничего хорошего... Дворец делается недоступным, полным интриг, заговоров и разврата». Другое донесение содержит неприглядные подробности придворного быта. «Я рискую прослыть за лгуна, – доносил Лефорт, – когда опишу образ жизни русского двора. Кто бы мог подумать, что он целую ночь проводит в ужасном пьянстве, и расходится уже самое ранее в пять или семь часов утра. Более о делах не заботятся. Все страдает и погибает».^[54]

Отдав должное памяти супруга соблюдением годичного траура, Екатерина будто бы спешила наверстать упущенное: балы и маскарады чередовались с празднествами по случаю выдачи наград, смотрами гвардейских полков. Продолжая традиции, императрица совершала частые прогулки по Неве, сопровождавшиеся пушечной пальбой, присутствовала на спуске галер. «Имея необыкновенную склонность к навигации и флоту, – писал Вильбуа, – она устраивала почти каждое воскресенье и по

праздникам летом представление с морским боем». Развлечения продолжались до глубокой ночи. 1 мая 1726 года на Екатерину был возложен польский орден Белого орла. Празднества закончились в семь часов утра. 7 мая двор веселился до трех часов ночи. 30 июня она пиновала на именинах графа Сапеги до четырех утра. Публичные развлечения дополнялись камерными, происходившими ежедневно во дворце, в кругу гофдам, камергеров, гофмейстеров и прочих придворных.

И все же действительность опровергла пессимистические размышления дипломатов. Жизнь продолжалась, и дела хоть как-то, но совершались. Правда, происходило все это не в том бурном ритме, как при Петре Великом. Ожидать новшеств, умения угадывать развитие событий от императрицы не приходилось, но ей была доступна элементарная мысль о необходимости довести до конца дела, начатые покойным супругом. Именно так она и поступила. «Санкт-Петербургские ведомости» в ноябре 1725 года извещали население: «Ее императорское величество матернее имеет попечение к своим подданным, а наипаче в тех делах, кои начаты при его величестве, дабы их всемерно в действие произвести, а наипаче о науках молодых москвичей, для которых новые профессеры из других краев выехали, и по оным профессорам показала милость и высокую свою протекцию... Немалое имеет попечение о воинских делах и в прочем, что принадлежит к удовольствию полков, и часто изволит сама при экзерцициях присутствовать». Не забыли упомянуть и о том, что императрица продолжила благоустраивать Петергоф, повелев «некоторые дома доделывать и игровыми водами и прочими украшениями украшать».

Газета не упустила случая оповестить читателей о милосердии императрицы, оказанном капитан-поручику, который наткнулся на протазан и «жестоко поколосся». Узнав об этом, Екатерина «изволила, встав из-за кушанья, выйти к тому раненому и указала его отвести в особливую палату, архиерей и лейбмедики призваны, и указала того раненого при себе перевязать, а потом едва ли вси дни изволила его сама надзирать».

Императрица в первые дни царствования совершала и более существенные акции, чем излечение от раны капитанпоручика Петра Чичерина или сооружение новых домов в Петергофе. По традиции, взошедший на престол государь начинал царствование актами милосердия. Екатерина не отступила от правил: она предоставила свободу осужденным навечно к каторжным работам, освободила из ссылки Петра Шафировова, а сестру казненного Виллима Монса Матрену Балк, спина которой соприкоснулась с кнутом палача, вернула из пути в Сибирь, причем восстановила ее в прежней должности статс-дамы императрицы. Более

того, специальный Указ запрещал упрекать ее в чем-либо под страхом телесного наказания. Шафирову же было дано почетное задание написать историю царствования Петра Великого до 1700 года, которое он, кстати, не выполнил. Помилование коснулось и украинских старшин, содержавшихся по повелению Петра в заточении за протест против ликвидации гетманства.^[55]

Забота, хотя и мелочная по своему значению, была проявлена и к населению: оштрафованные за неявку на исповедь на 5, 10 и 15 копеек освобождались от уплаты штрафа для «поминовения покойного», отменялась отправка солдат в города и провинции для взыскания доимки по сбору подушной подати и рекрутов.

Актами милосердия дело не ограничилось. Императрица издала три указа, направленных на завершение конкретных дел, начатых супругом. Один из них извещал подданных о намерении завершить постройку 96-пушечного корабля, чертеж и закладка которого были изготовлены и совершены Петром.^[56]

Продолжила императрица и начатую Петром организацию Академии наук. В 1724 году царь опубликовал проект учреждения Академии наук, или Социетета наук и художников, определив на ее содержание 25 тысяч рублей в год. Екатерина поручила русскому послу в Париже Кузакину пригласить в Россию крупных ученых, рекомендованных лейб-медиком Петра Блюментростом: двух братьев Бернулли, Билфингера, Делиля и др. В Петербург они прибыли в конце 1725 года, а Академия наук была открыта в 1726 году. Ее президентом был назначен Лаврентий Блюментрост.^[57]

Третья инициатива Екатерины состояла в организации Камчатской экспедиции. Царя еще в 1718 году интересовал вопрос о наличии пролива, отделявшего Америку от Азии. Для разъяснения сомнений Петр составил в январе 1719 года инструкцию геодезистам Ивану Евреинову и Федору Лужину и отправил их на Камчатку. Евреинову и Лужину удалось открыть Курильские острова, но интересовавший царя вопрос они так и не прояснили. Тогда в 1725 году царь решил отправить новую экспедицию во главе с опытными мореплавателями Витусом Берингом и А. И. Чириковым, которой надлежало соорудить на Камчатке корабли и плыть на север вдоль берега для определения места, где Азия сходится с Америкой, самим побывать на берегу и составить карту. Это намерение было претворено в жизнь уже при Екатерине.

Унаследованные от Петра замыслы хотя и были важными, но далеко отстояли от решения кардинальной задачи, стоящей перед империей: как

вывести страну из кризиса. И самой Екатерине, и ее окружению, вручившему ей корону, было ясно, что она не имела ни малейшего представления, что и как надо было делать. Вся надежда ложилась на плечи бывших соратников царя. Однако для того, чтобы воспользоваться их услугами, требовались такт, умение маневрировать, а главное, умение добиваться беспрекословного подчинения своей воле. Как известно, Петр привлек к решению задач, стоявших перед страной, весьма разношерстную в национальном и социальном отношении публику. В одной упряжке тянули лямку наряду с русскими шотландец Я. В. Брюс, датчанин К. Крюйс, еврей П. П. Шафиров, литовец П. И. Ягужинский; лица, лишенные возможности похвастаться своим родословием (А. Д. Меншиков, П. А. Толстой, Г. И. Головкин), соседствовали с представителями древнейших аристократических родов: Долгорукими, Голицыными, Репниными.

После кончины Петра непрочно сколоченная команда распалась на две «партии». Победу, как уже отмечалось, праздновала новая знать во главе с Меншиковым – сторонники Екатерины, смертельно боявшиеся восшествия на престол внука Петра Великого Петра Алексеевича. Но как только стало ясно, что противник повержен, что соратники Петра сохранили свое положение, их сплоченности пришел конец. Причем инициатором разброда и соперничества выступил Меншиков, сумевший сосредоточить в своих руках поистине огромную единоличную власть.

Соперничество между Меншиковым и Толстым во влиянии на императрицу стало достоянием иностранных наблюдателей, в частности французских дипломатов Кампредона и Маньяна. В первые месяцы после вступления на престол Екатерины перевес, кажется, был на стороне Толстого. Приведем выдержки из донесений Кампредона.

17 февраля 1725 года: «Наиболее доверенным лицом и ее (Екатерины. – Н. 77.) министром является, по-видимому, Толстой. Это человек даровитый, скромный и опытный. Государыня каждую ночь советуется с ним».

3 марта: Толстой «стал теперь правой рукой царицы. В последних событиях он служил ей с ловкостью и успехом изумительными. Это лучшая голова в России. Он прожил до старости среди государственных дел и ведет их так же искусно, как и осторожно».

24 апреля: «Толстой самый доверенный и, бесспорно, самый искусный из министров царицы».

29 мая: «Между министрами заметно сближение. Канцлер Головкин, как и Ягужинский, начинают придерживаться Толстого, влияние коего все возрастает».

9 июня: «Все, что ей (императрице. – *Н. П.*) днем говорится и обсуждается, взвешивается и направляется ночью ею и Толстым, ловким дипломатом, который делает вид, будто отдалается от дел и не вмешивается ни во что, кроме совещаний Сената».

Толстому, однако, недолго довелось выполнять роль самого близкого советника императрицы. Уже в апреле 1725 года его начинает оттеснять Меншиков. Обратимся к свидетельствам того же Кампредона.

7 апреля: «...чрезмерные милости к коему (Меншикову. – *Н. П.*) возбуждают неудовольствие всех прочих сенаторов».

14 апреля: «Если и происходит некоторое внутреннее волнение в умах министров, то лишь из-за стремления их поколебать влияние князя Меншикова».

21 апреля: «Милости к Меншикову все увеличиваются».

3 мая: «Князь Меншиков пользуется величайшею властью, какая может выпасть на долю подданного». ^[58]

Укрепление позиций светлейшего сопровождалось падением влияния Толстого. Оно поубавилось даже в таких вопросах, где его компетентность не вызывала никаких сомнений и где он до этого считался хозяином положения. 6 апреля 1726 года Кампредон доносил о поведении императрицы, явно ущемлявшей престиж Толстого: в Верховном тайном совете «не постановлялось никакого решения без предварительного просмотра его Остерманом», который в то время являлся ставленником Меншикова. Чтобы избежать унизительной для себя процедуры согласования решения с Остерманом, Толстой предпочитал присутствовать лишь на тех заседаниях Верховного совета, на которых присутствовал барон: «...он (Толстой. – *Н. П.*) никогда не потерпит, чтобы его мнение подчинено было мнению Остермана, чего можно избежать, высказываясь обоим одновременно». ^[59]

Чем слабее верховная власть, тем большее влияние на нее оказывают фавориты и временщики, использующие свое влияние либо в корыстных целях, либо в интересах государства. При Екатерине I временщиком стал Александр Данилович Меншиков, сочетавший в своем лице оба качества – выученик Петра, он умел действовать в интересах государства, не забывая при этом утолить ненасытную алчность и умножить и без того колоссальное богатство.

Все современники единодушны в оценке безграничного влияния Меншикова на императрицу. Колоссальная власть, обретенная им в ее царствование, вызывала раздражение и недовольство прочих вельмож. Еще

не похоронили Петра, как между птенцами гнезда Петрова разразился скандал. 31 марта 1725 года во время всенощной в Петропавловском соборе Ягужинский в состоянии подпития, когда он становился неуправляемым, сказал, обращаясь к гробу с телом Петра: «Мог бы я пожаловаться, да не услышит, что сегодня Меншиков показал мне обиду, хотел мне сказать арест и снять с меня шпагу, чего я над собою никогда не видал». Генералпрокурор Сената за эти слова, произнесенные публично, мог поплатиться опалой, отлучением от двора, и понадобились большие усилия министра герцога Голштинского графа Бассевича и самой императрицы, чтобы утихомирить разгневанного князя, требовавшего сурового наказания обидчика.

В те недели и месяцы, когда Ягужинский не подвергал свой организм чрезмерному влиянию горячительных напитков, он слыл рассудительным человеком и пользовался доверием императрицы в качестве противовеса Меншикову. Такой эпизод отметил Кампредон в октябре 1726 года: «Ни благоразумнее, ни трезвее прежнего он не сделался, но его безотлучное влияние около царицы не оставляет более сомнения в том, что он сделался ее любимцем». И это несмотря на то, что в августе он совершил поступок, вызвавший раздражение Екатерины: «На днях Ягужинский напился при дворе и пьяный бросился на колени перед царицей, жалуясь ей на пренебрежение, с каким к нему, по его мнению, относятся теперь, и перемешивая эти жалобы с ругательствами против разных будто бы обидевших его лиц, в особенности против Меншикова. Говорят, царица ужасно оскорбилась этим поступком Ягужинского. Но у него подобные сцены дело обычное и, вероятно, и эта сойдет ему с рук, тем более что он уже после этого назначен послом в Польшу...»

Среди влиятельных персон, выдвинувшихся при Петре, ко времени его кончины осталось мало людей, способных противостоят Меншикову. Первый министр в правительстве, канцлер Г. И. Головкин, был стар и немощен настолько, что готов был доживать свой век в монастырском заточении. Генераладмирал Ф. М. Апраксин также доживал последние годы. Да он и не обладал бойцовскими качествами даже в расцвете своих физических сил.

В 1726 году Федору Матвеевичу исполнилось 65 лет – по тем временам возраст достаточно солидный, позволявший ему жаловаться на множество болячек. Но Меншиков, хотя и не считавший его своим сторонником, но знавший его покладистый характер, не отпускал его на покой. В конце апреля 1726 года французский дипломат описал своеобразный протест Апраксина: «Дня четыре тому назад адмирал

Апраксин собрал у себя всех своих племянников и объявил им, что, на его взгляд, все начала покойного царя исчезли бесследно, что ему, адмиралу, не позволяют даже удалиться под конец дней своих на покой, между тем, прибавил он со слезами, у него уже слабеет память, и хотя он, подчиняясь требованию, вступит еще на корабль в этом году, но это будет уже последний раз». ^[60]

Любимец армии, талантливый полководец М. М. Голицын уклонялся от политических интриг, считая, что надлежит вести с противниками честную, а не подковерную борьбу. Умный и проницательный Яков Виллимович Брюс предпочел уйти на покой, заняться научными разысканиями и поэтому запросил отставку.

В этих условиях честолюбие и алчность Меншикова проявлялись повсюду, и императрица опасалась сопротивляться желаниям светлейшего. Так, ему захотелось получить чин генералиссимуса и в придачу город Батурин на Украине, который он разорил в 1708 году. Еще в 1721 году по случаю заключения Ништадтского мира Меншиков обратился к царю с просьбой пожаловать ему бывшую столицу гетмана: «Всенижайше у вашего императорского величества прошу милости для нынешней всенародной о состоянии с короною Свейскою (Швецией. – Н. П.) вечного мира радости и на воспоминание Полтавской баталии и Батуринского взятия пожаловать мне во владение город Батурин с предместьем и с уездом, что к нему преж сего принадлежало, и с хуторами, и с мельницами, и с землями, и с жителями, кто на той земле, поселясь, ныне живут. Я, ваше императорское величество, не хотел было сим прошением утруждать, но сего ради, что ваше императорское величество изволил повелеть во взятии оный город разорить и дабы никто в нем не жил; а ныне в предместье того города и в уезде живут, поселясь, всякого чина люди, а именно Чечеля, который во время измены Мазепиной был наказным гетманом и хотел с меня, живого, кожу содрать, жена его, и дети, и другие бывшие в измене с Мазепюю». Тогда царь не удовлетворил домогательства Меншикова, и через четыре года светлейший возобновил просьбу, обратившись на этот раз к Екатерине. В челобитной на ее имя есть и такие слова: «...прошу не для себя, но для самодержавной власти вашего величества». ^[61]

У Екатерины, знавшей, сколь не популярны у вельмож притязания Меншикова, хватило отваги удовлетворить лишь одну просьбу князя: она пожаловала ему Батурин и Гадяч, но отказала в чине генералиссимуса.

Беспредельное властолюбие князя превратило его в некоронованного государя – «полудержавного властелина», по выражению А. С. Пушкина,

что отмечали все иностранные наблюдатели и особенно саксонский дипломат Лефорт, внимательно следивший за перипетиями дворцовых интриг и по горячим следам делившийся впечатлениями со своим двором. Приведем выдержки из его депеш.

17 марта 1725 года: «Меншиков всем ворочает... Меншиков старается лишить Репнина влияния, которым он пользуется, и обходится с ним так дурно, что клянется его погубить».

26 февраля 1726 года: «Важные перемены, сделанные в государственных учреждениях, служат верным доказательством влияния и полной власти князя Меншикова».

14 мая 1726 года: «С другой стороны, князь Меншиков для того, чтобы уменьшить власть голштинского двора, захватывает себе, быть может, больше власти, чем бы следовало, чем навлекает на себя чрезмерную зависимость, хотя до сих пор держит всех в повиновении».

11 июня 1726 года: «При дворе не пьют более ни за чье здоровье, как царицы и князя Меншикова... Ничего не может быть вернее того, что он управляет как самодержавный властелин, и все ему потворствуют».

23 июля 1726 года: «Меншиков имеет верховную власть, никто ему не сопротивляется...»

Июль 1726 года: «Меншиков положительно неограниченный правитель всего государства, его самоуправство дошло до того, что голос царицы умолк... Незаконно приобретенная власть Меншикова на весьма шатких основаниях. У него несметное число врагов. Основой власти служат уверенное самохвальство и слепое счастье». В этой же депеше Лефорт сообщает о слухах о намерении князя жениться на Екатерине: «Достиг он до того, что русские полагают, будто это только возможно, что царица выйдет за него замуж и возведет его на царский престол: возносится он на высоту, чтобы с тем большей силой обрушиться».

20 августа 1726 года: «Князь то и дело от имени царицы рассылает указ за указом, о которых она и не знает».

17 декабря 1726 года: «Князь Меншиков держится крепко, даже думают, что если будет употреблено какое-нибудь насилие, князь Меншиков не поддастся. Он имеет опору, еще не ослабевшую». ^[62]

Впрочем, осведомленность Лефорта оставляет желать лучшего. В действительности Меншикову иногда приходилось с напряжением всех сил отстаивать свое положение: за время царствования Екатерины можно насчитать, по крайней мере, два эпизода, когда почва под его ногами сильно колебалась и его могли постигнуть опала и даже катастрофа. Первый из них связан с попыткой Александра Даниловича овладеть короной герцога

Курляндского. В Курляндии он встретил упорное сопротивление, которое, как он полагал, можно было преодолеть не тонкими дипломатическими ходами, а приемами, которыми он широко пользовался в России, – напором, грубой силой, угрозами.

Курляндский трон оказался вакантным при следующих обстоятельствах: в 1710 году Петр Великий выдал замуж свою племянницу Анну Иоанновну за курляндского герцога Фридриха-Вильгельма. После пышной свадьбы и двухмесячного застолья супружеская пара возвращалась в столицу Курляндии Митаву, но в дороге супруг занемог и скончался. В Митаве Анна Иоанновна в течение пятнадцати лет вела скучную вдовью жизнь в окружении чуждого ей курляндского дворянства, заносчивого и спесивого. И вдруг в 1726 году мелькнула надежда выйти замуж за внебрачного сына польского короля Августа II Морица Саксонского, которого, естественно, привлекала не столько мужеподобная Анна Иоанновна, сколько корона Курляндского герцогства. Граф Мориц Саксонский, прославившийся на всю Европу мотовством, скандальными поступками и амурными похождениями, вдоволь натешившись, предложил вдове руку и сердце.

Анна Иоанновна достигла того критического возраста, когда привередливость в выборе жениха становится рискованной. Она тут же дала согласие на брак. Остановка за малым – надобно было получить согласие петербургского двора. Но в Петербурге план решительно отклонили – брак должен был положить конец притязаниям России на присоединение к ней Курляндии, а провозглашение Морица Саксонского герцогом превращало Курляндию в провинцию Речи Посполитой. Тогда у Меншикова и возникла честолюбивая мечта дополнить свой пышный титул еще двумя словами: «герцог Курляндский». Заметим, идея стать герцогом Курляндским осенила голову князя с большим опозданием – в Митаве уже состоялся избирательный сейм, депутаты которого единодушно отдали голоса за Морица Саксонского.

Перед Меншиковым, отправившимся в Митаву за короной, стояли многотрудные и практически не выполнимые задачи. Прежде всего, он должен был убедить Анну Иоанновну, что Мориц Саксонский – «б....дин сын» и не пара русской принцессе и герцогине. Анна Иоанновна использовала весь арсенал дамских аргументов – лесть, ссылку на свой возраст, обильные слезы, но своего не достигла; Александр Данилович твердо стоял на своем. Князь сообщал своей супруге явную ложь, когда писал ей: Анна Иоанновна, «кажется, с великою охотою паче всех желает, чтоб в Курляндии князем быть мне, и обещала на то всех курляндских

управителей и депутатов склонить». В действительности все обстояло наоборот: Меншиков настолько грубо себя вел с герцогиней, что та, зная могущество князя, все же осмелилась отправиться в Петербург с жалобой на его поступки и угрозы.

Непривычный для себя афронт князь получил и от руководителей сейма: под разными предлогами они отклонили требование князя созвать новый сейм, который бы отменил постановление предыдущего об избрании Морица герцогом. Свое требование Меншиков подкрепил угрозой ввести в Курляндию двадцатитысячное войско, а непослушных депутатов отправить в Сибирь.

Грубые действия князя, превышавшие его полномочия, вызвали в Петербурге поначалу настороженное, а затем и резко отрицательное отношение, ибо могли спровоцировать войну с Речью Посполитой. Меншиков был срочно вызван в Петербург, над ним нависла угроза опалы. Волнение и озабоченность не покидали светлейшего с тех пор, как он получил вызов из Риги в Петербург, и до той минуты, пока за ним не закрылись двери покоев, в которых его принимала императрица. Не случайно Александр Данилович, прибыв в Петербург, отправился не к себе во дворец, в лоно семьи, а в императорский дворец, чтобы развеять сгустившиеся над собой тучи.

Содержание четырехчасовой беседы Меншикова с императрицей не известно, но, судя по всему, князю пришлось немало потрудиться, чтобы отвести угрозу падения.^[63]

В следующем году Меншикову пришлось выдержать еще одно испытание. На этот раз речь шла о его семейных делах: князь стремился подыскать двум своим дочерям – старшей Марии и младшей Александре – достойных женихов.

Для Марии жених нашелся довольно быстро – им оказался сын польского магната Сапеги. 13 марта 1726 года в роскошно убранном дворце Меншикова под гром артиллерийских залпов и звуки оркестра в присутствии всей столичной знати состоялась помолвка жениха и невесты. Исполнился год со времени похорон Петра, и Екатерина, участвовавшая в обмене перстнями, после траура разрешила забавиться танцами.

Милости на Сапег посыпались как из рога изобилия. Не подлежит сомнению, что о них хлопотал будущий тесть. Накануне помолвки графа Сапегу-отца Екатерина неведомо за какие заслуги пожаловала чином российского генералфельдмаршала, а в том же марте – орденом Святого Андрея Первозванного; будущий зять получил высокий чин придворного камергера. Меншиков всякий раз демонстрировал дружеское расположение

к семье заезжего жениха. Отец и сын – желанные гости в роскошном дворце князя. Он тоже частенько навещал свата.

Не забыл светлейший и о своей младшей, более привлекательной дочери Александре. В том же 1726 году доверенный человек князя вступил в переговоры о заключении брачного контракта с ангальт-цербстским принцем. Посланник князя преднамеренно проехал через обширные владения принца и «подлинно извещился: место, в котором он резидует, есть зело изрядное, крепость хорошая, одним словом сказать, по княжески, и, по-видимому, в воле в вашей княжеской светлости состоит светлейшую княжну, дочь свою, зело щастливой учинить».

Однако ни тот ни другой план Меншикову осуществить так и не удалось. Брачный контракт с Сапегой расстроила сама императрица. На этот счет среди иностранных дипломатов носились исключаящие друг друга слухи: одни сообщали своим дворам, что жених Марии Александровны приглянулся самой императрице и она использовала его в качестве фаворита (хотя действительным любовником Екатерины был Левенвольд); другие – что Екатерина намеревалась женить молодого Сапегу на своей племяннице. (И в самом деле, с соизволения императрицы, Сапега женился на Софье Карловне Скавронской.)

Не дошло дело до свадьбы и у Александры Меншиковой. Переговоры затянулись до падения светлейшего князя, когда глава семьи и обе его дочери оказались в ссылке.

Впрочем, неудачу по поводу несостоявшегося брака с Сапегой Меншиков пережил без особого напряжения и горевал недолго. Александр Данилович исхлопотал у императрицы еще более выгодного жениха: в завещании, составленном не без участия Меншикова и его подручного Остермана, Екатерина объявляла своим преемником 12-летнего Петра Алексеевича, обязав его жениться на одной из дочерей светлейшего.

Глава пятая ВЕРХОВНЫЙ ТАЙНЫЙ СОВЕТ

Мысль о создании учреждения, стоявшего выше Сената, витала в воздухе еще при Петре Великом. Однако в жизнь она была претворена не им, а его супругой Екатериной I. При этом сама идея изменилась кардинально. Петр, как известно, правил страной сам, вникая во все детали правительственного механизма как во внутренней, так и во внешней политике. Екатерина же была лишена достоинств, которыми природа щедро наградила ее супруга.

Современники и историки по-разному оценивали скромные способности императрицы. Фельдмаршал русской армии Бурхард Христофор Миних не жалел хвалебных слов в адрес Екатерины: «Эта государыня была любима и обожаема всей нацией, благодаря своей врожденной доброте, которая проявлялась всякий раз, когда она могла принять участие в лицах, попавших в опалу и заслуживших немилость императора... Она была поистине посредницей между государем и его подданными».^[64]

Восторженный отзыв Миниха не разделял историк второй половины XVIII века князь М. М. Щербатов: «Она была слаба, роскошна во всем пространстве сего названия, вельможи были честолюбивы и жадны, и из сего произошло: упражняясь в повседневных пиршествах и роскошах, оставила всю власть правительства вельможам, из которых вскоре взял верх князь Меншиков».^[65]

Знаменитый историк XIX века С. М. Соловьев, изучавший время Екатерины I по неопубликованным источникам, дал Екатерине несколько иную оценку: «Екатерина сохранила знание лиц и отношений между ними, сохранила привычку пробираться между этими отношениями, но у нее не было ни должного внимания к делам, особенно внутренним, и их подробностям, ни способности почина и направления».^[66]

Три несхожих мнения свидетельствуют о том, что их авторы в оценке императрицы руководствовались различными критериями: Миних – наличием личных добродетелей; Щербатов – такими нравственными свойствами, которые должны быть присущи в первую очередь государственному деятелю, монарху; Соловьев – способностью управлять государством, деловыми качествами. Но достоинств, перечисленных

Минихом, явно не достаточно для того, чтобы управлять обширной империей, а тяга к роскоши и пиршествам, равно как и отсутствие должного внимания к делам и неспособность оценивать обстановку и определять пути преодоления возникших трудностей, вообще лишают Екатерину репутации государственного деятеля.

Не располагавшая ни знанием, ни опытом, Екатерина, разумеется, была заинтересована в создании учреждения, способного оказать ей помощь, тем более что ее угнетала зависимость от Меншикова. В существовании учреждения, способного противостоять натиску Меншикова и его безграничному влиянию на императрицу, были заинтересованы и вельможи, среди которых наиболее активным и влиятельным был граф П. А. Толстой, соперничавший с князем в борьбе за власть.

Заносчивость и пренебрежительное отношение Меншикова к прочим вельможам, заседавшим в Сенате, переходили все границы. Показателен эпизод, произошедший в Сенате в конце 1725 года, когда руководивший строительством Ладожского канала Миних попросил Сенат выделить 15 тысяч солдат для окончания работ. Просьбу Миниха поддержали П. А. Толстой и Ф. М. Апраксин. Их доводы о целесообразности закончить начатое Петром Великим предприятие несколько не убедили князя, в запальчивости заявившего, что не дело солдат копать землю. Меншиков демонстративно покинул Сенат, тем самым оскорбив сенаторов. Однако и сам Меншиков не возражал против учреждения Тайного совета, полагая, что он без труда укротит своих соперников и, прикрываясь Тайным советом, будет по-прежнему верховодить в правительстве.

Идею создания нового учреждения предложил Толстой. Председательствовать на заседаниях Верховного тайного совета должна была императрица, а членам Совета предоставлялись равные голоса. Екатерина сразу же ухватилась за эту идею. Если не умом, то обостренным чувством самосохранения она понимала, что необузданный нрав Меншикова, его стремление командовать всем и вся могли вызвать распри и взрыв недовольства не только в среде родовой знати, но и у тех, кто возводил ее на престол.

Кампредон приводит высказывание императрицы, относящееся ко времени образования Верховного тайного совета. Она заявила, «что покажет всему свету, что умеет заставить повиноваться себе и поддержать славу своего правления». Учреждение Верховного тайного совета действительно позволяло Екатерине укрепить свою власть, заставить всех «повиноваться себе», но при определенных условиях: если она умела ловко

плести интриги, если она умела сталкивать лбами противоборствующие силы и выступать посредницей между ними, если она имела четкое представление, куда и какими средствами должно вести страну высшее правительственное учреждение, если она, наконец, умела создавать полезные ей в нужный момент коалиции, временно объединяющие соперников. Ни одним из перечисленных качеств Екатерина не обладала, поэтому ее заявление, если его точно воспроизвел Кампредон, повисло в воздухе, оказалось чистойшей бравадой. С другой стороны, согласие Екатерины на создание Верховного совета косвенно свидетельствовало о признании ею неспособности самой, подобно супругу, править страной. Парадокс учреждения Верховного тайного совета состоял в том, что в нем сочетались противоречивые чаяния лиц, причастных к его возникновению. Толстой, как сказано выше, в Верховном тайном совете видел средство укрощения Меншикова. Эти ожидания разделяли Апраксин и Головкин. Меншиков же, поддержав идею создания Верховного тайного совета, видимо, руководствовался тремя соображениями. Во-первых, он попросту прозевал шаги, предпринятые Толстым, а обнаружив их, счел, что противодействовать им бесполезно. Во-вторых, из нового учреждения он тоже намеревался извлечь выгоду – подмять под себя пять членов Верховного тайного совета, считал он, легче, чем многочисленный состав в Сенате. И, наконец, в-третьих, Александр Данилович связывал с Верховным советом осуществление своей давней мечты – лишить прежнего влияния своего злейшего врага генералпрокурора Сената П. И. Ягужинского.

Верховный тайный совет был создан 8 февраля 1726 года именным указом императрицы. Однако слухи о возможности возникновения нового учреждения проникли в дипломатическую среду еще в мае 1725 года, когда саксонский посланник Лефорт доносил, что поговаривают об учреждении «Тайного совета». Аналогичную информацию отправил французский посланник Кампредон, назвавший даже фамилии членов будущего учреждения.

Хотя законодатель располагал достаточным временем, чтобы составить фундаментальный нормативный акт, указ, зачитанный Г. И. Головкиным членам Верховного тайного совета 10 февраля, отличался поверхностным содержанием, создающим впечатление, что он сочинялся наспех. Создание нового учреждения обосновывалось тем, что необходимо предоставить возможность членам Верховного тайного совета сосредоточить свои усилия на решении важнейших дел, освободив их от мелочных забот, которые обременяли их как сенаторов. Однако в указе не

определено место нового учреждения в действующем правительственном механизме, четко не обозначены права и обязанности нового учреждения. Указ назвал фамилии лиц, обязанных в нем присутствовать: генералфельдмаршал князь А. Д. Меншиков, генераладмирал граф Ф. М. Апраксин, канцлер граф Г. И. Головкин, граф П. А. Толстой, князь Д. М. Голицын и барон А. И. Остерман.

Состав Верховного тайного совета отражал соотношение сил «партий», соперничавших при возведении Екатерины на престол: пять из шести членов Верховного совета принадлежали к новой знати, а родовая аристократия была представлена одним Голицыным. Примечательно, однако, что в нем не оказалось любимца Петра Великого, персоны, значившейся в чиновном мире под номером один, – генералпрокурора Сената П. И. Ягужинского. Павел Иванович являлся, как отмечалось выше, злейшим врагом Меншикова, и последний не возражал против создания Верховного тайного совета, в частности, в расчете на то, что должность генералпрокурора Сената будет ликвидирована и посредническую роль между императрицей и Сенатом будет выполнять Верховный тайный совет.

За бортом Верховного тайного совета оказался еще один соратник Петра, тоже недруг Меншикова, – кабинетсекретарь А. В. Макаров. Не нашлось в нем места и для таких опытных дельцов, как П. П. Шафиров, И. А. МусинПушкин и др. Все это дает основание считать, что при комплектовании Верховного тайного совета шел торг между Екатериной, Меншиковым и Толстым.

17 февраля кабинетсекретарь Макаров объявил в Верховном тайном совете указ императрицы, крайне озадачивший и настороживший Меншикова, – в состав учреждения назначалась еще одна персона – зять Екатерины герцог Карл Фридрих Голштинский. Князю не стоило большого труда разгадать цель назначения – он оценил его как стремление ослабить его влияние, создать ему противовес и более надежную, чем он, Меншиков, опору трону. Меншиков не поверил тому, что Екатерина могла осмелиться без его ведома совершить подобное, и переспросил Макарова: правильно ли он передал повеление императрицы? Получив утвердительный ответ, светлейший немедленно отправился к Екатерине за разъяснением. Содержание беседы и ее тональность остались неизвестными, но результат известен – Екатерина настояла на своем. Герцог на очередном заседании Верховного тайного совета заверил слушателей, что он «не инако яко за члена и прочим присутствующим господам министрам за коллегу и товарища будет».^[67] Иными словами, супруг дочери императрицы Анны Петровны не претендовал на первенствующую роль в Верховном тайном

совете, чем несколько успокоил Меншикова. Что касается остальных членов Тайного совета, то их вполне устраивало появление такой влиятельной фигуры, которая, опираясь на родство с императрицей, могла противостоять засилью Александра Даниловича.

Итак, состав нового учреждения был утвержден. Что касается его компетенции, то она определялась расплывчатой фразой: «Мы рассудили и повелели с нынешнего времени при дворе нашем как для внешних, так и для внутренних государственных важных дел учредить Верховный тайный совет, при котором мы сами будем присутствовать».^[68]

Последующие указы, издававшиеся как от имени Верховного тайного совета, так и от имени императрицы, уточнили круг вопросов, подлежавших его решению, и его отношение к Сенату, Синоду, коллегиям и верховной власти.

Уже 10 февраля Верховный тайный совет велел всем центральным учреждениям обращаться к нему с доношениями. Впрочем, было сделано одно исключение: три «первейшие», по терминологии петровского времени, коллегии (Военная, Адмиралтейская и Иностранных дел) изымались из ведения Сената, сносились с ним, как равные, промемориями и становились подвластны только Верховному тайному совету.

В появлении этого указа был свой резон: президентами трех названных выше коллегий были Меншиков, Апраксин и Головкин; они же заседали в Верховном тайном совете, поэтому не престижно было подчинять эти коллегии Сенату, который сам был зависим от Тайного совета.

Важную веху в истории Верховного тайного совета составляет так называемое «Мнение не в указ о новом учрежденном Тайном совете», поданное императрице ее членами. Нет надобности излагать содержание всех тринадцати пунктов «Мнения». Остановимся на важнейших из них, имеющих принципиальное значение, поскольку в них четче, чем в учредительном указе, определялись цель создания нового учреждения и его главная задача. Верховный тайный совет, гласило «Мнение», «служит только к облегчению ее величества в тяжком бремени правления». Таким образом, формально Верховный тайный совет являлся совещательным органом, состоявшим из нескольких персон, что позволяло избегать поспешных и ошибочных решений. Однако следующий за этим пункт расширял полномочия Верховного тайного совета вручением ему законодательных функций: «Никаким указам прежде не выходить, пока они в Тайном совете совершенно не состоялись, протоколы не закреплены и ее величеству для всемилостивейшей апробации прочтены не будут, и потом

могут они закреплены и разосланы действительным статским советником Степановым (секретарем совета. – Н. П.)».

«Мнение» установило распорядок работы Верховного тайного совета: по средам он должен рассматривать внутренние дела, по пятницам – чужестранные; если появится нужда, то созывались чрезвычайные заседания. «Мнение не в указ» выразило надежду на активное участие в заседаниях Совета императрицы: «Так как ее величество в Тайном совете президентство сама имеет, и есть причина надеяться, что она персонально часто присутствовать будет».

Еще одна веха в истории Верховного тайного совета связана с указом 1 января 1727 года. Он, как и указ 17 февраля 1726 года о включении в состав Тайного совета герцога Голштинского, наносил очередной удар по всевластию Меншикова. В своем заявлении членам Совета 23 февраля 1726 года герцог, как мы помним, обещал быть обычным, как и все остальные присутствующие, членом нового учреждения, призывал всех, чтобы «каждый мнение свое свободно и откровенно объявил». И действительно, Меншиков сохранил за собой роль первенствующего члена и продолжал навязывать свою волю остальным. Указом же от 1 января 1727 года Екатерина I решила официально закрепить эту роль за герцогом. «Мы, – говорилось в указе, – на его верное радение к нам и к интересам нашим совершенно положиться можем, того ради и его королевское высочество, яко наш любезнейший зять и по достоинству своему, не токмо над прочими членами первенство и во всех приключаящихся делах первый голос, но и мы его королевскому высочеству позволяем требовать от всех учреждений необходимые ему ведомости». ^[69]

К счастью для Меншикова, герцог как личность не был способен ему противостоять. Слабый душой и телом, хмелевший даже от небольшого количества горячительных напитков, к которым он питал нежную любовь, герцог не мог составить конкуренцию князю еще и потому, что не знал русского языка, не был осведомлен о состоянии дел в России и не имел достаточного административного опыта. Саксонский посол Лефорт дал ему уничижительную характеристику: «Образ жизни герцога лишил его доброго имени»; по словам посла, принц находил «единственное удовольствие в рюмке», причем тут же засыпал «под влиянием винных паров, так как Бассевич внушил ему, что только этим можно заставить себя полюбить в России». ^[70] Бассевич, первый министр герцога, опытный интриган и хвастун, считавший, что Россия обязана ему всем, что в ней происходит, легко управлял герцогом как марионеткой и представлял

главную опасность для Меншикова.

Схожее суждение о герцоге находим у датского посла Вестфалена. Правда, Вестфален отзывался о зяте императрицы менее сурово, находя в нем кое-какие положительные свойства: «Герцог не владеет русским языком. Зато он говорит по-шведски, по-немецки, по-французски и по-латыни. Он отличается начитанностью, в особенности в области истории, любит заниматься, пишет много, склонен к роскоши, упрям и горд. Брак его с Анной Петровной несчастлив. Герцог не привязался к своей супруге и склонен к распутству и попойкам. Ему хочется походить на Карла XII, между которым и герцогом нет никакого сходства. Он любит беседовать, причем обнаруживает ханжество».

Тем не менее эта, в общем, ничтожная личность оказывала значительное влияние на императрицу. В свою очередь, помимо советов Бассевича, герцог, надо полагать, пользовался советами своей уравновешенной и рассудительной супруги.

Описание внешности Анны Петровны и ее душевных качеств дал граф Бассевич. Как уже говорилось, Бассевич не жалел красок, чтобы изобразить ее в самом привлекательном виде: «Анна Петровна походила лицом и характером на своего августейшего родителя, но природа и воспитание все смягчили в ней. Рост ее более пяти футов не являлся слишком высоким при необыкновенно развитых формах и при пропорциональности во всех частях тела, доходившей до совершенства.

Ничто не может быть величественнее ее осанки и физиономии; ничто правильнее описания ее лица, и при этом взгляд и улыбка ее были грациозны и нежны. Она имела черные волосы и брови, цвет лица ослепительной белизны и румянец свежий и нежный, какого никогда не может достигнуть никакая искусственность; глаза ее были неопределенного цвета и отличались необыкновенным блеском. Одним словом, самая строгая взыскательность ни в чем не могла бы открыть в ней какого-либо недостатка.

Ко всему этому присоединялись пронизательный ум, неподдельная простота и добродушие, щедрость, снисходительность, отличное образование и превосходное знание языков отечественного, французского, немецкого, итальянского и шведского».

Кампредон, пристально следивший за расстановкой сил при дворе, отметил в своих депешах растущее влияние герцога Голштинского на императрицу уже в первой половине 1725 года.

3 марта он доносил: «Царица, видя в герцоге лучшую опору для себя, горячо примет к сердцу его интересы и будет в значительной степени

руководствоваться его советами». 10 марта: «Влияние герцога все растет». 7 апреля: «Герцог Голштинский – самый ближайший поверенный царицы». 14 апреля: «С завистью и без страха здесь смотрят на возрастающее доверие к герцогу Голштинскому, особенно те, которые пренебрежительно и даже с презрением относились к нему при жизни царя. Только козни их бесполезны. Царица, которая желает его возвести на престол Швеции и надеется для него получить военную помощь этой державы, видит в герцоге свою вернейшую опору. Она убеждена, что у него отныне не может быть интересов, отдельных от нее и ее семьи, и что она поэтому может желать лишь того, что выгодно или почетно для нее, вследствие чего она с своей стороны может вполне полагаться на добросовестность его советов и на честность его отношений к ней». 24 апреля: «Герцог Голштинский, во время покойного царя не имевший голоса, теперь ворочает всем, так как царица руководствуется лишь советами его и князя Меншикова, нашего завязанного противника».

Герцог рассчитывал на получение от Петра в качестве приданого за дочерью Лифляндии и Эстляндии, но не получил ни того ни другого. Зато Екатерина 6 мая 1725 года подарила герцогу острова Эзель и Даго, чем вызвала ненависть русских вельмож.

Читатель, вероятно, обратил внимание на то, что речь в книге идет о влиянии на императрицу попеременно то герцога Голштинского, то Меншикова, то Толстого. На первый взгляд эти суждения противоречат одно другому. Но, приглядевшись к личности императрицы, женщины безвольной, стремившейся избегать конфликтов с вельможами и в то же время легко поддававшейся внушениям то одного, то другого, надлежит признать эти противоречия кажущимися. Екатерина имела обыкновение соглашаться со всеми, и это создавало впечатление о растущем влиянии на нее то герцога и стоявших за его спиной супруги и министра, то Меншикова, то Толстого. О влиянии Макарова источники умалчивают, но не потому, что этого влияния не было, а потому, что это влияние было тeneвым. В действительности пальму первенства во влиянии на императрицу следует отдать Меншикову не только потому, что ему принадлежала решающая роль в возведении ее на трон, но и потому, что он располагал силой, которая, без труда подарив Екатерине корону, с такой же легкостью могла эту корону у нее отнять. Императрица боялась Меншикова и даже в критической для князя ситуации, когда он попытался овладеть герцогством Курляндским, не осмелилась отстранить его от власти.

Расширение полномочий зятя не оправдало надежд Екатерины – этим маневром ей в конечном счете не удалось создать противовес Меншикову в

Верховном тайном совете. Неудача объяснялась прежде всего тем, что безвольному, недалекому, лишенному способности принимать самостоятельные решения герцогу противостоял энергичный, напористый, опытный не только в интригах, но и в знании обстановки в стране Меншиков.

Природные недостатки герцога усугублялись тем, что он с легкостью поддавался стороннему влиянию. Человеком, без ведома которого герцог не смел сделать и шага, был его министр граф Бассевич – личность авантюристического склада характера, интриган по натуре, не раз ставивший своего повелителя в неловкое положение.

Цель, к которой стремилась Екатерина, была проста – не только сохранить корону на своей голове до конца дней своих, но и водрузить ее на голову одной из дочерей. Действуя в интересах герцога, императрица положила на родственные связи и отклонила услуги и усердие Меншикова, которому она была обязана тронem. Впрочем, герцог оказался настолько слаб, что не смог справиться с наведением порядка не только в стране, но и в собственной семье. Вот свидетельство французского дипломата Маньяна, отметившего, «между прочим, холодность и несогласие, царствующие между ним и герцогиней, супругой его, и доходящие до того, что он уже более трех месяцев не допускается в ее спальню».^[71]

Как мы помним, Екатерина обещала председательствовать на заседаниях Верховного тайного совета. Однако обещания своего она не выполнила: за пятнадцать месяцев, прошедших со времени учреждения Верховного тайного совета до ее кончины, она присутствовала на заседаниях пятнадцать раз. Нередки случаи, когда она накануне дня заседания Совета выражала желание на нем присутствовать, но в день, когда оно должно было состояться, поручала объявить, что переносит свое присутствие на следующий день, после полудня.

Причин, по которым это происходило, источники не называют. Но, зная распорядок дня императрицы, можно без риска ошибиться высказать мнение, что она недомогала из-за того, что ложилась спать после семи утра и проводила ночные часы за обильным застольем.

Как уже говорилось, при Екатерине I в Верховном тайном совете верховодил Меншиков – человек, хотя и небезупречной репутации, но с достаточно широким диапазоном дарований: он был талантливым полководцем и неплохим администратором и, будучи первым губернатором Петербурга, успешно руководил застройкой новой столицы.

Вторым лицом, оказывавшим влияние как на императрицу, так и на

Верховный тайный совет, был тайный кабинетсекретарь Алексей Васильевич Макаров. С этим человеком есть резон познакомиться поближе.

Подобно Меншикову, Девиеру, Курбатову и другим менее известным соратникам Петра Великого, Макаров не мог похвастаться своей родословной – он был сыном подьячего Вологодской воеводской канцелярии. Историк-любитель второй половины XVIII века И. И. Голиков изобразил первую встречу Петра с Макаровым так: «Великий государь в бытность свою в Вологде в 1693 году увидел в вологодской канцелярии между приказными молодого писца, именно же сего г. Макарова, и с первого на него взгляда, проникши в его способности, взял его к себе, определил писцом же в Кабинет свой и, мало-помалу возвышая его, произвел в помянутое достоинство (тайного кабинет-секретаря. – *Н. П.*), и с того времени он неотлучен от монарха».

В сообщении Голикова, по крайней мере, три неточности: никакого Кабинета у Петра Великого в 1693 году не существовало; Макаров служил не в вологодской, а в ижорской канцелярии у Меншикова; наконец, начальной датой его службы в Кабинете следует считать 1704 год, что подтверждается патентом на звание тайного кабинет-секретаря.

Столь же фантастические, но диаметрально противоположные сведения о способностях Макарова высказал немец Гельбиг, автор известного сочинения «Случайные люди в России». О Макарове Гельбиг писал, что он «сын простолюдина, толковый малый, но настолько несведущий, что не умел даже читать и писать. Кажется, это невежество и составило его счастье. Петр взял его в свои секретари и поручил ему списывание секретных бумаг, работа для Макарова утомительная, потому что он копировал механически».

Достаточно даже поверхностного знакомства с документами той поры, к составлению которых был причастен Макаров, чтобы убедиться в нелепости свидетельства Гельбига: Макаров не только умел читать и писать, но и превосходно владел канцелярским языком. Было бы преувеличением считать перо Макарова блестящим, подобным тому, которым владели И. Т. Посошков, П. П. Шафиров, Ф. Салтыков, но письма, указы, экстракты и прочие деловые бумаги он составлять умел, с полуслова понимал мысли Петра и придавал им приемлемую для того времени форму.

В Кабинет стекалась огромная масса материалов общегосударственного значения. Все они, прежде чем попасть к царю, проходили через руки кабинет-секретаря.

В среде правительственной элиты Макаров пользовался огромным авторитетом. Его доброжелательства домогались Меншиков и Апраксин,

Головкин и Шафиров и другие сановники. В архивном фонде Кабинета Петра Великого хранятся тысячи писем, адресованных Макарову. Взятые вместе, они представляют обильный материал для изучения характеров, нравов и человеческих судеб той поры. Одни обращались за милосердием к царю, другие выпрашивали его у Макарова. Отметим, челобитчики докучали царю в редких случаях: их руку удерживали несколько указов Петра, строго каравших за подачу лично ему прошений. Челобитчики, однако, научились обходить указы: они обращались с просьбами не к царю, а к Макарову, чтобы тот исхлопотал у монарха удовлетворение просьбы. Письма заканчивались просьбой «предстательствовать» перед царем и доложить ему суть просьбы «во благополучное время» или «со временем». Князь Матвей Гагарин изобрел несколько иную формулу: «Пожалуй, милостивый государь, усмотря случай донести его царскому величеству». «Во благополучное время» или «со временем» в переводе на современный язык означало, что челобитчик просил Макарова доложить царю просьбу в то время, когда тот пребывал в хорошем, благодушном настроении, то есть Макаров должен был уловить момент, когда просьба не могла вызвать вспышки гнева у раздражительного царя.

Какими только просьбами не осаждали Макарова! Марья Строганова просила его ходатайствовать перед царем об освобождении от службы ее племянника Афанасия Татищева, поскольку в нем «есть нужда» в доме. Княгиня Арина Трубецкая выдавала замуж свою дочь и в связи с этим домогалась, чтобы Макаров исходатайствовал у Екатерины разрешения на заём у казны 5-6 тысяч рублей, «чтобы нам сию свадьбу отправить». Анна Шереметева, вдова фельдмаршала Бориса Петровича, просила оградить ее «от челобитчиков в беглых крестьянах, ищут за пожилые годы превеликих исков». Графиня просила кабинет-секретаря «во благополучное время» доложить царю и царице, чтобы те «оборонили» ее от истцов.

Множество просьб Макарову исходило от вельмож. Президент Адмиралтейской коллегии и сенатор Федор Матвеевич Апраксин заканчивал свое послание к кабинет-секретарю словами: «Письмо его царскому величеству изволь вручить и как оное будет принято, пожалуй, не изволь оставить без известия». Сын князя-папы всепьянейшего собора Конон Зотов, добровольно вызвавшийся поехать за границу для обучения, сетовал Макарову из Парижа: «...по се число не имею (от царя. – Н. П.) ни похвалы, ни гнева».

К посредничеству Макарова прибегал даже всемогущий Меншиков. Не желая беспокоить царя мало значащими делами, он писал: «О протчем, не хотел ваше величество утруждать, писал я пространно секретарю

Макарову». В письме же к Макарову Александр Данилович, изложив суть мелких дел, извещал его: «А я его величество сими малыми делами докучать не хотел, на что ожидать буду». Меншиков, как впрочем и другие корреспонденты, находившиеся с Макаровым в доверительных отношениях, нередко информировал кабинет-секретаря о фактах и событиях, которые считал необходимым скрывать от царя, ибо знал, что они вызовут его гнев. Так, например, в июле 1716 года Меншиков писал Макарову, находившемуся вместе с царем за границей: «Тако ж в Петергофе и в Стрелиной в работниках больных зело много и умирают непрестанно, ис которых нынешним летом больше тысячи человек померло. Однако ж о сем работничьем худом состоянии пишу к вам во особое ваше ведение, о чем, разве какой случай позовет, то тогда донести можете, понеже, чаю, что и так многие неисправления здешние его царское величество не по малу утруждают». В доношении царю, отправленном в тот же день, о массовой гибели строителей – ни единого слова. Правда, князь сообщил, что работы на острове Котлин он обрел «в слабом состоянии», но причиной тому назвал непрерывные дожди.

Макаров отваживался оказывать помощь даже лицам, находившимся в царской опале. Среди вельмож, им облагодетельствованных, встречаем первого «прибыльщика» Алексея Курбатова, ставшего затем архангелогородским вице-губернатором, московского вице-губернатора Василия Ершова, любимого денщика царя, а затем адмиралтейца Александра Кикина. Последний был обвинен в 1713 году в преступных махинациях с подрядами на поставку хлеба в Петербург. Угроза закончить жизнь на виселице казалась вполне реальной, но бывшего любимца царя выручили тогда из беды Екатерина Алексеевна и Макаров.

Деятельность Макарова в качестве кабинет-секретаря заслуживает столь подробного освещения прежде всего потому, что он выполнял эту должность и при Екатерине I. Причем кабинетсекретарь в ее царствование приобрел неизмеримо большее влияние, чем в предшествующее. При царь-реформаторе, державшем в своих руках все нити управления страной, Алексей Васильевич выполнял роль докладчика; при Екатерине, не владевшей навыками управления, он выступал в роли советника императрицы и посредника между ней и Верховным тайным советом. Макаров был подготовлен к выполнению этой задачи, имея за своими плечами более чем двадцатилетнюю школу обучения ремеслу администратора, пройденную под руководством Петра.^[72] Зная все тонкости работы правительственного механизма и умевший вовремя подсказать императрице необходимость обнародования нужного указа,

Макаров, наряду с Меншиковым, стал главнейшим помощником Екатерины.

О том, какой высокий престиж сумел Макаров придать руководимому им учреждению и собственной персоне кабинет-секретаря, свидетельствуют несколько фактов. Так, указом от 7 сентября 1726 года велено было о важных делах доносить сначала Кабинету ее императорского величества, а затем уже Верховному тайному совету.^[73] 9 декабря 1726 года Екатерина, высоко ценившая услуги Макарова, пожаловала его чином тайного советника.

Другим свидетельством высокого авторитета Макарова являлась формула регистрации его присутствия на заседаниях Верховного тайного совета. Даже о сенаторах, не говоря уже о вельможах более низкого ранга, в журнальных записях читаем: «впущен», «допущен» или «призван» в присутствие Верховного тайного совета, в то время как появление Макарова регистрировалось более уважительной формулой: «Потом пришел тайный кабинетсекретарь Макаров», «Потом был тайный кабинетсекретарь Макаров», «Потом Кабинета тайный секретарь Макаров объявил».

Значение Сената и сенаторов в царствование Екатерины значительно ослабло. Об этом свидетельствует, например, журнальная запись Верховного тайного совета от 28 марта 1726 года, когда на его заседание прибыли с докладом сенаторы Девиер и Салтыков: «До впускания тех сенаторов, его королевское высочество (герцог Голштинский. – Н. П.) изволил объявить мнение свое: что когда в Верховный тайный совет приходить будут сенаторы с делами, то б при них тех дел не читать и об них не разсуждать, дабы они того, что Верховный тайный совет разсуждать станут, прежде времени не ведали».^[74]

Иностранный министр в тогдашней бюрократической пирамиде тоже стоял ниже Макарова: «При том собрании впущен был его королевского высочества герцога Голштинского тайный советник фон Бассевич». Напомним, герцог Голштинский был зятем императрицы.

Общение между императрицей и Верховным тайным советом осуществлялось различными способами. Самый простой заключался в том, что Макаров извещал членов совета об отмене намерения государыни присутствовать на заседании Верховного тайного совета.

Чаще всего Макаров выполнял посредническую роль между императрицей и Верховным тайным советом, передавал ему устные повеления Екатерины или выполнял поручения Верховного тайного совета

передать императрице подготовленные указы на утверждение. Было бы, однако, ошибкой считать, что Алексей Васильевич при этом выполнял чисто механические функции – в действительности он во время докладов давал несведущей в делах управления и не желавшей вникать в суть вопроса императрице советы, с которыми она легко соглашалась. В итоге повеления императрицы фактически принадлежали не ей, а кабинет-секретарю, умевшему тактично навязывать ей свою волю. Приведем несколько примеров, оговорившись, что прямых свидетельств, что императрица являлась марионеткой в руках Меншикова и Макарова, источники не сохранили; здесь в силу вступают логические соображения.

13 марта 1726 года Верховному тайному совету стало известно, что Сенат не принимает промеморий от первых трех коллегий. Об этом доложил императрице Макаров. Возвратившись, он объявил, что Сенату отныне «писаться Высокий сенат, а не Правительствующий для того, что слово сие „Правительствующий“ непристойно». [75] Вряд ли такую акцию, требовавшую соответствующей юридической подготовки, Екатерина могла совершить самостоятельно, без влияния извне.

8 августа 1726 года Екатерина, присутствуя на заседании Верховного тайного совета, высказала суждение, требовавшее от нее знания дипломатического этикета и осведомленности о прецедентах. Она «изволила разсуждение иметь» отправить послом в Польшу вместо графа Бассевича князя Василия Долгорукого, «разсуждая, что там ему возможно и без публичной аудиенции и других церемоний посольское дело управлять по примеру тому, как и здесь будучи шведский посол Цедергельм чинил». [76]

Особая роль выпадала на долю Макарова при назначениях на должности. Это неудивительно – никто в стране после смерти Петра I не мог соперничать с Алексеем Васильевичем в знании недостатков и достоинств разных вельмож. Личное знакомство с каждым из них позволяло ему знать и их рвение к службе, и степень бескорыстия, и такие свойства натуры, как склонность к жестокости или милосердию. Рекомендации Макарова имели для императрицы решающее значение.

Так, 23 февраля 1727 года Верховный тайный совет представил список кандидатов в губернаторы князей Юрия Трубецкого, Алексея Черкасского, Алексея Долгорукого, президента Доимочной канцелярии Алексея Плещеева. Екатерина согласилась назначить губернатором только генерал-майора Ю. Трубецкого; «о прочих, – извещал Макаров Верховный тайный совет, – изволила сказать, что они здесь потребны, и для того б „выбрать иных и представить“». Чтобы «изволила сказать» подобное, надобно было

располагать обстоятельными сведениями о каждом из кандидатов и быть уверенной, «что они здесь потребны», – а это вряд ли было под силу императрице.

Макаров стоял за спиной Екатерины и при назначении губернатором в Казань генерал-майора Василия Зотова. Верховный тайный совет считал более целесообразным назначить его президентом Юстиц-коллегии, но императрица, конечно же с подачи Макарова, настояла на своем.

Известно, что имевшему бригадирский ранг Алексею Бибикову протезировал Меншиков. Именно его Александр Данилович прочил в новгородские вице-губернаторы, полагая, что рекомендованный императрицей Холопов «за старостью и дряхлостью ни к какой службе не способен». Екатерина (читай, Макаров) отвела кандидатуру Бибикова, велел «выбрать в вице-губернаторы иного, постарее его, Бибикова».

Обратная связь Верховного тайного совета с императрицей тоже осуществлялась через Макарова. В бумагах можно обнаружить разные варианты формулировок, смысл которых состоял в том, что Верховный тайный совет поручал Макарову передать императрице принятые им указы на предмет их одобрения или для их подписания.

Иногда – правда, нечасто – имя Макарова упоминалось наравне с членами Верховного тайного совета, присутствующими на его заседаниях. Так, 16 мая 1726 года «в присутствии четырех особ (Апраксина, Головкина, Толстого и Голицына. – *Н. П.*)... и тайного кабинет-секретаря Алексея Макарова читана реляция Алексея Бестужева секретная, № 17, из Копенгагена». 20 марта 1727 года Алексей Васильевич даже выступил с инициативой, чтобы деньги, оставшиеся в Ростовской епархии после указанных расходов, передать в казну. Верховный тайный совет согласился: «Учинить по тому предложению».^[77]

О влиянии Макарова на императрицу конечно же было известно правящей элите. Макаров нажил себе и смертельных врагов, среди которых самыми заклятыми были А. И. Остерман и вице-президент Синода Феофан Прокопович. Они доставили ему немало неприятностей во время царствования Анны Иоанновны, когда Макаров в течение многих лет находился под следствием и до самой своей смерти содержался под домашним арестом.

Впрочем, императрица не во всех случаях нуждалась в подсказках. На уровне бытовых вопросов она принимала самостоятельные решения, как это произошло, например, с указом 21 июля 1726 года о порядке проведения кулачных боев в столице. Генерал-полицеймейстер Петербурга Девиер доложил, что на Аптекарском острове бывают многолюдные

кулачные бои, во время которых «многие, ножи выняв, за другими бойцами гоняются, а иные, в рукавицы положи ядры, и каменя, и кистени, бьют без милости смертными побоями, от которых боев есть и не без смертных убойств, которое убойство и в грех не вменяют, также и песком в глаза бросают». Императрица не запретила кулачные бои, но потребовала честного соблюдения их правил: «Кто... впредь в таких кулачных боях для увеселения будет иметь желание, и им выбрать сотских, пятидесятских и десятских, зарегистрироваться в полицейместерской канцелярии, а затем наблюдать за соблюдением правил кулачного боя».^[78]

Еще одним человеком, влияние которого на государственные дела было несомненным, хотя и не слишком заметным, был А. И. Остерман. До поры до времени он находился за кулисами событий, а на первый план вышел позднее, уже после падения Меншикова. Испанский посол де Лириа доносил 10 января 1728 года: «...после падения Меншикова все дела этой монархии перешли в его (Остермана. – *Н. П.*) руки... личности, известной своими качествами и способностями». По его оценке, Остерман являлся «дельцом, за которым всё – интриги и интриганы».^[79]

Большинство иноземных наблюдателей единодушны в высокой оценке способностей Андрея Ивановича. Вот как отзывался о нем прусский посол Мардефельд 6 июля 1727 года, когда Остерман еще находился под протекцией Меншикова: «Кредит Остермана проистекает не только из могущества князя (Меншикова. – *Н. П.*), но основывается на великих способностях барона, честности, бескорыстии его и поддерживается безграничной любовью к нему молодого императора (Петра II. – *Н. П.*), у которого хватает дальновидности, чтобы познать в нем помянутые качества и понять, что барон вполне необходим этому государству для его сношений с иностранными державами».^[80]

Не со всеми приведенными оценками можно согласиться. Мардефельд справедливо отметил редкое качество вельможи того времени – Остерман не был уличен ни во взяточничестве, ни в казнокрадстве. Справедливо и утверждение о его уме, работоспособности и роли в правительстве. Действительно, у Остермана доставало физических сил и дарований, чтобы не только ознакомиться с содержанием поступавших в Верховный тайный совет многочисленных донесений коллегий, губернаторов, должностных лиц, выполнявших его специальные поручения, но и выделить из них важнейшие, чтобы сформировать повестку дня очередного заседания, подготовить соответствующее постановление, для которого по его заданию помощники разыскивали предшествующие указы по аналогичному случаю.

К подобному систематическому труду отечественные вельможи того времени не были приучены, и трудолюбивый Остерман действительно был незаменим. По словам Мардефельда, Остерман «несет то бремя, которое они (русские вельможи. – *Н. П.*), по своей природной лени, не хотят носить».^[81]

Незаменимость Остермана в решении вопросов повседневной, рутинной жизни государства отметил и наблюдательный французский дипломат Маньян, извещавший версальский двор в июне 1728 года: «Кредит Остермана поддерживается лишь его необходимостью для русских, почти не заменимой в том, что касается до мелочей в делах, так как ни один из русских не чувствует себя достаточно трудолюбивым, чтобы взять на себя это бремя».^[82] Маньян неправ, распространяя отсутствие трудолюбия на всех «русских». Достаточно сослаться на кабинет-секретаря Макарова, нисколько не уступавшего в трудолюбии Остерману. Однако Алексею Васильевичу недоставало знания иностранных языков и осведомленности во внешнеполитических делах.

Таковы были люди, в руках которых находилась реальная власть и которым предстояло искать пути преодоления кризиса, поразившего Россию в начале второй четверти XVIII века.

Глава шестая ПОПЫТКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА

Первым, кто забил тревогу о неблагополучном состоянии экономики страны, был Павел Иванович Ягужинский. Будучи генерал-прокурором Сената, куда стекалась вся информация о положении дел в губерниях и провинциях, Ягужинский обратился к Екатерине с запиской, в которой со знанием дела попытался изложить причины бедственного положения страны и обозначить способы их устранения. Он не вдавался в детали, предлагая изложить их вельможам, стоявшим во главе управления ведомствами, «порознь взяв на письме, каким образом в настоящих конъюнктурах всякой по своей должности совет даст поступать».

Сам генералпрокурор Сената объяснил постигший страну хозяйственный кризис двумя причинами: случившимся в течение нескольких лет подряд неурожаем и несовершенством налоговой системы. Донесения местных властей о неурожаях поступали со всей страны. В 1723 году из Орловской провинции сообщали, что обыватели «пришли в совершенную скудость, дня по два и по три не едят, покиняя дома свои, ходят по миру и питаются травой и ореховыми шишками, мешая с мякинами, и оттого лежат в болезни и многие голодною смертью помирают...» В том же году люди в Московской провинции «за недородом хлеба питание имеют: толкут льняное семя и дубовые желуди и мешают с мякиною, пекут и едят. И живут не евши дне по четыре и по неделе, и от того неядения пухнут и помирают, а другие села и деревни стоят пусты, крестьяне вышли в разные места для прокормления». В следующем 1724 году недород хлеба вновь охватил Орловскую провинцию, а также северо-восточные провинции Европейской России, где крестьяне ели «гнилую колбу и траву».^[83]

Что касается налоговой системы и порядка сбора подушной подати, то ее размер был установлен Петром I в 74 копейки с мужской души сельского населения и 1 рубля 14 копеек с городского и уменьшен Екатериной I на 4 копейки.

Подушную подать должно было платить все податное население страны, занесенное в список во время проведения первой ревизии. В ревизских сказках оказывались младенцы, родившиеся в день проведения ревизии, увечные и дряхлые старики, не способные к труду. Более того,

количество налогоплательщиков оставалось неизменным до очередной ревизии, проводившейся с периодичностью в двадцать лет. За этот промежуток времени численность реальных налогоплательщиков в селах и городах значительно сокращалась за счет умерших и беглых крестьян и горожан, а также взятых в рекруты, но за них подать платило население, оставшееся на местах. Таким образом, ревизская душа являлась не реальной, а мифической единицей обложения: способных к труду налогоплательщиков оказывалось в два-три раза меньше, чем занесенных в ревизские сказки, следовательно, сумма подати на каждого тоже увеличивалась в дватри раза, что было непосильно и для селян, и для горожан. Ягужинский считал необходимым для «некоторой отрады» уменьшить размер подати, взимаемой с крестьян.

Вторым средством выведения страны из кризиса Ягужинский считал сокращение расходной части бюджета. Так как главная статья расхода предполагалась на содержание сухопутной армии, то он рекомендовал в два раза уменьшить жалованье офицерам. Кроме того, офицерам из дворян, владевшим крепостными крестьянами, надлежало предоставлять краткосрочное увольнение от службы. Казна, полагал он, извлечет из этого двойную выгоду. За время пребывания офицеров в поместьях им не будут выдавать жалованье, но главная выгода от рекомендуемого порядка службы будет состоять в том, что население, оказавшись под хозяйским надзором, избавится от тягот, связанных с произволом приказчиков, местной администрации и алчных соседей-помещиков. Крестьяне, будучи в «господском призрении», восстановят хозяйство и станут исправными налогоплательщиками.

К источникам бедствия населения Ягужинский относил также мздоимство и казнокрадство чиновников областной администрации. Средством пресечения этих пороков он считал строгое следование указу Петра I об отправлении в губернии сенаторов для выявления злоупотреблений чиновников – «чтоб могло учиниться воровству пресечение и сбору как подушным, так и прочим порядочное течение». Сенаторам-ревизорам надлежало предоставить обширные карательные права, вплоть до предания казнокрадов смерти.

Надо полагать, что на эту меру автор возлагал большие надежды. Среди современников было распространено мнение, что из взимаемых с населения налогов в казну поступало только 30 процентов, а остальное разворовывалось чиновниками. Контроль за расходами, считал Ягужинский, необходимо осуществлять и в столице, где находились центральные учреждения. Для контроля за расходованием ими денег

надлежало восстановить ликвидированную Ревизионную коллегию.

Среди источников пополнения бюджета Ягужинский особо выделял развитие торговли и процветание купечества. «Генеральный фундамент во всем свете, что всякое государство на двух подпорах содержится, то есть от земли и коммерции». Но в России коммерция пребывает «в таком слабом состоянии», потому что в Сенате «купеческому делу люди неискусны», они установлением высоких пошлин сдерживают интерес иностранных купцов к торговле с Россией.

Заканчивает записку Ягужинский на мажорной ноте – словами Петра Великого, произнесенными на торжествах по случаю заключения Ништадтского мира: «дабы русское оружие впредь не ослабевало», и призывом «разсуждать, каким образом вышепоказанные опасности и внутренние нестроения успокоить и до государственного разорения не допустить».^[84]

На призыв Ягужинского высказать планы выхода из кризиса откликнулись далеко не все министры и учреждения, обязанные по своей должности дать надлежащие советы. Их перечень ограничился Сенатом, Военной коллегией и генералом Минихом. Самую обстоятельную записку под названием «О содержании в нынешнее мирное время армии и каким образом крестьян в лучшее состояние привести» 13 октября 1725 года представил Сенат. Как и Ягужинский, Сенат считал причиной бедствия поразившую страну засуху, а также непрерывные дожди в летние и осенние месяцы, погубившие урожай. В результате за 1724 год осталось в доимке две трети подушной подати. Выправить крестьянское хозяйство, по мнению Сената, можно только уменьшением размера подушной подати с 70 до 60 копеек, причем это уменьшение должно быть временным – до восстановления хозяйства, порушенного неблагоприятными климатическими условиями.

Уменьшение размера подушной подати должно было сопровождаться сокращением численности армии: уменьшением штата драгунской роты на десять человек, а пехотной – на двадцать четыре человека.

Сенат предложил отпускать в деревню треть офицеров, оставив в полках только иностранцев и беспоместных дворян. Миних, напротив, считал, что армию надо «наиболее приумножить, нежели убавить», ибо в противном случае обнаружится «некая государства слабость». Расквартировать полки надлежало в провинциях, «где провиант и фураж весьма не дорог». От ответа на вопрос, где и как изыскать ресурсы на содержание армии, Миних воздержался.

Самое странное предложение исходило от Военной коллегии,

считавшей необходимым выяснить причину образования доимок: «не от слабости ль комиссаров и упрямства плательщиков, или от совершенной народной нужды, или за пустотою». Этот вопрос – свидетельство совершенной неосведомленности коллегии о возможностях крестьянского хозяйства того времени.^[85]

Реальных последствий рассмотренные выше записки не имели. Они лежали под сукном более года, пока кризисное положение экономики не вынудило Верховный тайный совет возвратиться к обсуждению крестьянского вопроса и поискам путей восстановления платежеспособности населения.

Записки подали не все министры, входившие в Верховный тайный совет, как того требовала императрица, а четыре персоны, две из которых не являлись его членами. Документ, поданный 18 ноября 1726 года, назывался «Докладной запиской о государственных нуждах» и был подписан А. Д. Меншиковым, А. И. Остерманом, А. В. Макаровым и генералом А. Я. Волковым.

С большой долей вероятности можно утверждать, что тональность «Докладной записки» исходила от Меншикова, а литературное оформление ее содержания – от Остермана. «Докладную записку» открывает категорическое заявление о том, что «дела как духовные, так и светские в худом порядке находятся», и как ни трудился Петр Великий, но заметного результата «по се время не видно». Между тем статус великой державы, приобретенный Россией в годы царствования Петра, требовал достойных этого статуса армии и флота. Но крестьяне, налогами с которых содержится армия, «в великой скудности обретаются» и от непрестанных экзекуций приходят «в крайнее всеконечное разорение». Им надлежит оказать «некоторое облегчение» и опеку, ибо «солдат с крестьянином связан как душа с телом, и когда крестьянина не будет, тогда не будет и солдата». Скудость крестьян, по мнению авторов, происходит не столько от неурожаев и размера подушной подати, сколько от изъянов в структуре местных органов власти – от «несогласия у офицеров с земскими управителями и у солдат с мужиками».

После преамбулы следует перечень конкретных мер, которые должны были предоставить крестьянам «некоторое облегчение», причем экономии намеревались достичь не за счет сокращения численности армии и уменьшения жалованья офицерам, а путем радикальной реорганизации местных и отчасти центральных органов власти. Деятельности гражданской администрации дана резко негативная оценка; численность чиновников в гражданских и военных мундирах увеличилась раз в десять, в

штате появилось множество ранее не существовавших должностных лиц, «из которых иные не пастырями, но волками в стадо ворвавшимися называться могут». Страшен один «проезд офицеров и солдат, комиссаров и прочих командиров, кольми же паче страшнее правежа и экзекуций». Авторы «Докладной записки» предлагали радикальную меру: упразднить многочисленные учреждения, созданные областной реформой 1719 года, ибо «умножение правителей и канцелярий во всем государстве не токмо служит к великому отягощению штата, но и к великой тяжести народной», что вызывало бегство крестьян в Башкирию, Запорожскую Сечь и соседнюю Польшу.

Авторы, кроме того, предложили ликвидировать судебные органы, а также полковые дворы, ведавшие сбором подушной подати, а полки, расквартированные в провинциях, разместить в городах, в специально построенных для этого казармах и местностях, где хлеб и фураж можно было покупать по дешевой цене.

Стремление к экономии средств коснулось и армии – офицеров, солдат и урядников, владевших крестьянами, разрешалось отпускать на время в деревни без уплаты им жалованья.

В итоге осуществления предложений авторов «Докладной записки» на местах должно быть восстановлено воеводское правление, сосредоточивавшее административную, полицейскую и судебную власть в руках воеводы и его канцелярии.

«Докладная записка» предусматривала ряд мер поощрения торговли и купечества. Ее авторы исходили из представления, «что коммерция жилою есть государственною... и какое богатство и ему добрый порядок в купечестве государству умножит, в том Голландия и Англия особливо в примеры служить могут». В России же купечество едва ли не все разорено, и авторы рекомендовали создать специальную комиссию о коммерции, поручив ей разработать конкретные меры, способные расширить торговлю и отменить ряд обременительных повинностей купцов. В то же время авторы осуждали повышенный интерес купцов к владению крепостными, а помещиков – к занятию торговлей.

Сводное мнение четырех вельмож подверглось обсуждению в Верховном тайном совете 9 января 1727 года. Во время обсуждения Меншикову пришлось доказывать неразумность предложения Ф. М. Апраксина о достижении экономии путем вычетов из жалованья офицерам, как это было осуществлено в 1723 году. Как президент Военной коллегии, Меншиков решительно встал на защиту интересов офицеров. Возражая Апраксину, он заявил: «А чтоб у воинских чинов по прежнему примеру

вычет учинить или и вовсе жалованье убавить, мнится быть бесполезно для того, что оным дается жалованье и так против европейских государств весьма малое и только содержат себя те, кои имеют свои деревни, а кто не имеет, те с немалою нуждою и временем в конечное приходят мизерство. И понеже всяк может рассудить, когда офицер в пропитании имеет нужду», то он, испытывая бедность, не может проявить усердия к исправной службе. [\[86\]](#)

Апраксин, однако, вполне согласился с мнением авторов «Докладной записки» о бедствиях, исходивших от множества управителей: «Кажется, крестьянству ничто так не чувственно, как разные им команды, а ни одного опекуна такого или подобного тому, как прежде бывали воеводы, нет. Но в одной провинции первое – воеводы; второе – командиры; третье – комиссары; четвертое – многочисленные приезжающие от полков офицеры с солдаты, что им бы только взлить сполна, а после его как хочет другой. И не под единым послушанием в провинции обретаются. Из сих подлый мужик не ведает, кто у них большой, всех боится, от всех, увидя, в леса бежит, прячется или откупается, и приезды их не меньше тяжестью приходят, как самые платежи их».

«Докладная записка», а также записки других авторов были использованы в качестве источника при составлении указов. В последних можно обнаружить заимствованные из «Докладной записки» формулировки, не говоря уже об общем содержании.

Первый из указов был обнародован 9 февраля 1727 года и начинался словами: «Понеже известно нам учинилось, что нашей империи крестьяне, на которых содержание войска положено, в великой скудости находятся, и от великих податей и непрестанных экзекуций и других не порядков в крайнее и всеконечное разорение приходят», подушную подать за январскую и майскую трети велено взыскивать в сентябре, а офицерам и солдатам, находящимся у сбора подушной подати, предложено отбыть в свои команды. [\[87\]](#) Самый обстоятельный указ с перечнем разнообразных мер по экономии расходов был обнародован 24 февраля. Он повелевал две части офицеров и рядовых из шляхетства отпускать в деревни без выдачи жалованья. Этот же указ предусматривал учреждение двух комиссий: одной, во главе с князем Д. М. Голицыным, поручалось рассмотреть целесообразность существующей системы взимания налогов, другой, во главе с А. И. Остерманом, – разработать меры, способствующие развитию коммерции. Указ почти дословно повторял мотивировку «Докладной записки» о необходимости ликвидировать учреждения в уездах и провинциях, а также упразднить Мануфактур-коллегию.

Дела Мануфактур-коллегии передавались в ведение Коммерц-коллегии, при которой учреждался своего рода совет из владельцев крупных мануфактур, как бы мы сейчас сказали, на общественных началах – им жалованья не платили, но они были обязаны съезжаться «хотя на один месяц зимою» в Москву для решения «неважных дел», «и без приговоров и протоколов коллежских все неважные определения чинить». «Протектором» у этих фабрикантов был определен сенатор Новосильцев, президент ликвидированной Мануфактур-коллегии. Однако на деле этот совет оказался мертворожденным.

Помимо Мануфактур-коллегии специальным указом упраздняялась должность рекетмейстера, принимавшего жалобы от населения на имя императрицы. Мотив – «напрасно жалованье происходит».

Упразднение Мануфактур-коллегии не принесло экономии средств, ибо вместо нее была восстановлена ранее ликвидированная Ревизион-коллегия на том основании, что «ревизия не меньше, как и экономия, а у нас только она именем, а в самом деле счету никогда не бывало». Намерение контролировать расходную часть бюджета заслуживает одобрения, хотя сам бюджет появился только при Екатерине II.

Вторым новым учреждением стала Доимочная канцелярия, которой поручено было править доимки, «не так жестоко на тех, которые не в состоянии платить», как на тех, которые неосторожно противно указу выдавали и в надлежащее время недоправили.^[88]

Верховный тайный совет, видимо, по инициативе Меншикова, предложил рассмотреть штаты центральных учреждений на предмет их сокращения: раньше в приказах «дьяков и подьячих было умеренное число, а ныне чиновников умножилось», и на жалованье им исходит «немалая сумма». Сенату, кроме того, поручалось ответить на вопрос, не следует ли вернуться к практике, существовавшей до 1700 года, когда приказной мелкоте «жалованье не давано, а довольствовались от дел и ныне быть без жалованья».

На последний вопрос Сенат дал положительный ответ, и взятки, пережиток средневековых кормлений, были узаконены: население, подавая челобитные, поощряло усердие канцеляристов, протоколистов, копиистов вознаграждением за их труд, которое деликатно называлось акциденцией. Представители крапивного семени Вотчинной и Юстицколлегий, куда чаще всего обращались с жалобами, принимали челобитную, устремляя свой взор на ладонь челобитчика, на глазок определяя размер mzды, и решали тяжбу в пользу того, кто больше заплатит. Таким образом, суждение авторов записок, в том числе и «Докладной записки», о волоките и

народных тягостях от «неправых решений» в значительной мере перечеркивалось установлением оплаты услуг самими челобитчиками. Стремление к экономии государственных средств в интересах населения оборачивалось для него введением акциденций, что не устраняло волокиты и не оберегало от неправых решений.

Новшества коснулись и духовенства. Выше отмечалось, что с учреждением Верховного тайного совета Сенат из Правительствующего стал Высоким. Понизился и ранг Синода – 14 июля 1726 года вместо Правительствующего он стал именоваться Святейшим.^[89] Но это не единственное проявление тенденции усиления зависимости духовной власти от светской.

Важнейшее значение в этом плане имел манифест 1726 года о разделении Синода на два департамента. Первому отдавались на откуп дела духовные, а второму – полноправное управление принадлежавшими монастырям и епархиям вотчинами. Сбор с них налогов и исполнение судебных функций манифест изображал как акцию благоденствия по отношению к Синоду, который освобождался от выполнения чисто светских забот, состоявших в управлении вотчинами и судопроизводстве. Отныне Синод мог сосредоточиться на укреплении и распространении православия, соблюдении его чистоты, борьбе с раскольниками и сектантами и обращении язычников в православных. Однако подлинная цель манифеста заключалась в продолжении начатого еще в 1701 году секуляризационного процесса, в изъятии государством у духовенства недвижимой собственности.

Каждый из двух «апартаментов» состоял из шести персон, причем в первом заседали исключительно духовные иерархи, а во втором – светские чины, назначаемые светской властью. И тем и другим жалованье платило государство, члены первого департамента лишались права пользоваться доходами с вотчин.

При Екатерине I возникло дело новгородского архиепископа Феодосия. Оно представляет интерес не вследствие его влияния на судьбы духовенства, а потому что в нем выявились как претензии высших иерархов, так и нравственный облик духовных пастырей. В своих поступках Феодосий руководствовался не высоконравственными догматами церкви, а приземленными личными интересами. Он принимал новшества, если они не сопровождались сокращением его доходов и не ущемляли прав, принадлежавших его сану. Его честолюбие было оскорблено тем, что после смерти блюстителя патриаршего престола Стефана Яворского он не был назначен президентом Синода, а

корыстолюбие – урезанием его доходов. К этому надо добавить сварливый характер Феодосия, его нетерпимость к тем, кто не разделял его взглядов, неразборчивость в средствах достижения цели, грубые выпады против императрицы и светских вельмож.

Резкие высказывания новгородского архиерея в адрес светской власти начали звучать еще при Петре Великом: «Отнял Бог милость свою от этого государства, потому что духовные пастыри сильно поработены и пасомые овцы над пастырями власть взяли». В 1724 году Феодосий даже осмелился высказать свое недовольство Петру, чем вызвал раздражение царя. В ожидании кары Феодосий обратился с просьбой о заступничестве к Екатерине: «Вчерашнего числа (30 апреля 1724 года. – *Н. П.*) в Покровском селе безумием моим, не выразумев благопотребной воли всемилостивейшего государя, прогневал я, окаянный, его императорское величество так много, как никто больше; того ради пребываю в великом страхе и отчаянии». Владыка просил «разрешения лично покаяться в моей великой вине».

«Предстательством» Екатерины дело было улажено, но Феодосий отплатил своей заступнице черной неблагодарностью. После ее коронации он так высказался по поводу необходимости упоминать ее имя в ектениях: «Какова та молитва будет, что по указу молиться?»

После смерти Петра Великого Феодосий посчитал, что ему все дозволено. Он стал вести себя вызывающе, совершал один за другим выпады против императрицы и вельмож. 12 апреля 1725 года владыка подъехал в карете к мосту перед дворцом императрицы и, будучи остановлен караульным, вышел из кареты и, гневно размахивая тростью, закричал: «Я сам лучше светлейшего князя!»

Через несколько дней, когда в Петропавловском соборе должна была совершаться панихида по покойному императору, Феодосий вступил в пререкание с камер-юнкером, по поручению императрицы пригласившим его на церемонию. Когда же обер-гофмейстер Олсуфьев передал Феодосию повеление быть на обеде, он заявил: «Мне быть в доме ее величества не можно, понеже я обещен. Разве изволит прислать нарочного, чтоб проводили». «Нарочного», разумеется, не прислали, и Феодосий на обеде не присутствовал.

Подобную дерзость двор запомнил. Но Феодосий не угомонился и начал осуждать церковную реформу. В недоброжелателях Феодосий недостатка не испытывал, и архимандриты вскоре донесли о его недостаточно благонадежных рассуждениях: «Никто духовным недоброжелательны, все уклонишася вкупе, какого тут благословения

Божия ожидать? Воистину скоро гнев Божий снидет на Россию». Далее Феодосий продолжал: «Государь старался ниспровергнуть это духовное правительство и для того нас утеснял штатом и недачею жалованья, а теперь смотрите: мы все живы, а он умер, его нет».

Когда Феодосий, наряду с другими членами Синода, получил повеление императрицы участвовать на панихиде по почившему Петру, он, поднявши глаза к небу, воскликнул: «Боже милостивый, какое тиранство! Чего церковь дождалась? Мирская власть повелевает духовной молиться, это слову Божию весьма противно».

В последующее время уже ничто не удерживало владыку от резких слов в адрес Петра и его церковной реформы: «Доколе будет тиранство над церковью, дотоле добра надеяться невозможно и суеверие не искоренить, понеже пастыри ни в чем не могут иметь воли, а в церкви монархии нет и никакой не бывало...» Феодосий клеймил Петра не только за духовную реформу, но и за светские дела: «За воинские дела не для чего его хвалить: воевал он от младенческой своей охоты и из тщеславия, а не для государственной пользы... Был государь великой амбиции, глубоких и беспокойных замыслов: новые одни за другими дела заводил, сегодня задумал великое дело, завтра еще большее затеет...»

В поведении Феодосия нетрудно разглядеть непостоянство: то он осуждал светскую власть, то подавал Екатерине челобитную, в которой клялся в верности ей; он прежде всех учинил присягу «и подписал то и содержать ту мою присягу до кончины жизни моей тщуся непременно».

Феодосий позволял себе не только произносить «предерзостные и непристойные слова», но и обдирать с икон серебряные оклады, отбирать церковную серебряную утварь, колокола – духовному пастырю были не чужды пороки светских людей.

11 мая 1725 года указом императрицы Феодосий был отрешен от синодского правления и Новгородской епархии и сослан в Карельский монастырь, расположенный в устье Двины, где его надлежало содержать «под караулом неисходно».^[90]

Трудное время после смерти Петра наступило и для антипода Феодосия – Феофана Прокоповича, блестящего публициста и проповедника, автора двух важнейших трактатов эпохи: регламента Духовной коллегии и «Правды воли монаршей». Петр использовал таланты Прокоповича в проведении церковной реформы, оказывал ему доверие и покровительство. После кончины Петра Феофан лишился защитника и подвергся настолько серьезным нападкам противников церковной реформы, что ему грозили большие неприятности.

Доносители из лагеря противников реформ обвиняли Феофана Прокоповича в лютеранских симпатиях, в пренебрежении к иконам и прочих тяжких преступлениях. Главное обвинение носило политический характер – ему приписывали недоброжелательное отношение к императрице. Все обвинения были ложными, и образованному и опытному полемисту не составило труда их опровергнуть. Более того, его духовная карьера продолжилась, и после низложения Феодосия он стал новгородским архиепископом.

Самые тяжелые времена для Прокоповича наступили уже после смерти Екатерины I, когда доносы, подобно волнам, накатывались один за другим. Теперь покровительством верховной власти, от имени которой действовали Долгорукие, пользовался не Прокопович, а его противники, члены Синода, ряды которого пополнили сторонники восстановления патриаршества. Если бы не ранняя смерть Петра II, Феофан непременно бы закончил жизнь в убогой келье какого-либо захолустного монастыря, испытывая унижения от сурового игумена и караульных солдат. Однако он и на этот раз устоял, в 1730 году выступил против попытки верховников ограничить самодержавие и в царствование Анны Иоанновны, благодаря ее покровительству, расправился со своими противниками.

В то время как руководимая Остерманом комиссия о коммерции хотя и работала ни шатко ни валко, но все же подготовила материал для указов об отмене ограничений в торговле через Архангельск, об отмене государственной монополии на возделывание и продажу табака и об отмене монополии на добычу слюды,^[91] комиссия Голицына оказалась бесплодной. Сохранился единственный указ Верховного тайного совета от 27 сентября 1727 года, которым от Сената, Синода и коллегий требовалось предоставлять необходимые комиссии ведомости.

Между тем дело, порученное комиссии Голицына, имело принципиально важное значение: ей было предложено определить, «впредь с крестьян каким образом удобнее и сходнее с пользою народной с душ (так как ныне или, по примеру других государств, с одних работников, кроме старых и малолетних...) или тот платеж с дворового числа с тягол или с земли положить».^[92]

Чтобы обосновать переход к новой системе налогообложения, комиссии Голицына надлежало располагать разнообразными сведениями: определить, сколько числилось из попавших в ревизские сказки платежеспособных лиц, установить число беглых и сроки, в течение которых за них обязаны платить подати крестьяне, оставшиеся на месте,

располагать данными о количестве крестьянских дворов и т. д. Однако этих сведений у комиссии не было.

Смерть Екатерины I через полгода после учреждения комиссии Голицына, а также упразднение Кабинета ее императорского величества и должности тайного кабинет-секретаря отнюдь не стимулировали усердия князя в продолжении работы комиссии, хотя к 1730 году все же удалось собрать некоторые сведения о доле в бюджете страны налогов, взимаемых с помещичьих, монастырских, дворцовых и государственных крестьян, а также о сумме налога, поступающего в казну при подворном обложении. Полученные данные не внушали оптимизма: в результате роста смертности среди крестьян, а также увеличения численности беглых значительно уменьшилось число налогоплательщиков. Эти данные надлежало подвергнуть анализу, сопоставить доходы, получаемые казной при подушном и подворном обложении с учетом так называемых запросных денег (экстраординарных сборов) с тем, чтобы в конечном счете определить оптимальную для России форму налогообложения. Но эту, главную задачу комиссия Голицына как раз и не смогла решить.^[93]

Из рассмотренных выше акций Верховного тайного совета две имели основополагающее значение, поскольку отражали начало процесса, получившего продолжение. Речь идет о манифесте о разделении Синода на два департамента и указе о временном освобождении дворян от службы в полках и предоставлении им права жить в деревне. Первый обозначил этап в секуляризации владений духовенства, завершившийся в 1764 году при Екатерине II. Тенденция же, обозначенная во втором законодательном акте, завершилась манифестом о вольности дворянской 1762 года.

В оценке результатов мер, осуществленных Верховным тайным советом на первом этапе его существования, историков интересуют два вопроса: каковы были причины недолговечности областных учреждений, введенных реформой 1719 года, и каков был финансовый эффект от упразднения учреждений и должностных лиц, наводнивших провинции и терзавших ее население.

На первый вопрос ответил еще С. М. Соловьев: «Теперь преобразователь был во гробе, и наступило время поверки, прочен ли установленный им порядок. Железной руки, сдерживавшей врагов преобразований, не было более; Петр не распорядился даже насчет своего преемника; русские люди могли теперь свободно распорядиться, свободно решить вопрос, нужен ли им новый порядок, и ниспровергнуть его в случае решения отрицательного. Но этого не случилось; новый порядок вещей остался и развивался, и мы должны принять знаменитый переворот со

всеми его последствиями как необходимо вытекший из условий предшествующего положения русского народа».^[94]

С наблюдением Соловьева можно согласиться, если иметь в виду всю совокупность петровских преобразований, новшеств, введенных в экономику, социальный строй, культуру, быт, структуру центральной власти. Но областная реформа Петра Великого 1719 года явно выпадает из цикла его преобразовательных начинаний. Дипломаты, наблюдавшие за осуществлением реформы, считали ее недолговечной. Французский дипломат Кампредон доложил своему правительству в 1721 году, что созданные царем учреждения будут ликвидированы еще при его жизни. Посол Пруссии Мардефельд тоже предсказывал печальную судьбу административных реформ Петра: «Умри этот государь, они, большинство русских, всем пожертвуют, даже своей жизнью, лишь бы вернуться к своему прежнему порядку управления и бросить нововведенные учреждения царя, которые поддерживаются только его суровостью и духом».

Предсказание иностранных наблюдателей оправдались лишь частично – коллегии успешно выполняли свои функции свыше полувека, а Сенат сохранился до 1917 года. Что же касается областных учреждений, то они не выдержали испытания на прочность. Соратники Петра после его смерти подвергли их суровой критике и с необыкновенной легкостью расстались с ними без всякого сожаления.

Автор фундаментального исследования о проведении Петром I областной реформы, крупнейший историк первой трети XX века М. М. Богословский дал исчерпывающее объяснение причин восстановления воеводского правления и отмены новшеств в структуре областной администрации. Главная из них состояла в том, что общество не созрело и не было готово к содержанию громоздкого и дорогостоящего административного аппарата, оно не располагало ни финансовыми, ни людскими ресурсами, чтобы заполнить многочисленные учреждения знающими свое дело администраторами и оплачивать их труд.

Контрреформу осуществляли соратники Петра – но не из-за стремления повернуть историю России вспять, а из чисто рационалистических побуждений.

Восстановление воеводского правления было выгодно и помещикам, и крестьянам. Оно освобождало крестьян от вмешательства в их жизнь чиновников, которые опустошали их хозяйства и, следовательно, наносили ущерб и интересам владельцев, поскольку благополучие последних напрямую зависело от благополучия принадлежавших им крестьян.

Восстановление воеводского правления было выгодно и государству, которое возлагало на помещиков сбор подушной подати и таким образом приобретало дармовых агентов.^[95] Вместе с тем контрреформа не сопровождалась простым возвращением к воеводскому правлению, существовавшему в XVII столетии. Ее результатом стала стройная иерархия бюрократических учреждений – уездный воевода подчинялся провинциальному, а последний – губернатору, подчиненному верховной власти.

Верховный тайный совет располагал четырьмя средствами выведения страны из финансового и экономического кризиса. Первое предполагало уменьшение размера подушной подати и как следствие этого – сокращение численности армии. Второе средство состояло в сокращении расходов. В этом случае вся тяжесть мер, обеспечивавших экономию, падала не на армию, хотя и ей пришлось кое-чем поступиться, а на гражданскую администрацию. Третье средство было связано с увеличением доходной части бюджета путем поощрительных мер развития торговли и промышленности, а также более рационального использования монетной регалии, то есть монопольного права государства на чеканку денег. Четвертый источник пополнения казны связан с монетной реформой.

Из предшествующего текста явствует, что надежды на успех от использования всех перечисленных выше мер оправдались далеко не в том объеме, на который рассчитывали члены Верховного тайного совета. Даже поощрительные меры в отношении торговли и создание условий для процветания купечества дали ничтожные результаты, так как самые обременительные повинности купцов (сбор таможенных пошлин, продажа соли, вина и др.) не были отменены.

Что касается монетного дела, то и здесь наблюдались определенные успехи, достигнутые благодаря энергичным действиям генерал-майора Александра Яковлевича Волкова и одного из членов «ученой дружины» Петра Великого – историка, экономиста, администратора, географа, специалиста горного дела Василия Никитича Татищева.

Чеканка монеты использовалась казной в качестве примитивного средства извлечения дохода, достигавшегося несложным путем – уменьшением веса металлов в монете. Этот способ пополнения казны использовал Петр I, когда в 1701-1703 годах казна в результате чеканки новой монеты получила чистой прибыли 1,9 миллиона рублей. Порча монеты вызвала инфляцию – курс рубля снизился почти вдвое, соответственно поднялись цены на товары.

С тех пор монетные дворы в Москве, где чеканились деньги,

бездействовали. Выпуск новых денег был санкционирован указом от 26 января 1727 года. Прибывшие на Монетный двор Волков и Татищев обнаружили безрадостную картину. Волков доносил Кабинету ее величества, в ведение которого монетные дворы были переданы из Берг-коллегии: «Истинно, как после неприятельского или пожарного разорения все инструменты разбросаны без всякого призрения, многие под снегом на дворах находятся, деревянное гнило, а железное перепорчено... нет ни форм, во что плавить, ни мехов к кузницам...» Волкову вторил Татищев, сообщавший Макарову: «Осмотрел я все денежные дворы и нахожу их так, как они во время поляков брошены, и до сего дня в них никто не бывал».

8 марта 1727 года Татищев рапортовал об успешном восстановлении монетных дворов: «Монетные дворы от бывшего их разорения в такое состояние, в какое они теперь, и в год привести было бы нельзя, если бы делать не с такою силою и властью, с какою Александр Яковлевич делал. Поистине удивительно, что в такое короткое время почти все вновь сделано, и можно уже надеяться на Бога, что дело пойдет без остановки, только б такая была помощь после него, как теперь».^[96] Тогда же началась чеканка новых медных пятикопеечных монет на сумму в 2 миллиона рублей.

Указ 26 января 1727 года объяснялся необходимостью выпуска новых денег «для облегчения крестьян в податях и других нужд». В действительности же налогоплательщики обещанного облегчения не получили, а всю выгоду из этой операции извлекла казна. Дело в том, что до 1718 года из пуда меди чеканилось пятикопеечников на сумму в 20 рублей. Теперь же стали чеканить пятикопеечников из этого же веса меди на 40 рублей, то есть вес монеты был уменьшен в два раза. О выгоде казны от этой нехитрой операции можно судить по тому, что рыночная цена пуда меди равнялась 8-10 рублям. Уже к концу августа 1727 года было выпущено пятикопеечников на 1 миллион 220 тысяч 600 рублей и получено прибыли 607 тысяч рублей. К концу года план чеканки монет был практически выполнен, однако размер подушной подати остался прежним.^[97] Правители при Петре II не считали себя обязанными выполнять обещания своей предшественницы.

Но не все начинания Верховного тайного совета приносили хоть какие-то результаты. Некоторые так и остались бесплодными. Помимо уже упоминавшейся деятельности комиссии Д. М. Голицына, назовем попытку заменить устаревшее Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года (своего рода кодекс законов, включавших уголовное, имущественное,

семейное право и т. д.) новым.

За три четверти столетия в обществе произошли существенные изменения, нашедшие отражение в текущем законодательстве. Иногда оно корректировало статьи Уложения 1649 года, а иногда устанавливало нормы, ему противоречившие. Эти изъяны Уложения обнаружил еще Петр I, когда в начале столетия была учреждена Палата об уложении. Однако она не справилась с поставленной перед ней задачей.

При Екатерине предприняли новую попытку составления Уложения. Была создана комиссия в составе трех обер-секретарей и технического персонала, которой надлежало проделать сложную и кропотливую работу по выявлению и систематизации так называемых новоуказных статей, то есть указов, изданных после 1649 года, а также использовать подходящие для России правовые нормы зарубежных стран, составить новые указы и т. д. Эту многотрудную работу надлежало выполнить к концу 1726 года. Задание оказалось непосильным и не было выполнено не только к указанному сроку, но и к концу XVIII столетия, несмотря на учреждение аналогичных комиссий в каждое новое царствование, в том числе и комиссии об Уложении 1767-1768 годов, созданной Екатериной Великой.^[98]

Еще одно неудавшееся мероприятие связано с поручением П. П. Шафирову написать историю царствования Петра Великого. При назначении Шафирова, очевидно, руководствовались тем, что его перу уже принадлежало «Разсуждение о причинах Свейской войны», в первый раз опубликованное в 1719 году и переизданное в 1722 году. Сочинение было написано по заданию Петра, им же отредактировано и дополнено. Сенат полагал, что Шафиров блестяще справится и с новым заданием – написанием сочинения, освещающего уже все стороны жизни и деятельности Петра от рождения до смерти. Однако сенаторы ошибались.

Оказалось, что Шафиров, не имея такого наставника, как Петр I, не был способен самостоятельно выполнить поручение. Показательны, например, вопросы, с которыми он обратился к правительству: «1) Как содержан царь Петр Алексеевич, яко царевич, с матерью своею по смерти царя Алексея Михайловича? 2) Какою болезнью болел царь Федор Алексеевич перед смертию и задолго ли был болен до кончины? И по смерти его как избрание царя Петра Алексеевича воспоследовало и что чинилось по избрании мая по 15 число, когда главный бунт начался? 3) Что во время того бунту с его величеством от бунтующих случилось? 4) Какие внутренние интриги в том и от кто были?» и т. д. Но ведь задача Шафирова как историка как раз и заключалась в том, чтобы дать ответы на эти и многие другие вопросы.

Не лишено оснований и такое предположение. Как известно, в 1722 году за публичную ссору в Сенате с Меншиковым Шафиров был приговорен к смертной казни. Все было приготовлено к исполнению приговора, голова обреченного уже лежала на плахе, когда прибывший гонец доставил указ о помиловании. Смертная казнь была заменена ссылкой. Потрясение, перенесенное Шафировым, было велико. Такое не забывается, и можно полагать, что Шафиров, так и не простивший Петру пережитого, сознательно саботировал указ императрицы.

Ни при Екатерине I, ни при ее ближайших преемниках история царствования Петра Великого не была написана. Она появилась только в 1761 году, причем автором ее стал не русский, а француз Вольтер, которому правительство Елизаветы Петровны доставило необходимые для этого источники.

Глава седьмая ЗАТИШЬЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

После окончания Северной войны и заключения в 1721 году Ништадтского мирного договора, закрепившего за Россией прибалтийские территории, ранее принадлежавшие Швеции, главная внешнеполитическая задача России состояла в удержании за собою завоеванного и пресечении попыток Швеции взять реванш, а также в нейтрализации усилий враждебных России государств, прежде всего Англии и Франции, стремившихся вовлечь Швецию в орбиту своего влияния и помешать приобретению Россией статуса великой державы. Дипломатия петровского времени успешно справилась с решением этих задач: неприятель, с которым Россия в течение двадцати одного года вела изнурительную войну, превратился в ее союзника. Переговоры со шведским правительством, проходившие в 1723-1724 годах, завершились 22 февраля 1724 года подписанием в Стокгольме союзного договора, по которому обе стороны обязались в случае нападения на одну из них оказывать друг другу взаимную помощь. Россия должна была выставить 12 тысяч пехоты, четыре тысячи конницы, девять линейных кораблей и три фрегата; помощь Швеции в случае нападения на Россию какого-либо христианского государства (магометанская Турция таким образом исключалась из их числа) была скромнее и ограничивалась восемью тысячами пехоты, двумя тысячами конницы, шестью линейными кораблями и двумя фрегатами.

Стокгольмский союзный договор имел две секретные статьи. По первой из них Швеция обязалась содействовать возвращению голштинскому герцогу Карлу Фридриху отнятого у него Данией Шлезвига. Карл Фридрих с 1721 года вместе с двором проживал в Петербурге и содержался на средства казны. Гостеприимство Петра Великого имело веские причины – герцог после гибели в 1718 году Карла XII имел законные права занять шведский трон и использовался русской дипломатией в качестве средства давления на овладевшую короной сестру погибшего короля Ульрику Элеонору – пока война не была завершена, над нею висела угроза лишиться престола в пользу голштинского герцога. Кроме того, Петр решил породниться с голштинским герцогом, выдав за него замуж одну из своих дочерей. Отсюда проистекала перспектива оказания помощи Карлу Фридриху в возвращении ему Шлезвига, что,

естественно, должно было сопровождаться установлением враждебных отношений с Датским королевством. У России была и собственная причина быть недовольной Данией, которая взимала пошлину с русских кораблей, проходивших через Зундский пролив. Заметим, что «зундская пошлина» имела для России более символическое, чем реальное значение, поскольку она практически не располагала торговым флотом.

Вторая секретная статья обязывала союзников поддерживать в Польше издавна установившийся политический строй (*liberum veto*), при котором один член сейма мог заблокировать любое постановление, принятое остальными его членами. России, как и Швеции, был выгоден порядок, ослаблявший Польшу.

Стокгольмский договор должен был не только положить конец распрям между соседями, но и пресечь попытки враждебных России государств оказывать на Швецию влияние, противоречившее интересам нашей страны. Однако договор, заключенный сроком на двенадцать лет, оказался недолговечным. В Швеции постепенно брали верх сторонники реванша. Ход их мыслей изложил в своем донесении представитель России в Стокгольме М. П. Бестужев-Рюмин: «Россия похитила у нас все наши крепости и защиты, привела нас в нестерпимую зависимость от себя и в такое опасное положение, что и сама столица подвержена ее нападениям и угрозам. Поэтому справедливо принимать против нее всякие меры. Но так как наше оборонительное состояние слабо и недостаточно, то необходимость требует искать союзников и французскую доверенность и дружбу надо всякими мерами сохранять и утверждать. Во всей Европе Франция для нас надежнейшая и полезнейшая держава; она одна в состоянии давать нам достаточные субсидии и помощь на море».

В приведенном суждении немало надуманного. В частности, ложным является обвинение России в агрессивных намерениях против Швеции. Но одну мысль надлежит считать абсолютно верной: самые отъявленные реваншисты отдавали себе отчет в том, что вернуть утраченное сил у Швеции не было и она должна была ориентироваться на помощь извне.

Напомним, что при жизни Петра Великого престиж России на международной арене был очень высоким. Французский дипломат Кампредон доносил из Петербурга 9 января 1724 года, что «при малейшей демонстрации его (Петра I. – Н. 77.) флота, при первом движении его войск ни шведская, ни датская, ни прусская, ни польская корона не осмелятся ни сделать ответного ему движения, ни шевельнуть с места свои войска. Он один из всех северных государств в состоянии уважать свой флот».^[99] Все изменилось после кончины Петра, которая была воспринята и в Дании, и в

Швеции как свидетельство утраты Россией способности отстаивать свои внешнеполитические интересы.

Опытный дипломат Василий Лукич Долгорукий, привыкший к уважительному отношению западноевропейских дворов к представителям России, сразу же заметил это. Прибыв в Стокгольм в 1726 году, он доносил: «При других дворах, к которым я был послан, таких необыкновенных и гордых поступков не видел. Хотя и знатные субсидии от вашего величества и от цесаря (австрийского императора. – Н. П.) обещал, однако здешние правители не только не отвечали учтиво благодарностию, но даже не отозвались ни единым словом. По таким здешнего двора здешним поступкам, видится, неприлично мне здесь быть в характере, в каком я сюда прислан».^[100]

В Стокгольме и Копенгагене рассчитывали на то, что смерть императора вызовет в России смуту. В обеих столицах от представителей своих стран при русском дворе получали информацию о наличии в правящей элите двух группировок, придерживавшихся несхожих взглядов на внешнеполитический курс России.

Резидент России в Швеции М. П. Бестужев-Рюмин доносил: «Двор сильно надеялся, что от такого внезапного случая в России произойдет великое замешательство и все дела ниспровергнутся, но когда узнали, что ваше величество вступили на престол и все окончилось тихо, то придворные стали ходить повеся нос; таким образом, этот случай открыл сердца многих людей. Намерение здешнего двора было в мутной воде рыбу ловить...^[101]» Согласно донесению русского резидента в Копенгагене Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, известие о кончине императора вызвало восторг: «из первых при дворе яко генерально и все подлые опились было». Королева выразила свою радость выдачей тысячи ефимков для нищих и госпиталей, замаскировав ее выздоровлением супруга, здоровье которого пришло в норму задолго до смерти Петра Великого.

Прусский король Фридрих Вильгельм был, пожалуй, единственным среди западноевропейских монархов, кто искренне оплакивал смерть Петра. Когда он получил известие о кончине императора, которого считал своим другом, у него покатались слезы и он заявил: «Я по смерти своего дражайшего друга хочу показать свою верность». Фридрих Вильгельм объявил траур не на три месяца, как по другим государям, а на полгода. Это, однако, не помешало ему вступить во враждебный России Ганноверский союз.^[102]

Падение международного авторитета России явилось следствием

изменений, происходивших внутри страны. Как известно, результативность внешней политики государства определяется тремя факторами: его экономическим потенциалом, состоянием армии и флота и искусством дипломатов. Экономический и финансовый кризис, в котором оказалась Россия, вынудил отпустить в поместья треть офицерского состава, что снизило боеспособность армии. В упадок пришел и флот – прекратилось строительство линейных кораблей, ударной силы флота, который при Петре Великом был самым могущественным на Балтийском море. В прежних размерах продолжалось лишь сооружение галер, но галерный флот не мог противостоять линейным кораблям соседних государств и морских держав – Англии, Франции, Голландии. Напомним также, что значительная русская армия в течение всего царствования Екатерины I находилась в Персии, северная часть которой по русско-турецкому договору 1724 года отошла России. Персидские дела отнюдь не радовали императрицу и ее окружение: в Персии продолжалась анархия, так что заключать мир было попросту не с кем, в то время как русские войска несли огромные потери – и не столько от постоянных стычек с местными князьками, сколько от болезней и нездорового климата.

Состояние экономики и финансов, ослабление армии и флота вынуждали Россию избегать новых военных конфликтов, способных окончательно разорить хозяйство, и без того находившееся в плачевном состоянии. Отсюда вытекала главная внешнеполитическая задача: сохранить добрососедские отношения с другими государствами как на Западе, так и на Востоке. Однако выполнение этой задачи оказалось делом крайне трудным, особенно на Западе.

Важным фактором в международной политике тех времен был подкуп дипломатами в стране пребывания государственных мужей, от которых зависело направление внешней политики. Подкуп осуществлялся либо одноразовой выдачей крупных сумм, либо установлением ежегодного пенсионера, тоже в немалых размерах. По продажности всех прочих превосходили чиновники Османской империи, которые давали себя покупать и перекупать, беря одновременно посулы от дипломатов нескольких государств. За турецкими министрами следовали депутаты польского сейма и шведского риксдага.

Не чурались взяток и русские вельможи, среди которых особой алчностью отличался Меншиков. Зная ненасытную страсть князя к стяжательству и его колоссальное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны, австрийский посол граф Рабутин настойчиво рекомендовал своему правительству не жалеть средств на подкуп

светлейшего, равно как и других вельмож, от которых зависело присоединение России к Венскому союзу. Рабутин считал необходимым подарить Меншикову дорогую карету, а также осыпанную алмазами шпагу, а канцлеру Головкину и вице-канцлеру Остерману, членам Верховного тайного совета Толстому и Апраксину – осыпанные алмазами трости. Полезным для успешного завершения переговоров Рабутин считал и секретаря Верховного тайного совета Степанова. Его услуги он сначала оценил в три тысячи червонных, а затем, в другой депеше, счел необходимым добавить ему еще две тысячи. По совету Рабутина, цесарь подарил Александру Даниловичу находившееся в Силезии герцогство Козельское. Насколько щедрым оказался этот подарок, видно из того, что прижимистый Меншиков оценил услуги посла Рабутина в 10 тысяч гульденов.^[103]

Не скарденничал и прусский король Фридрих Вильгельм, когда отвалил на подкуп русских вельмож 40 тысяч рублей, а Меншикову подарил в Померании поместье, приносящее ежегодный доход в размере 10 тысяч червонных. Кстати, король не обделил и Екатерину, подарив ей карету и восемь лошадей стоимостью в 22 тысячи талеров.^[104]

Финансовые ресурсы России не позволяли ее дипломатам состязаться в размере взяток и пенсioнов, выдаваемых французскими и английскими послами. В дипломатической практике тех времен красноречие послов и резидентов, сколь бы убедительными ни были их аргументы, мало что значило, если оно не подкреплялось денежными вливаниями в карман собеседника. К тому же отечественная дипломатия, будучи еще молодой по сравнению с западноевропейской, не располагала достаточным контингентом опытных дипломатов и иногда вынуждена была пользоваться услугами иностранцев, которых назначали послами России при европейских дворах. Среди отечественных дипломатов выделялись своими способностями князь Александр Борисович Куракин, Василий Лукич Долгорукий, графы Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, Николай Федорович Головин, Александр Гаврилович Головкин и другие, но обязанности посланника России при важном для нее австрийском дворе выполнял, например, поляк Ланчинский, а в Швеции – курлянский канцлер Бракель.

Вспомним и о политическом кризисе в России, где в течение пяти лет трон занимали не способные к управлению личности: бывшая прачка и ребенок. Наступившую слабость правящая элита пыталась скрыть от западноевропейских государств двумя способами: показной

расточительностью, которая должна была демонстрировать благополучие финансового состояния страны, и упоминавшейся выше усиленной эксплуатацией монетной регалии, свершавшейся в глубокой тайне.

Небывалой роскошью было обставлено пребывание в Стокгольме В. Л. Долгорукого. Верховный тайный совет ассигновал на ежедневное содержание посла по 100 рублей на день, не считая одиннадцати тысяч на ливрею и экипаж. Из Петербурга обещано было прислать серебряный сервиз, однако на подкуп тех, кто имеет влияние, была отпущена довольно скромная сумма. По случаю дня рождения императрицы Долгорукий устроил роскошный прием, на котором присутствовали сенаторы, иностранные министры, знатные особы с женами. 15 декабря в посольстве были даны маскарад и бал с участием 500 персон; бал продолжался 15 часов и завершился ужином.

Ведущие страны Европы в 1726 году были расколоты на два враждующих союза. Первый из них, так называемый Ганноверский, был образован в сентябре 1725 года. В него вошли Англия, Франция и Пруссия. Ганноверскому союзу противостояла коалиция двух держав – Австрии и Испании. К какому из этих союзов могла примкнуть Россия?

Единства взглядов на этот счет у представителей правящей элиты не было. Меншиков, Апраксин, Толстой, Голицын и, возможно, Остерман ориентировались на союз с Англией и Францией, то есть на присоединение к Ганноверской коалиции, в то время как Головкин, В. Л. Долгорукий, князь Репнин и Ягужинский считали традиционным союзником России Австрию, с которой Россия не один раз совместно выступала против Турции.

Заинтересованность в вовлечении России в Ганноверский союз выказывали Англия и Франция. В свое время еще Петр намеревался выдать дочь Елизавету за французского короля Людовика XV, однако этот брак так и не состоялся. 22 марта 1725 года русский посол во Франции А. Б. Куракин извещал Екатерину: «Все мы, министры иностранные, стараемся всячески открыть намерение здешнего двора насчет женитьбы королевской, но никак нам это не удастся; по слухам, имеется в виду дочь Станислава Лещинского, но и этому слуху верить еще нельзя». Слух, однако, подтвердился – Людовик XV избрал в супруги дочь польского экс-короля Станислава Лещинского Марию. Куракин извещал в мае: «Понеже супружество короля французского уже заключено с принцессою Станислава и так сие сим окончилось».

Станислав Лещинский, посаженный на польский трон в 1704 году шведским королем Карлом XII, а затем изгнанный из Польши после разгрома шведов под Полтавой, несколько лет скитался по странам Европы,

пока, наконец, не обрел пристанище во Франции. Брачные узы французского короля с дочерью Лещинского, продолжавшего претендовать на польскую корону, в Петербурге сочли за враждебную России акцию, и это несколько ослабило позиции сторонников вступления России в Ганноверский союз. Но главной причиной, по которой Россия не могла стать членом Ганноверского союза, оказались унижительные требования, выдвинутые прусским королем и поддержанные Англией. Россия должна была отказаться от части приобретений в Прибалтике: ее западные границы доходили до Ревеля, а остальные территории надлежало отдать герцогу Голштинскому за отказ его от притязаний на Шлезвиг.

Такие условия для России были абсолютно неприемлемыми. В Петербурге сочли, что присоединение к Ганноверскому союзу «противоречит нашему интересу и важнее всего нашей чести и славе». В итоге Россия примкнула к союзу Австрии и Испании. Согласно условиям договора, заключенного в апреле 1726 года, Россия обязалась в случае нападения на Австрию послать ей на помощь 20 тысяч пехоты и 10 тысяч драгун. Обязательство Австрии и Испании состояло в предоставлении русскому флоту стоянок в портах, которыми владели эти державы, а секретная статья договора обязывала Австрию оказывать помощь герцогу Голштинскому в возвращении Шлезвига.

Екатерина реанимировала интерес России к возвращению Шлезвига Голштинии. Но руководствовалась она при этом не государственными, а чисто династическими интересами. В 1726 году герцог женился на дочери Екатерины Анне Петровне. Чтобы порадовать интересам зятя, императрица приказала интенсивно готовиться к войне с Данией с целью возвращения Шлезвига голштинскому герцогу Карлу Фридриху.

Кругозор российской императрицы в данном случае был близок к кругозору захолустной помещицы, готовой конфликтовать с владелицей далеко отстоявшей от нее вотчины из-за ничтожного повода, не заботясь о том, какие последствия может вызвать этот конфликт. России был абсолютно не нужен Шлезвиг, а подготовка к войне из-за него могла втянуть ее в конфликт европейского масштаба. Россия интенсивно, насколько позволяли ей ресурсы, готовилась к войне с Данией: к Петербургу и Выборгу стягивались войска, флот приводился в боевую готовность. Ресурсы, однако, были крайне ограничены: Россия к войне была явно не готова, и угроза начать боевые действия оказалась с ее стороны чистой воды блефом.

Тем не менее, как только известие о подготовке России к войне достигло Дании, она обратилась с просьбой о помощи к Англии.

Последняя, ревниво наблюдавшая за ростом влияния России в Европе, тут же решила удовлетворить эту просьбу, правда, при условии, что Копенгаген вступит в Ганноверский союз. Датский двор отказался от немедленного вступления в союз, что не помешало Англии отправить в Балтийское море сильную эскадру под командованием адмирала Уоджера. В районе Ревеля тот передал представителям России грамоту английского короля Георга II Екатерине I. Грамота была составлена в угрожающем тоне и отражала враждебность Англии к России. Король обвинял русских министров в намерении внести «в проектируемый договор такие отмены, которые не соответствуют истинному Российской империи интересу». Англия возлагала на себя роль миротворца и объясняла появление эскадры в Балтийском море соблюдением своих обязательств перед союзниками и «целью предупредить новые смуты в тамошних прибрежных странах, препятствуя флоту вашего величества выходить из гаваней».

Ответная грамота Екатерины I Георгу II была составлена в том же тоне. Императрица обвиняла короля «в напрасном подозрении по поводу вооружения нашего флота», производившегося якобы с целью обучения экипажей кораблей, отклоняла обвинения русских министров в нежелании вступать в Ганноверский союз, переадресовав это обвинение английским министрам. В резкой форме выражалось отношение России к появлению английской эскадры у ее берегов – это «есть следствие той злобы, которую некоторые из ваших министров в продолжение многих лет постоянно везде и явно против нас показывают». Далее следовала фраза, не ласкавшая слух английского короля: «Вы вольны давать своим адмиралам указы, какие заблагорассудите, но при этом не извольте принять за противное, если мы, когда захотим отправить флот свой в море, не допустим себе воздержаться от этого вашего королевского величества запрещением». Впрочем, обе грамоты, короля и императрицы, заканчивались миролюбивыми фразами.

Дело ограничилось колкостями в дипломатических нотах, и, к удовлетворению обеих сторон, до вооруженного конфликта дело не дошло: Россия не готова была к войне, а английское купечество энергично протестовало против вооруженного конфликта с Россией по причине глубокой заинтересованности в расширении торговли с нею.

Екатерина не отказалась от намерения объявить войну Дании, но решила перенести ее начало на год. Когда об этом стало известно Карлу Фридриху, он устроил настоящую истерику: рвал на себе одежду и даже нижнее белье. Смерть императрицы положила конец авантюрному плану. Меншиков по этому поводу заявил: «Если бы даже мы были столь глупы поссориться с нашими старыми приятелями англичанами и датчанами из-за

принца, которого интересы не имеют ничего общего с нашими интересами, мы постараемся во всяком случае пристроить его в Швецию, пусть он останется там и оставит нас в покое».^[105]

Словесная перепалка закончилась ничем: английская эскадра возвратилась на свои стоянки, а Россия отказалась от нападения на Данию. Затраты Англии и России на снаряжение флота оказались напрасными. Особенно болезненно к этому отнеслись в Англии: взамен отправки флота англичане вновь потребовали от Дании вступления в Ганноверский союз. В Копенгагене, однако, было заявлено, что Дания вступит в союз только в том случае, если русский флот окажется у ее берегов. Не помогли даже заверения в том, что на Россию готова напасть Турция, а Швеция вступит в Ганноверский союз в ближайшее время.

Обострению обстановки на севере Европы Россия обязана не только подготовке к войне с Данией, но и хвастливой болтовне министра голштинского герцога Бассевича, заявившего шведскому послу в Петербурге графу Цедеркрейцу, что если Швеция будет препятствовать возвращению Голштинии Шлезвига, то Россия отправит к шведским берегам галерный флот с тридцатитысячным войском.

Потерпев неудачу в вовлечении Дании в Ганноверский союз, английская дипломатия сосредоточила свои усилия на Швеции. Здесь англичане сумели добиться успеха.

В Стокгольме и без крупных ассигнований англичан на подкуп вельмож были осведомлены, что «ни малейшей опасности с русской стороны короне шведской быть не может». Это убеждение базировалось не только на донесениях Цедеркрейца о внутреннем положении в России и распрях при дворе относительно того, к какому союзу она примкнет, но и на заявлении Меншикова послу. Это заявление воодушевило противников России: по словам светлейшего, «русские министры в Стокгольме действуют против акцессии (вступления Швеции в Ганноверский союз. – Н. П.) только для вида, из угождения новому союзу с цесарем (Австрией. – Н. П.)», и «он, Меншиков имея в руках войско, не допустит до войны».^[106]

Под министрами, о которых говорил Цедеркрейцу Меншиков, подразумевался В. Л. Долгорукий, отправленный в Стокгольм, чтобы всеми средствами противодействовать вступлению Швеции в Ганноверский союз. Но заявление Меншикова ставило Долгорукого в крайне затруднительное положение не только потому, что он располагал весьма скудными ассигнованиями на подкуп, но и вследствие того, что партия «доброжелательных» по отношению к России была неизмеримо слабее

партии противников союза с нею. В рядах «доброжелательных» не было авторитетного и энергичного лидера; здесь собралась дворянская мелкота, довольствовавшаяся незначительными подачками, в то время как партию их противников возглавляли умный, предприимчивый сенатор Горн и влиятельный граф Делагарди. Их враждебность к России была подкреплена солидными кушами: Горн получил от Ганноверского союза 160 тысяч рублей, а Делагарди английское правительство назначило ежегодный пенсион в сумме четырех тысяч фунтов стерлингов. В итоге Швеция, являвшаяся по договору 1724 года союзницей России, оказалась в Ганноверском союзе, направленном против нее.

В Петербурге стерпели предательскую акцию Стокгольма и победу сторонников реванша за отошедшие к России прибалтийские территории. Восстановить прежние союзнические отношения между Россией и Швецией можно было применением силы, но Россия ею не располагала. К тому же в Петербурге были озабочены не столько решением внешнеполитических задач, сколько выведением страны из хозяйственного и финансового кризиса.

Подводя итоги анализу отношений России с западноевропейскими государствами в годы царствования Екатерины I (да и Петра II тоже), должно отметить осмотрительность и осторожность в действиях правительства, озабоченного прежде всего сохранением мира. России удалось избежать вовлечения в военный конфликт. Поэтому довольствовалась Россия в отношениях с Западом скромными результатами: своим участием в австро-испанском союзе она как бы уравновешивала силы двух союзов, что обеспечивало мир в Европе.

*

Более значимых результатов Россия достигла на Востоке, и прежде всего в отношениях с соседним Китаем. Отметим, что на восточных рубежах России сложилась иная обстановка, чем на западных. Колоссальные, трудно преодолимые расстояния между Петербургом и Пекином, отсутствие постоянных дипломатических представительств в обеих странах лишали их правительства своевременной и достоверной информации о внутренней жизни соседей: в Петербурге довольствовались лишь слухами о том, что происходило в Китае, и наоборот. Поэтому в

предстоявших переговорах такие факторы, как состояние экономики и вооруженных сил, степень политической стабильности и т. д., оказывали меньшее влияние, чем в переговорах с западноевропейскими странами или с Турцией.

Посольство в Китай во главе с чрезвычайным посланником и чрезвычайным министром Саввой Лукичом Владиславичем Рагузинским было отправлено в конце 1725 года. За месяц до отъезда Рагузинскому вручили пространную инструкцию, в которой помимо изложения задач посольства были предусмотрены мельчайшие детали поведения посла во время переговоров с китайской стороной. «Понеже с китайской стороны, – читаем в преамбуле инструкции, – для приключившихся пограничных некоторых несогласий не токмо с Российской империею отправление купечества пресечено и по прежнему обыкновению отправленный российский караван в Китай не пропускается, но и агент Лоренц Ланг, бывший при дворе ханове в Пекине, и все российские купеческие люди из китайского владения пред двумя годами высланы, а наиглавнейшая с китайской стороны претензия и домогательство чинится в разграничении земель и об отдаче перебежчиков», важнейшая задача посольства состояла в том, чтобы «прежнее старое согласие и свободное отправление купечества восстановить и утвердить».

Начало торговых связей между соседними государствами восходит к середине XVII столетия, но регулярно они стали развиваться после заключения в 1689 году Нерчинского договора. В роли импортера русских товаров, преимущественно сибирской пушнины, выступала казна: сибирские воеводы взымали пушнину с коренного населения, затем в Нерчинск прибывал «купчина» – доверенное лицо правительства, которому поручались отправка каравана в Пекин, продажа пушнины, приобретение китайских товаров и доставка их в Москву. Все эти операции совершались в течение трех-пяти лет.

Первые караваны оказались прибыльными, и это дало основание Петру I объявить в 1706 году караванную торговлю с Китаем казенной монополией. Вскоре, однако, караванная торговля стала убыточной. Отчасти это объяснялось тем, что «купчины» везли наряду с казенной пушниной собственную и стремились реализовать ее в первую очередь и только потом на менее выгодных условиях продавали государственную. Но главная причина спада русскокитайской торговли была заложена в политике пекинского правительства: вопреки Нерчинскому договору китайские власти отказывались пропускать караваны. Пока шла занимавшая многие месяцы переписка, находившаяся в Нерчинске или

Селенгинске пушнина, хранимая в неблагоприятных условиях, приходила в негодность. Когда, наконец, караван прибывал в Пекин, власти чинили всякого рода препятствия в сбыте товаров: ограничивали права китайских купцов покупать пушнину, чем принуждали продавать ее по заниженным ценам.

Ко времени назначения Саввы Лукича чрезвычайным посланником и полномочным министром нагнетаемые китайской стороной притеснения торговли привели к ее почти полному прекращению. Караван, отправленный в 1718 году, свыше двух лет стоял на границе, а когда его все-таки пропустили в Пекин, продавать пушнину запретили, руководитель каравана был выслан из столицы со значительным количеством непроданного товара. Вместо обычных трех лет время оборота этого каравана заняло шесть лет.

Восстановление прежних торговых отношений, а также прекращение пограничных споров и решение вопроса о возвращении русских людей, бежавших в Китай, зависели от искусства дипломата, его умения вести переговоры, его настойчивости и способности принимать самостоятельные решения при изменившихся условиях переговоров.

Таковыми качествами Рагузинский обладал, и правительство Екатерины I едва ли могло сыскать кандидата более достойного и способного выполнить поручение, чем он – равного ему в стране не было ни по образованности, ни по знакомству с дипломатией восточных стран, ни по диапазону жизненного опыта.

Серб по национальности, православный по вероисповеданию, Савва Лукич родился в 1669 году и, как и его отец, вел торговые операции на территории Турции. Ненависть Рагузинского к деспотическому господству турок над православными народами Балканского полуострова и надежда на помощь России в освобождении от турецкого ига толкнули его на контакты с временными послами России в Османской империи – сначала с Емельяном Ивановичем Украинцевым, затем с Дмитрием Михайловичем Голицыным и, наконец, с Петром Андреевичем Толстым, которому, в отличие от первых двух дипломатов, выполнявших разовые поручения, удалось добиться статуса постоянного представителя России в Турции.

Рагузинский вместе с Толстым оказали неоценимую услугу России в самый критический момент Северной войны, когда не знавшая поражений армия шведского короля Карла XII вынудила войска Петра I отступить на восток и овладела значительной частью Украины. Нелегкая задача Толстого состояла в том, чтобы обезопасить южные рубежи России от вторжения турок, что крайне усложнило бы ее положение и вынудило бы вести войну

на два фронта. Эту задачу блестяще выполнил Толстой благодаря бескорыстной помощи Саввы Владиславича, снабжавшего его ценной информацией, получаемой им от агентов, проникших в самые высокие правительственные инстанции. Эта информация касалась состояния экономики Османской империи, ее вооруженных сил, намерений правительства, свойств характера тех лиц, которые стояли у кормила правления, и возможности их подкупа. В 1704 году, когда над Рагузинским нависла угроза обвинения в шпионаже, он выехал из Турции в Россию и более туда не возвращался, но созданная им разведывательная сеть продолжала действовать.

Петр I высоко оценивал услуги Рагузинского, щедро награждал его поместьями и предоставлял торговые льготы, что позволило ему сколотить немалое состояние. В 1718 году Савва Лукич женился на двадцатилетней патрицианке Вирджинии Тревизан. Леди Рондо, супруга английского резидента Клавдия Рондо, с неприязнью относившаяся к Вирджинии, писала, что Рагузинский скорее не женился, а купил ее, «потому что обладал несметными богатствами». По свидетельству той же леди, супруг «держит ее взаперти и очень редко отпускает куда-нибудь кроме двора».

Чтобы преодолеть расстояние от Петербурга до русскокитайской границы обозу посла, состоявшему из шестидесяти телег, понадобилось десять месяцев – он отправился из столицы 12 октября 1725 года, а достиг пограничной речки Буры 24 августа следующего года. Конечно, гонец мог передвигаться с большей скоростью, чем громоздкий обоз, тем более что Рагузинский останавливался на продолжительное время в Москве, Тобольске и Иркутске.

На уроженца юга Европы просторы Сибири произвели неизгладимое впечатление: «Земля эта обетованная по хлебородию, в рыболовлях и звероловлях и преизобильная рудами разных материалов, разными мраморами и лесами, и такого преславного угодья, чаю, на свете нет».

Посольство пересекло границу только 2 сентября 1726 года из-за споров по поводу того, кто из сторон должен первым нанести визит. В Пекин Рагузинский прибыл через сорок дней, причем ему оказывали пышные встречи не только в столице, но и во всех городах, через которые он проезжал.

Ласковое обращение, внимательность и восточная вежливость, нежные улыбки чередовались с надменной холодностью, содержанием посольства в полной изоляции – порой его сторожили 600 солдат под командой трех генералов. Подобное поведение китайской стороны было хорошо известно Рагузинскому как одна из характерных черт восточной

дипломатии. Знал он и способы преодоления подобных трудностей, создаваемых пекинским правительством с целью оказать давление на посла, принудить его быть сговорчивее.

К числу «несносных притеснений» посольства относились снабжение персонала соленой водой, вызывавшей желудочные заболевания, угроза выдворить посольство из Китая в зимнее время, что неизбежно обрекало его на гибель, намерение «передавить россиян, как мышей». Но Рагузинский проявлял выдержку, настойчивость и не поддавался на провокации. В то же время, когда Савва Лукич заболел, к нему были приставлены врачи самого богдыхана; впоследствии он был удостоен чести присутствовать на новогодних торжествах и т. д.

На хитрости китайских дипломатов Рагузинский отвечал стойким выполнением пунктов инструкции. В одном из донесений в Петербург он писал: «Я скорее сгнюю в тюрьме, нежели нарушу инструкцию»; в другом добавлял: «Хотя б десять сажен над землей буду, я не нарушу верности своему отечеству».

Переговоры затягивались прежде всего потому, что участники их стремились к разным целям: Владиславич добивался упрочения мира и возобновления караванной торговли, в то время как уполномоченные богдыхана надеялись на расширение своей территории за счет перемещения границ на север.

В результате длительных переговоров с тремя сменявшими друг друга китайскими делегациями были согласованы тексты будущего договора за исключением пограничного размежевания, которое обе стороны решили произвести на месте, где проходила условная граница.

Посольство выехало из Пекина 23 апреля 1727 года и достигло речки Буры в июне. Здесь повторилось то, что происходило в Пекине: сегодня китайская делегация соглашалась с формулировкой какого-нибудь пункта, а на следующий день отказывалась от достигнутого результата.

В августе 1727 года был наконец заключен Буринский трактат о размежевании границ, который надлежало присоединить к договору, составленному в Пекине. Осталась пустая формальность – получить одобрение богдыхана. Для этого был объявлен сорокадневный перерыв, и русское посольство отбыло в Селенгинск.

Точно через сорок дней Рагузинский раскинул шатер у речки Буры, через несколько дней получил одобренный в Пекине проект договора и к своему удивлению обнаружил, что он существенно отличается от проекта договора, согласованного еще в Пекине. Начался третий этап переговоров, столь же изнурительный, как и первые два.

Наступили зимние холода, и Савва Лукич вновь отправился в Селенгинск. Переговоры возобновились в марте следующего года, когда из Пекина был доставлен проект договора, соответствовавший согласованному 21 марта 1727 года. Понадобилось, однако, время, чтобы его подписали в Пекине. Размен трактатами состоялся в июне 1728 года в Кяхте, вследствие чего и договор получил название Кяхтинского.

Кяхтинский договор – важная веха в русско-китайских отношениях. Статья 1 договора начинается торжественной фразой: «Сей новый договор нарочито сделан, чтобы между обеими империями мир крепчайший был и вечный». И действительно, Кяхтинский договор вплоть до середины XIX века служил правовой основой взаимоотношений России с Китаем.

Успешные действия Саввы Лукича Рагузинского, отнявшие у него три года жизни, были высоко оценены в Петербурге – он был пожалован тайным советником.^[107]

В целом, итоги внешнеполитических акций России в царствование Екатерины I, несмотря на отдельные неудачи, можно признать положительными. Россия, обладавшая самой многочисленной армией в Европе, хотя и с ослабленной экономикой и нестабильной политической ситуацией, сохранила значение державы, союзом с которой продолжали дорожить.

Глава восьмая НЕУДАВШАЯСЯ ПОПЫТКА СВАЛИТЬ МЕНШИКОВА

Мы помним, с какой настойчивостью и бескомпромиссностью сопротивлялись Меншиков и Толстой восшествию на престол малолетнего Петра Алексеевича после смерти Петра Великого. Благодаря именно их стараниям и решительности трон заняла Екатерина. Однако спустя всего два года не кто иной, как Меншиков сделал все от него зависящее, чтобы императорской короной после смерти Екатерины был увенчан внук Петра Великого.

Столь решительное изменение позиции князя находит свое объяснение. Александр Данилович сумел добиться от императрицы исполнения своей заветной мечты: породниться с царствующим домом. Это желание было юридически закреплено завещанием Екатерины – «Тестаментом», пространный текст которого в угоду Меншикову составил, видимо, А. И. Остерман. Воля императрицы – несомненно, навязанная ей светлейшим – состояла в том, чтобы ее наследником стал великий князь Петр Алексеевич и чтобы он непременно женился на одной из дочерей Меншикова.^[108] В случае исполнения этого условия Меншиков становился тестем императора и мог не опасаться мести за свое участие в гибели царевича Алексея. Более того, отроческий возраст Петра открывал перед светлейшим возможность стать неограниченным правителем страны и предоставлял условия утолить свою ненасытную алчность.

Намерения Меншикова вызвали протесты вельмож, знавших его крутой и деспотичный нрав и опасавшихся, что он низведет их до роли послушных исполнителей своей воли, а непослушных, в лучшем случае, отправит в ссылку.

Всесилие Меншикова в царствование Екатерины I особенно обстоятельно описал хорошо осведомленный о жизни двора прусский посол Мардефельд. 27 августа 1726 года он доносил королю: «Достоверно, что князь поддался своему высокомерию и злоупотребляет милостью, которой он пользуется до такой степени, что он завел такие порядки в гражданском и военном ведомствах и начал уже приводить их в исполнение, которое сделало бы его действительным правителем, а царице оставило бы только одно имя. Это дошло наконец до того, что он овладел всеми делами, касающимися высочайших помилований, и отправлял по

денежным и другим важным делам в коллегии приказы, лишь им самим подписанные. Притом он завел деспотическое и жестокое правление и сделал этим неудовольствие столь общим, что конец мог быть весьма пагубным для всего государства, а наверно раньше всего для него самого». По словам автора депеши, князь сумел ожесточить против себя герцога и герцогиню Голштинских, а также принцессу Елизавету и сестру великого князя Наталью Алексеевну.^[109]

Как ни старались сохранить в тайне завещание Екатерины, его содержание стало известно заинтересованным лицам. Еще в марте 1726 года Мардефельд доносил королю: «Сообразить себе не могу, до чего дошла вражда царского семейства против Меншикова». Спустя год, в марте 1727 года, когда план Меншикова стал достоянием принцесс, обе они «решились со слезами припасть к стопам царицы и не вставать ранее, пока последняя не согласится на лишение милости князя».

«В конце прошлой недели, – доносил Маньян 25 марта 1727 года, – обе принцессы на коленях умоляли государыню обсудить неминуемые гибельные последствия подобного распоряжения, всячески стараясь возбудить ее материнскую нежность, заставить ее отменить его. К ним присоединился и Толстой, с которым царица не посоветовалась раньше. Он еще энергичнее принцесс представил ей, какой непоправимый вред нанесет она себе и своему семейству, поставив притом и вернейших слуг своих не только в невозможность приносить ей отныне какую-либо пользу, но и в необходимость отшатнуться от нее. Ибо, говорил Толстой, он не может скрыть, что и сам предпочитает скорее погибнуть, чем ждать тех страшных последствий, которые он предвидит от подобного согласия; ему явственно представляется топор, готовый упасть на голову государыни и всех ее детей, чего, впрочем, заключил Толстой, ему, может быть, не придется увидеть».

Слезы дочерей и красноречие Толстого, казалось, убедили императрицу, и она отказалась от своего намерения. Но стоило Меншикову, проведавшему о состоявшемся разговоре, явиться к ней на тайное свидание, как он добился от нее «решительного подтверждения данного прежде согласия».^[110]

Нам неизвестны доводы цесаревен и Толстого, пугавших Екатерину страшными последствиями брака великого князя и одной из дочерей Меншикова. Но вот ход мыслей Екатерины, в конце концов склонившейся к мнению светлейшего, узнаем из депеши того же Маньяна, отправленной в Париж за две недели до кончины императрицы: «...не только царица не

боится опасных последствий своего поступка в пользу великого князя, но еще считает наилучшим из всех доступных ей средств прочно укрепить спокойствие своего правления. Ибо этим государыня, с одной стороны, успокоит сторонников великого князя, юность коего позволяет обвенчать его лишь весьма нескоро, с другой же, навсегда привязывает к себе князя Меншикова, которого очень основательно считает вернейшим слугой своим среди русских вельмож и на которого может положиться больше, чем на кого-либо». Читая этот текст, не представляет труда догадаться, что доводы, в нем изложенные, были внушены императрице Меншиковым.

Тот же довод встречаем и в донесении Мардефельда: «Меншиков нашел средство убедить царицу, что это послужит средством к лучшему преуспеванию кроткого и спокойного правления».

Спокойствие, на которое рассчитывали Меншиков, а вслед за ним и Екатерина в случае бракосочетания одной из дочерей светлейшего с великим князем, не могло не оказаться эфемерным. Признаки недовольства готовящимся браком обнаружилось сразу же после того, как слух о нем подтвердился. Виновником протеста против осуществления этого плана был, как это ни покажется парадоксальным, сам Александр Данилович.

Известны были его крутой нрав, беспощадность в расправе со своими противниками, его мстительность и злопамятство – нанесенные когда-либо ему обиды он не прощал. Светлейший не мог пожаловаться на малочисленность противников. Но он также хорошо знал, что подавляющее большинство их не решится поднять голос протеста, что из чувства страха они будут гнуть перед ним спину и заискивающе улыбаться, и поэтому действовал в привычной для себя манере – прямолинейно и не пренебрегая никакими средствами.

Смелости выступить против матримониальных планов Екатерины и Меншикова хватило у тех, кто считал себя неизбежной жертвой в случае, если светлейший станет тестем императора. Граф Петр Андреевич Толстой, генерал-полицеймейстер Петербурга (и, к слову сказать, зять Меншикова) граф Девиер, генерал Бутурлин и другие не могли не опасаться и мести Петра II. Вступив на престол и дождавшись своего совершеннолетия, он наверняка вспомнил бы имена тех, кто был виновен в гибели его родителя, царевича Алексея, а также тех, кто лишил его по праву принадлежавшей ему короны и вручил ее Екатерине. Заранее оговоримся, что протест сановников против своеволия светлейшего был крайне робким. Он ограничился лишь разговорами, но и этого Меншикову оказалось достаточно, чтобы жестоко расправиться с собеседниками.

Петр Андреевич Толстой – личность незаурядная. Именно его, своего

бывшего союзника, Меншиков должен был опасаться более всего. В 1727 году Толстому было восемьдесят два года, но, несмотря на преклонный возраст, он сохранил ясный ум, изворотливость и склонность к интригам. Карьера Толстого складывалась в остросюжетном ракурсе: начинал он ее противником Петра, а заканчивал верным слугой. «Эх, голова, голова, не быть бы тебе на плечах, если бы не была так умна», – сказал как-то царь Толстому.

В отличие от неграмотного Меншикова Толстой превосходно владел пером, был человеком начитанным, в совершенстве знал итальянский. И еще одно отличие: Меншиков с молодых лет пользовался фавором царя, а Толстому удалось заслужить его доверие лишь в зрелом возрасте. Причиной тому стала ошибка, совершенная им в молодости, когда он имел неосторожность примкнуть к «партии» Милославских и активно участвовал на стороне царевны Софьи в Стрелецком бунте 1682 года, подстрекая стрельцов к расправе с Нарышкиными.

Убедившись в том, что поддержка Софьи не сулила ему ни вознаграждения вотчинами, ни успехов в карьере, Толстой переметнулся на сторону Петра, но тот к перебежчику долго не проявлял доверия, и Толстому пришлось прибегать к изворотливости, коварству, хитрости и унижительной услужливости для доказательства того, что он стал верным слугой царя. Чтобы угодить Петру, питавшему особую приязнь к людям, отправлявшимся за рубеж изучать военноморское дело, Толстой, будучи дедушкой, отправился в Италию волонтером. Судя по дневнику Толстого, его поездка за границу была своего рода жестом, ибо всерьез военноморское дело и кораблестроение он не изучал, и хотя получил свидетельство об успешном его овладении, но плавал на корабле только в качестве пассажира. Дневник Толстого – убедительное свидетельство любознательности, наблюдательности и интереса автора к западноевропейской культуре, с которой он познакомился впервые.

Царь, надо полагать, был осведомлен, чем занимался волонтер в Италии, и счел целесообразным использовать его таланты не на флотской, а на дипломатической службе. Так, он отправил Толстого послом в Османскую империю, где тому пришлось преодолевать множество повосточному хитроумных уловок, чтобы добиться уважительного отношения Османской империи к России.

Главная заслуга Толстого на дипломатическом поприще состояла в том, что он предотвратил нападение Османской империи на Россию в самый критический период Северной войны. Не менее важную услугу Петру Толстой оказал в 1716 году, когда вместе с гвардейским капитаном А.

И. Румянцевым доставил в Москву беглого царевича Алексея. Толстой же возглавил следствие над царевичем в должности руководителя Тайной канцелярии – учреждения, занимавшегося политическим сыском.

В 1724 году Толстой блестяще выполнил роль главного распорядителя во время коронации Екатерины Алексеевны. Это оставило неизгладимый след в сознании признательной императрицы. Екатерина использовала Толстого в качестве противовеса безраздельному господству Меншикова, которым она иногда тяготилась.

Должно отметить, что Петр Андреевич не исповедовал высоких нравственных принципов и руководствовался девизом: цель оправдывает средства. Доказательством тому служит его расправа с людьми, находившимися в составе русского посольства в Стамбуле. Когда Толстому стало известно, что один из его подчиненных принял магометанскую веру и нависла угроза разоблачения православных, оказывавших услуги посольству информацией о намерениях султанского двора, он пригласил вероотступника на беседу и угостил отравленным вином.

Коварство он использовал и в Неаполе, когда добился согласия возлюбленной царевича Алексея, крепостной девки Евфросиньи, уговорить царевича вернуться в Россию. За эту услугу Петр Андреевич обещал женить на ней своего сына. Выполнять это свое обещание он конечно же не собирался. Эти два случая подтверждаются источниками. Третий – его участие в отравлении Марии Кантемир и появлении у нее выкидыша – на уровне слухов.

Толстой, Девиер, Бутурлин и другие искали случая встретиться с Екатериной, чтобы раскрыть ей глаза на опасность превращения Меншикова в царского тестя. Причем опасность эта грозила не только лицам, причастным к гибели царевича Алексея и возведению ее самой на престол, но и ее собственным дочерям.

Но Екатерина не то что не хотела, уже не могла предпринять меры, ущемлявшие светлейшего, – она была прикована к постели и покорно выполняла его волю. Меншиков настолько верил в успех, что позволил себе не нарушать раз принятого распорядка. Во всяком случае при чтении своеобразного дневника Меншикова, который вел кто-то из его слуг, – «Повседневных записок» – невозможно уловить накануне смерти Екатерины ни накала страстей, ни проявлений напряженности. Лишь более частые, чем прежде, встречи с Остерманом предвещали какие-то тревожные события.

У Остермана был верный нюх. Он не подвел его и на этот раз. Барон правильно рассудил, что в данный момент перевес сил на стороне

Меншикова, и, будучи опытным интриганом, не скупился на советы, помогая князю добиться успеха. В течение двух недель, предшествовавших смерти Екатерины, Меншиков встречался с Остерманом семь раз. Насколько светлейший нуждался в советах барона, можно судить хотя бы по тому, что четыре из семи свиданий состоялись не у Меншикова, а у Остермана: Меншиков снизошел до того, что, преодолевая княжескую спесь, сам наносил визиты.

Ведя конфиденциальные разговоры с Остерманом, Меншиков пристально следил за состоянием здоровья императрицы. Иногда он навещал терявшую сознание Екатерину по нескольку раз в день. Светлейший повелел, чтобы никто из нежелательных лиц не входил в ее покои. 24 апреля 1727 года Екатерине стало легче, и Меншиков успел подsunуть ей указ о создании следственной комиссии над Девиером, который, как ему стало известно от доброхотов, выступил против его плана породниться с царствующей династией.

В «Повседневных записках» арест Девиера описан с непривычными для этого источника деталями. Во втором часу дня Меншиков отправился к Екатерине «и, немного побыв, вышел в переднюю и приказом ее императорского величества у генерал-полицеймейстера графа Девиера изволил снять кавалерию и приказал гвардии караульному капитану арестовать и потом, паки побыв у ее императорского величества с полчаса, изволил возвратиться в свои покои».

Саксонский посланник Лефорт при описании этого драматического эпизода сообщил любопытную подробность: «К Девиеру, находившемуся в покоях дворца, явился караульный капитан и, объявив ему арест, потребовал от него шпагу. Девиер, показывая вид, что отдает шпагу, вынимает ее с намерением заколоть князя Меншикова, стоявшего сзади его, но удар был отведен».

Аресту Девиера предшествовал секретный разговор Меншикова с Д. М. Голицыным, состоявшийся в день ареста в первом часу. В этот же день за обеденным столом в покоях Меншикова сидели два будущих члена Учрежденного суда над Девиером – Юсупов и Волков. По убеждению светлейшего, они должны были вынести угодный ему приговор.

Энергичные действия Меншикова, его встречи с «нужными» людьми объяснялись необходимостью в максимально короткие сроки, учитывая болезнь императрицы, завершить следствие и определить меру наказания обвиняемым, закрепленную именем Екатерины. Последующие дни светлейший провел не менее напряженно: 25 апреля он трижды навещал Екатерину, побывал в Петропавловской крепости и «изволил разговаривать

тайно с бароном Остерманом».

Сохранились следы прямого вмешательства князя в работу Учрежденного суда, созданного для расправы над Девиером и другими его противниками. Так, Меншиков отправил суду два недатированных письма. В первом он изложил дополнительное обвинение в адрес Девиера. Оно состояло в том, что Девиер, как только императрица «изволит от сна востать», выспрашивал у девиц обо всем, что происходило в ее покоях. Однажды он задавал такого рода вопросы в бане, где Меншиков застал его «с некоторою девушкою».

Второе письмо касалось процедуры проведения следствия. Меншиков предлагал Г. И. Головкину, чтобы тот объявил всем членам суда о необходимости присягнуть, «дабы поступать справедливо и никому не манить и о том деле ни с кем не разговаривать». Князь предлагал начать следствие «завтра поутру» и предупреждал: «... а розыску над ним (Девиером. – *Н. П.*) не чинить», то есть к пыткам не прибегать.

Следствие началось 28 апреля. Девиеру во время первого допроса велено было ответить на 13 вопросов. На первый взгляд вопросы, как и ответы на них, серьезных опасностей допрашиваемому не сулили и касались только нарушения им придворного этикета. Первое и, вероятно, главное обвинение состояло в том, что в день обострения болезни императрицы, 16 апреля, когда все присутствующие во дворце должны были выражать скорбь, Девиер, напротив, демонстрировал веселое расположение духа и шутил, проявляя фамильярность по отношению к лицам царской семьи. Допрашиваемый разъяснил, в чем была причина веселья. Он назвал лакея Алексея, у которого попросил пить, Егором. Эта обмолвка вызвала смех у присутствующих, и среди них у великого князя Петра Алексеевича, потому что на зов генерал-полицеймейстера откликнулся придворный шут князь Никита Трубецкой, которого прозвали Егором. Смех – разумеется, неуместный – был вызван непреднамеренно и несколько разрядил напряженность.

Удалось Девиеру отвести и обвинение в непочтительном отношении к цесаревнам Елизавете и Анне. Граф разъяснил следователям, что Елизавете Петровне он «решпект» не отдавал, а при появлении Анны Петровны хотел встать, но цесаревна сама не только ему, но и всем присутствовавшим в покоях «вставать не приказала».

Согласно еще одному пункту обвинения, Девиер будто бы сказал рыдавшей Анне Петровне: «О чем печалился, выпей рюмку вина». Девиер заявил, что не помнит, произносил ли он подобные слова, но признал, что когда цесаревна села за стол и отведала вина, сказал ей: «Полно,

государыня, печалитца, пожалуй и мне рюмку вина своего, и я выпью».

Решительно отказался обвиняемый от слов, будто бы сказанных великому князю Петру Алексеевичу: «Поедем со мною в коляске, будет тебе лутше и воля. А матери твоей (здесь: Екатерине. – Н. П.) уже не быть живой».

В ряде случаев, если верить Девиеру, следователи исказили его показания. Так, его обвинили в том, что он заявил великому князю, что за невестой, с которой у того состоялся сговор, будут «волочитца» поклонники. Девиер подал разговор в выгодном для себя свете: он, Девиер, «говаривал его высочеству часто, чтобы он изволил учиться. А как надел кавалерию – худо учился. А как зговорит женитца – станет ходить за невестою и будет ревновать, учиться не станет». Разговоры эти, разъяснил Девиер, он вел, «чтоб придать охоту к учению ево».

Спрашивали Девиера и о фрейлине Софье Карлусовне. Обвиняемый показал: «Вертел ли вместо танцев плачущую Софью Карлусовну или нет, не упомяну, а такие слова, что не надобно плакать, помнитца, говорил, утешая». (Отметим, кстати, что заявление допрашиваемого «не упомяну» в судебной практике XVII-XVIII веков рассматривалось как полупризнание или признание справедливости предъявленного обвинения.)

На вопросы, подсказанные Меншиковым, Девиер показал, что он разговаривал с девушками «о здравии ее императорского величества, как изволила почивать и вставать». Что касается случая в бане, то о нем, заявил Девиер, он не помнит. Впрочем, он признал, что «з девушками и мужеским полом в бане сживал и разговаривал». Кстати, допрошенная Учрежденным судом «придворная девица Катерина» признала, что имела разговор с Девиером в бане, но об «обхождении при дворе у нее не спрашивал».

Сняв допрос, члены Учрежденного суда немедленно отправились с докладом к императрице. Все ответы обвиняемого суд разбил на три группы, а именно: «которые слова не весьма важные, оные отчасти сказал он, что говорил только в противной какой разум»; о других сказал, что «не помнит, а что помнит и то другим образом»; о самых важных обвинениях сказал, «что того весьма не помнил».

Впрочем, все это не имело большого значения, ибо судьи, отправившиеся с докладом к императрице, вернулись с именным указом (пока еще устным), направившим следствие совсем в другое русло.

Выслушав заключение, императрица, – конечно же по подсказке Меншикова – устно «изволила повелеть ему, Антону Девиеру объявить последнее, чтоб он по христианской и присяжной должности объявил всех,

которые с ним сообщники в известных причинах и делах, и к кому он ездил и советовал и когда, понеже де надобно, то собрание все сыскать и искоренить ради государственной пользы и тишины. А ежели не объявит, то его пытать». В подтверждение устного указа в тот же день Головкину «с товарищи» был направлен письменный указ за подписью Екатерины (а точнее, подписавшейся ее именем Елизаветы Петровны), подтверждавший их право на пытку: «Ежели он всех не объявит, то следовать розыском немедленно».

Поражает метаморфоза в судьбе Девиера, произошедшая в течение всего лишь одного дня. Первоначально речь шла о «предерзностных» поступках самого Девиера. Теперь заговорили о сообщниках, «к кому он ездил и советовал и когда». Вначале суть обвинений ограничивалась нарушением этикета по отношению к представителям царствующей фамилии. В конце дня речь шла о действиях, направленных «к великому возмущению», и, следовательно, о необходимости виновников «сыскать и искоренить ради государственной пользы и тишины».

Итак, Девиер росчерком пера превратился в опасного политического преступника, причем непосредственная связь между первыми показаниями обвиняемого и последней квалификацией его вины не прослеживается: ни из вопросов, ни из ответов на них не вытекало, что государству грозило «великое возмущение».

Тщетно искать в источниках объяснений происшедшему. Наиболее простым и вероятным объяснением случившегося может быть предположение, что Меншиков использовал арест Девиера в качестве повода для привлечения к следствию более значимых сановников, чем генерал-полицеймейстер столицы. Правильность догадки подтверждается тем, что в дальнейшем следователи как бы забыли о нарушениях Девиером придворного этикета и сосредоточили внимание на раскрытии заговора, направленного лично против Меншикова.

Не лишено оснований и другое объяснение. Меншикову было заведомо известно о замыслах Девиера, о существовании заговора, но он предпочел начать с обвинений в пренебрежении к представителям царствующей фамилии. Видимо, князь решил, что так ему легче будет убедить императрицу в необходимости начать следствие, а затем и суд. Меншиков понимал, что в данном случае важен первый шаг, а потом запущенная судебная машина придаст делу движение в удобном ему направлении.

Некоторый свет на причины поворота в следствии проливает показание княгини Аграфены Петровны Волконской, гофдамы

императрицы, возглавлявшей оппозиционный кружок, в который входили персоны невысокого ранга.

Из показаний Волконской следует, что доверенное лицо Меншикова Егор Пашков обращался к ней 27 апреля с просьбой рассказать ему о том, «с каким доношением на его светлость господин Толстой хочет быть и доносить ее императорскому величеству». Рассчитывая на благосклонность Меншикова в определении своей судьбы, княгиня сообщила Пашкову сведения, значение которых трудно переоценить: «...Толстой говорил, якобы его светлость делает все дела по своему хотению, не взирая на права государственные, без совета, и многие чинит непорядки, о чем он, Толстой, хочет доносить ее императорскому величеству и ищет давно время, но его светлость беспрестанно во дворце, чего ради такого случая он, Толстой, сыскать не может».

Княгиня Волконская этим признанием не уберегла себя от опалы. Под 2 мая 1727 года в «Повседневных записках» читаем: «Сего числа дана дорожная княгине Волконской до Москвы и объявлено, что ее императорское величество указала ей жить в Москве или в деревнях своих, а далее чтоб никуда не ездить».

Сведения, полученные от Волконской, надо полагать, убедили Меншикова в том, что Девиер был не одинок, что из него можно вытянуть показания более важные, чем те, которыми он располагал на 28 апреля. Признания в те времена добывались пытками. В данном случае их применение тем более посчитали необходимым, что Девиер решительно отвергал причастность к делу других лиц: «Он никаких сообщников ни в каких известных противных делах у себя не имеет, и ни к кому он для советов и к нему никто ж о каком злом умысле и интересе ее императорского величества и государству не ездил и не советовал никогда».

Дыбу Девиер стерпел, продолжал утверждать свое, но вынести 25 ударов было выше его сил, и он признался, что ездил дважды к Бутурлину. Привлеченный немедленно к следствию старик-генерал не стал отрицать этого и сообщил содержание разговора. Девиер ему заявил:

– Светлейший князь сватает свою дочь за великого князя. Как бы то удержать, чтобы не было такой опасности высокому интересу ее императорского величества. А особливо опасно, когда светлейший князь с великим князем будут заодно, чтоб тою персону, которая в Шлютенбурге (Евдокию Лопухину. – *Н. П.*) не взяли сюда и ее величеству, государыне-императрице, какой худобы не было... И чтоб он, господин генерал Бутурлин, вкупе с адмиралом (Ф. М. Апраксиным. – *Н. П.*) и графом Толстым шли к ее величеству и о том предлагали.

Бутурлина не было необходимости убеждать. Он сразу же оценил меру опасности для себя, если наследником станет Петр Алексеевич – вспомним, что он привел ко дворцу, где решалась судьба трона, гвардейцев, которые по сути и вручили корону Екатерине, а не законному наследнику, внуку умершего императора. Собеседники также обсудили возможных преемников, остановившись на кандидатуре цесаревны Анны Петровны.

– Чаю, царевна Анна Петровна плачет, – говорил Бутурлин.

– Как ей не плакать, – согласился Девиер, – матушка родная.

Собеседники сошлись на том, что царевна походит на отца и должна стать наследницей престола после смерти матери: она и умильна, и собою пригожа, и умна. Оба они были настроены против воцарения Елизаветы Петровны, младшей дочери императрицы.

– Она, – заметил Девиер, – тоже изрядная, только сердитее. Ежели бы в моей воле было, я желал бы, чтоб царевну Анну Петровну государыня изволила сделать наследницею.

Бутурлин согласился:

– То бы не худо было, и я бы желал.

Во время другой встречи Бутурлин продолжил начатый разговор:

– Светлейший князь усилится. Однако же хотя на то и будет воля, пусть он не думает, что Голицын, Куракин и другие ему друзья и дадут над собою властвовать. Нет! Они скажут ему: полно-де милейший, ты и так над нами властвовал. Поди прочь!

Высказал Бутурлин и личную обиду на светлейшего:

– Служу давно, явил свое усердие царю в ссоре его с сестрой Софьею Алексеевною. Но ныне Меншиков что хочет, то и делает, и меня, мужика старого, обидел: команду отдал, мимо меня, младшему и адъютанта отнял.

[\[111\]](#)

Показания Бутурлина убедили Девиера, что отрицать свою причастность к противникам Меншикова – значит подвергнуться новым истязаниям. И он сообщил следствию бесценные сведения. Оказывается, к нему приезжал Толстой, который, убедившись в том, что его слова встретят у собеседника понимание, спросил:

– Ведаешь ли ты, что делается сватовство у великого князя на дочери светлейшего князя?

– Отчасти о том ведаю, а подлинного не ведаю. Токмо его светлость обходится с великим князем ласкою. Тому надобно противитца.

Толстой стал развивать мысль о грозившей им всем опасности и излагать план действий:

– Надобно о том доносить ее величеству со обстоятельством, что

впредь может статца: светлейший князь и так велик в милости; ежели то зделаетца по воле ее величества – не будет ли государыне после того какая противность, понеже того бы захочет добра больше великому князю. Он и так честью любив потом зделает, и может статца, что великого князя наследником и бабушку ево (первую супругу Петра Великого Евдокию Лопухину. – *Н. П.*) велит сюда привести. А она нраву особливого, жесткосердна, захочет выместить злобу.

В отличие от Девиера и Бутурлина Толстой скорее хотел видеть на престоле цесаревну Елизавету. План его состоял в том, чтобы Екатерина «для своего интереса короновать изволила при себе цесаревну Елизавету Петровну, или Анну Петровну, или обеих вместе».

А как быть с царевичем Петром Алексеевичем? У Толстого и на этот вопрос был ответ:

– Как великий князь научитца, тогда можно ево за море послать погулять и для обучения посмотреть другие государства, как и протчие европейские принцы посылаютца, чтоб между тем могли утвердитца здесь каранация их высочеств.

3 мая Толстому был объявлен домашний арест. На следующий день аресту подвергли Бутурлина. К следствию, кроме названных лиц, были привлечены Скорняков-Писарев, Долгорукий и др.

Среди обвиняемых самой колоритной и авторитетной фигурой был Петр Андреевич Толстой. Ему было предложено ответить на 14 вопросов. В своих ответах Толстой либо подтверждал, либо уточнял, либо отклонял показания других обвиняемых, либо, наконец, объяснял свое поведение и поступки. Он подтвердил свою главную вину: намерение отстранить великого князя Петра Алексеевича от престола и провозгласить наследницей Елизавету Петровну. Руководствовался он прежде всего личной безопасностью: по указу Петра Великого «привез он царевича Алексея Петровича из южных краев в Россию. И когда о том деле были розыски, у тех розысков по указу его же величества был... Того ради опасался чтоб... не припамятовано было впрעדь».

Обеспечением личной безопасности руководствовался и Г. Скорняков-Писарев – главное действующее лицо в так называемом Суздальском деле: это он доставил в Москву первую супругу Петра I, инокиню Елену, в миру Евдокию Лопухину, а также ее переписку с любовником и лиц, способствовавших нарушению монашеского обета бывшей супруги царя.

Между тем здоровье Екатерины с каждым днем ухудшалось. Меншиков же был заинтересован в том, чтобы приговор обвиняемым объявила императрица. Поэтому он подстегивал усердие следователей

указами, якобы исходившими от Екатерины, о скорейшем окончании следствия. 4 мая членов Учрежденного суда вызвали во дворец, где им был объявлен устный указ, «чтобы к будущей субботе изготовить к решению экстракты из всего дела и приличные указы как из воинских, так и из штатских прав». 5 мая устное повеление было оформлено письменным указом, причем сроки еще более ужимались. Указ предложил сентенцию (приговор) дела «доложить нам кончая в день сего месяца поутру».

Нарушая все правила следствия и судопроизводства того времени, Учрежденный суд круглосуточными усилиями канцеляристов состряпал экстракты, то есть краткие резюме допросов обвиняемых, и сентенции, написанные четырьмя разными почерками. Успели закончить дело не к утру, а к трем часам дня 6 мая. В тот же день Екатерина скончалась. И тем же днем 6 мая датирован приговор, подписанный от имени Екатерины ее дочерью Елизаветой. Вместо милосердия, которое по обычаю перед кончиной проявляли государи, приговор, стараниями Александра Даниловича, содержал жесткие меры наказания в отношении виновных.

Главная вина осужденных состояла в том, что они, зная «все указы и регламенты, которые запрещают о таких важных делах, а наипаче о наследствии не токмо с кем советовать, но и самому с собою разсуждать и толковать, кольми же паче дерзать определять наследника монархии по своей воле, кто кому угоден, а не по высокой воле ее императорского величества», противились этой воле. Поэтому они «за изменника почтены» и подлежат смертной казни и анафеме.

Вторая вина связана со сватовством великого князя. В сентенции написано, что все «персоны, которые тщились не допускать до того (свадьбы. – *Н. П.*), весьма погрешили как против высокой воли ее величества, так и во оскорблении его высочества великого князя». Наконец, вина подсудимых состояла в том, что «все вышенаписанные злые умыслы и разговоры чинены были от них по их партикулярным страстям, а не по доброжелательству к ее императорскому величеству». Так, «граф Толстой сказал, что боялся великого князя, а прочие сказали, что боялись усилования светлейшего князя».

Из процедуры следствия явствует, что обвиняемые ограничились разговорами и никаких шагов к осуществлению своих намерений, то есть к действиям, не предпринимали. Но уголовное право того времени не делало различий между умыслом, то есть намерением, и действием, то есть реализацией умысла, и определяло одинаковую меру наказания как за первое, так и за второе.

Определенные судом наказания были суровыми: Девиера и Толстого

«яко пущих в том преступников казнить смертию»; генерала Бутурлина, лишив чинов и данных деревень, отправить в ссылку в дальние деревни; князя Ивана Долгорукого «отлучить от двора» и понизить чином, написать в дальние полки. Прочим обвиняемым Учрежденный суд определил ссылку, понижение в чинах и т. д.

В указе, подписанном именем Екатерины, мера наказания была смягчена. Толстому и Девиеру сохранялась жизнь, причем первому определялась ссылка в Соловецкий монастырь, а второму – в Сибирь. Просьба родной сестры Александра Даниловича, Анны Даниловны, супруги Девиера, была оставлена без внимания. Анна Даниловна обратилась к брату с челобитной: «Светлейший князь, милостивой отец и государь, приемляю я смелость от моей безмерной горести трудить вас, милостивого отца и государя, о моем муже, о заступлении и милостивом предстательстве к ея императорскому величеству, всемилостивейшей нашей государыни, дабы гнев свой милостиво обратить изволила». Ответа не последовало.

Представляют известный интерес некоторые детали следствия и поведение в эти дни Меншикова. Во-первых, Учрежденный суд так спешил закончить следствие, что не использовал всего перечня приличествующих такой процедуре приемов: очных ставок, пыток, повторных допросов и т. д. Меншиков был заинтересован не в установлении истины, а в скорейшем завершении дела. Так, остались невыясненными разноречия в показаниях Толстого и Бутурлина. Нуждались в проверке показания княгини Волконской о намерении Толстого проникнуть в покои императрицы, чтобы донести ей о самоуправстве Меншикова. До конца неясным остался и вопрос о привлечении к заговору адмирала Федора Матвеевича Апраксина – Учрежденный суд пропустил мимо ушей наветы на него. Без внимания суда оказались и слова Бутурлина о том, что член Верховного совета Д. М. Голицын пошлет Меншикова «прочь», если узнает о браке великого князя и дочери светлейшего.

Во-вторых, ни в экстрактах, ни в сентенциях, ни наконец в именном указе императрицы от 6 мая не упомянут герцог Голштинский, хотя его имя то и дело встречалось в показаниях обвиняемых. Из этих показаний следует, что заговорщики уповали на герцога прежде всего как на передаточную инстанцию. Именно он и его супруга как родственники императрицы должны были рассказать ей о том, что затея Меншикова со сватовством ущемляет интересы ее дочерей, а объявление наследником великого князя закрывает им путь к престолу. Герцог также мечтал, если верить показаниям Толстого, стать президентом Военной коллегии, то есть

утвердиться в должности, которую занимал Меншиков. С герцогом вели доверительные разговоры многие из привлеченных к следствию, он был в курсе всех их намерений и даже предупреждал их о возможной гибели в случае неудачи в заговоре: «...ежели ея императорское величество прекратит жизнь без завету о наследстве, и мы все пропадем».

Третья любопытная деталь относится к поведению Меншикова в кризисные дни, когда агонизировала императрица и когда велось следствие над заговорщиками. Проследим его действия и поступки по «Повседневным запискам», начиная со дня ареста Девиера 24 апреля и кончая смертью императрицы 6 мая. В том, что Меншиков в эти дни часто навещал императрицу и находился в ее покоях по несколько часов, нет ничего удивительного – медики обрекли Екатерину на неизбежную скорую смерть, и князь должен был зорко следить за тем, чтобы к ней никто не проник и не изменил принятых решений. Нет ничего удивительного и в частых свиданиях с Остерманом, в советах которого он постоянно нуждался и к которым прислушивался.

Легко объяснимы и ранее не наблюдавшиеся встречи с великим князем Петром Алексеевичем, его сестрой Натальей Алексеевной, а также цесаревнами Елизаветой и Анной Петровнами и герцогом Голштинским; первых он завораживал лаской, любезным обхождением, а у остальных усыплял бдительность своим вниманием и щедрыми обещаниями. Не относятся к числу загадок и встречи Меншикова с Г. И. Головкиным, Д. М. Голицыным, с майором Семеновского полка А. Я. Волковым, поручиком кавалергардов И. И. Дмитриевым-Мамоновым, майором Преображенского полка князем Г. Д. Юсуповым и петербургским комендантом Ю. И. Фаминцыным – все они были или должны были стать членами Учрежденного суда. Первых он уговаривал войти в состав суда, а вторых, зависимых от него по службе, инструктировал, как вести себя в суде и какой приговор для него желателен.

Удивляет другое – в эти двенадцать дней князь почти не изменил привычного распорядка дня, которого он придерживался в течение многих лет: вставал в шестом или седьмом часу утра, ложился в десятом или одиннадцатом вечера. Очевидно, он был абсолютно уверен в своей победе.

В целом же надо сказать, что расправа с Толстым, Бутурлиным, Девиером и другими принадлежит едва ли не к самым значительным промахам Александра Даниловича. На первый взгляд может показаться, что, отправив противников в ссылку, светлейший укрепил свое положение, ибо соперники были сметены и он без помех мог осуществить мечту жизни. В действительности же Меншиков не укрепил, а ослабил свои

позиции, так как ссылкой недавних союзников он создал вокруг себя вакуум – ему теперь не на кого было опереться, и он остался наедине с Остерманом, состязаться с которым в умении плести интриги ему недоставало ни ловкости, ни характера.

Глава девятая НЕСБЫВШАЯСЯ МЕЧТА СВЕТЛЕЙШЕГО

Екатерина, без излишнего шума взошедшая на русский престол, столь же буднично оставила его субботним днем 6 мая 1727 года. По словам Маньяна, «кончина царицы заставляет проливать слезы единственно ее детей, всеобщей скорби она не вызвала». Маньян же дал верную оценку ситуации, сложившейся при дворе после ее смерти: «Если, с одной стороны, опала Толстого и почти всех приверженцев герцога и герцогини Голштинских, как и ее сестры, вся сила которых была недавно сломлена, если это обстоятельство должно служить для детей царицы весьма дурным предзнаменованием, то, с другой стороны, можно думать, что князь Меншиков, руководясь советами Остермана и не имея больше никого, кто бы мог вредить его планам, надолго ограничит свою власть в Совете теми пределами, которые ему положены завещанием».

На следующий день после смерти Екатерины, в воскресенье 7 мая, во дворец Меншикова прибыли члены Верховного тайного совета, Сената, Синода и генералитет, а также великий князь Петр Алексеевич, обе цесаревны – Анна и Елизавета и герцог Голштинский. Меншиков объявил о существовании завещания императрицы – «Тестамент», хранившегося в запечатанном конверте. Конверт тут же был вскрыт, и секретарь Верховного совета Василий Петрович Степанов стал зачитывать текст завещания.

Главными в «Тестаменте» были три пункта: первый из них объявлял «сукцессором», то есть наследником престола, великого князя Петра Алексеевича, в двух других Екатерина благословляла брак дочери Елизаветы Петровны с епископом Любским и выражала свою волю о супружестве между Петром Алексеевичем и одной из дочерей Меншикова. Во время чтения произошел любопытный эпизод: после того как Степанов прочел два пункта из пятнадцати, провозглашавшие самодержавным наследником великого князя, Д. М. Голицын воскликнул: «Довольно, довольно! Другие статьи обсудятся на досуге».^[112] Тем самым князь подчеркивал пренебрежение к воле покойной императрицы, противозаконно занимавшей трон.

Степанов, однако, продолжал чтение. Согласно положениям «Тестамент», до совершеннолетия императора управлять страной должен

был Верховный тайный совет в составе девяти персон; в его состав, помимо ранее входивших членов, включались обе цесаревны. Каждой из цесаревен полагалось по одному миллиону и сверх того по 100 тысяч рублей ежегодно на содержание их дворов. Между дочерьми императрицы равными долями должны быть поделены драгоценности, деньги, кареты и прочее имущество умершей. «Тестамент» отменял указ о наследии престола, изданный Петром Великим, и заранее предусматривал порядок его наследования: если Петр II скончается без наследников, то трон должна занять «цесаревна Анна с своими десценденты, по ней цесаревна Елизавета с десценденты», причем в обоих случаях предпочтение отдавалось «десцендентам» мужского пола. Публично объявлен был и главный пункт, касавшийся Меншикова: император должен был жениться на одной из его дочерей.

После прочтения завещания присутствовавшие поздравили Петра II с восшествием на престол и тут же присягнули ему, а император вышел к стоявшим у дворца двум гвардейским полкам. Гвардейцы крикнули: «Виват!» – и тоже ему присягнули. «Его величество и великая княжна (Наталья Алексеевна. – *Н. П.*), - как сказано в „Повседневных записках“, – изволили иттить в верхние свои покои, которые уже были изготовлены для их резиденции». Им была отведена половина дворца Меншикова. ^[113]

Перед будущим тестем стояла непростая задача: претворить в жизнь статью «Тестамент» о женитьбе императора на одной из двух своих дочерей и тем самым породниться с царствующей фамилией. Меншиков вполне оценивал ожидаемые от этого бракосочетания блага: положение тестя малолетнего императора предоставляло ему возможность как удовлетворить свое честолюбие и тщеславие, так и умножить и без того колоссальное богатство. Надо полагать, Меншиков представлял, сколь много ему надлежало преодолеть препятствий на пути к конечной цели – подвести дочь к венцу. Он знал о порочных наклонностях будущего зятя, его капризном и своевольном нраве; конечно же было ему известно и о его разгульных похождениях с князем Иваном Долгоруким, и о близком знакомстве с прелестями слабого пола.

Князь Иван Алексеевич Долгорукий, старше царя на семь лет (он родился в 1708 году), был определен гоф-юнкером при великом князе Петре Алексеевиче при восшествии на престол Екатерины. Большинство современников оставили о нем крайне неблагоприятные отзывы. По словам Маньяна, «умственные способности этого временщика, говорят, посредственные и недостаточно живые, так что он мало способен сам по себе внушать царю великие мысли». Лефорт с полным основанием называл

князя Ивана «молодым дуралеем». Петр настолько привязался к нему, что, по словам английского резидента Клавдия Рондо, он с ним «проводит дни и ночи. Он единственный неизменный участник всех очень частых разгульных походов императора».^[114] Впрочем, все эти оценки относятся к более позднему времени, когда Иван Долгорукий стал наиболее влиятельной фигурой в окружении юного императора. Меншиков, зорко следивший за событиями при дворе великого князя, обнаружил тлетворное влияние Ивана Долгорукого и уговорил Екатерину принять решительные меры, отправив гоф-юнкера в армейский полк.

Александр Данилович решил использовать самый простой и, как ему казалось, надежный способ избавить императора от дурных наклонностей – лишить его самой возможности продолжать вести жизнь, не соответствовавшую его сану, установить жесткий контроль за его поведением. Он постарался изолировать будущего зятя от привычного для него окружения и ограничить его общение узким кругом княжеской семьи: супруги Дарьи Михайловны, свояченицы Варвары Михайловны, умной, но сварливой горбуни, получившей доступ в покои императора и его сестры благодаря назначению ее воспитательницей двух княжеских дочерей Марии и Александры и сына Александра. Всего этого светлейший надеялся достигнуть, поселив императора и его сестру в своем дворце.

О сестре императора великой княжне Наталье Алексеевне также надо сказать несколько слов. Она была старше Петра всего на пятнадцать месяцев (родилась 12 июля 1714 года), но в их характерах и поведении прослеживаются столь существенные различия, будто у них были разные родители. Если Петр предстает бесшабашным, безалаберным и своевольным подростком, то его сестра – разумной, не по возрасту рассудительной и уравновешенной девушкой. Все современники, без исключения, отмечали ее добродетели и настойчивость, с какими она пыталась наставить брата на путь истинный. К несчастью, Наталья Алексеевна скончалась 22 ноября 1728 года в возрасте всего четырнадцати лет.

Воспитателем к двенадцатилетнему Петру Меншиков назначил вице-канцлера Андрея Ивановича Остермана. Надо отдать должное Александру Даниловичу – хотя сам он и не знал грамоты, но образованность ценил высоко и, будучи осведомленным о весьма скромных познаниях своего нареченного зятя, сразу же после провозглашения его императором решил восполнить пробел. Кстати говоря, у светлейшего был ограниченный выбор – в последние годы он повел себя столь надменно и высокомерно, что растерял всех, с кем был близок. Остермана же Меншиков ошибочно

считал полностью преданным себе человеком. Он не разглядел в вице-канцлере карьериста, готового в любой момент изменить покровителю и переметнуться в лагерь его противников, если это предательство сулит ему выгоду.

Мардефельд доносил королю 15 мая 1727 года: «Царь отдался теперь совершенно в руки князя Меншикова и живет у него в доме. Все, кого он когда-либо любил и кто находился на его стороне, отстраняются от него и отправляются на службу в Сибирь, Казань и подобные места. Князь никому не разрешает разговаривать с царем, если сам или кто-нибудь из его поверенных не присутствует при этом».^[115]

Прежде всего, как уже говорилось выше, князь освободил Петра от неуютного влияния Ивана Долгорукого. В день провозглашения Петра императором тот был сослан в полевой полк за якобы причастность к заговору Толстого и Девиера. Общение Петра с прочими лицами было ограничено. Маньян отмечал: «Князь Меншиков относится крайне подозрительно ко всем, изъявляющим хотя малейшее желание говорить с царем наедине».

Даже сын Александр подвергся суровому наказанию за излишнюю болтливость. Маньян описал любопытный эпизод: Александр, «приблизительно одних лет с царем, играя с ним, как-то однажды вздумал сказать государю, что он сам господин своих желаний и никто теперь не может его принудить заниматься тем, чем у него нет охоты». Узнав об этом разговоре, князь наградил сына пощечинами и пинком ноги и велел посадить его под арест в кордегардию.^[116]

Сам Меншиков проводил с Петром многие часы: он возил его то на Конюшенный двор для осмотра лошадей, то на Галерный двор, где производили спуск кораблей на воду, то устраивал развлекательные поездки.

Планы и помыслы князя сводились прежде всего к удовлетворению собственного ненасытного честолюбия. Побуждаемый этой страстью, он радел не столько об «общем благе» – мифическом понятии, которым пестрело законодательство петровского времени, сколько о благе личном и благе своей семьи. Ему мало стало чина генералфельдмаршала, и он росчерком пера детской руки Петра II получил чин генералиссимуса. Пожалование это сопровождалось фарсом, сценарий которого составлялся не без участия самого Меншикова. 13 мая Петр зашел в покои светлейшего и, по словам саксонского посла Лефорта, заявил: «Я уничтожил фельдмаршала!» «Эти слова, – продолжал Лефорт, – привели всех в

недоумение, но, чтобы положить конец всем сомнениям, он показал бумагу князю Меншикову, подписанную его рукой, где он назначал Меншикова своим генералиссимусом». [\[117\]](#)

При Петре светлейший имел чин вице-адмирала. На второй день после смерти Екатерины он стал полным адмиралом, хотя не участвовал в морских сражениях.

Дальнейшие события развивались также по сценарию, составленному Меншиковым. Главная роль отводилась императору, действовавшему будто бы по собственной инициативе. 23 мая Петр просил у Меншикова руки его шестнадцатилетней дочери Марии. Любопытно, что император отдал предпочтение некрасивой старшей дочери, проигнорировав более привлекательную младшую. Накануне, 22 мая, светлейший имел беседу с церковными иерархами, во время которой обсуждалась церемония помолвки. Ее в торжественной обстановке совершил Феофан Прокопович. После молебствия в присутствии членов Верховного тайного совета, Сената, Синода, а также генералитета и иностранных послов играла музыка, били в литавры, поздравляли помолвленных и будущего тестя. Меншиков находился на полпути к тому, чтобы окончательно обуздать власть.

Мардефельд сообщил королю подробности помолвки: «В Верховный тайный совет явился Остерман и объявил от имени императора, что последний выбрал себе будущую супругою старшую дочь Меншикова; Верховный тайный совет тотчас одобрил этот выбор и поздравил с ним императора. На следующий день князь Меншиков велел пригласить всех иностранных министров, а также всех знатных русских явиться на другой день в 3 часа в его дворец в полной парадной форме. К этому времени находились уже там в полном облачении архиепископ Новгородский вместе с знатнейшими представителями духовенства и всего клира. Далее вошли в залу его величество царь и княжна и встали перед маленьким алтарем, на котором лежал образ; литургия, молитвы и пение духовенства продолжались около получаса, после чего архиепископ надел обоим августейшим лицам их перстни. После того как они приложились к образу, был произведен пушечный салют, и они подошли под благословение. Затем обратился царь сначала к присутствующим дамам для принятия от них поздравления, которые состояли в целовании его руки, а он целовал их в уста. После этого очередь дошла до мужчин, причем произошла сильнейшая давка, которую, как и все действие, царь, однако, выдержал с неизменным спокойствием и большим терпением, и после чего он удалился в свои покои. Туда были позваны знатнейшие из русских министров и

посланников, которым царь по русскому обычаю подносил на подносе венгерское вино. После этого царь переоделся в дорожное платье и отправился еще в тот же вечер в Петергоф, где он пробудет некоторое время». [\[118\]](#)

Поездка в Петергоф преследовала ту же цель: полностью изолировать императора. Здесь, как и в столице, князь находился при императоре. Меншиков никогда не увлекался охотой, но ради большой цели можно было пойти и на маленькие жертвы – вместе с Петром он несколько раз ездил на псовую охоту.

Ничем не рисковал Меншиков и тогда, когда отправлялся в свою загородную резиденцию Ораниенбаум или в Кронштадт для осмотра работ, так как будущий зять не оставался без надзора – в его обществе находились либо Дарья Михайловна, либо невеста, либо княжеский сын.

10 июня Меншиков возвратился в столицу, а на следующий день туда прибыл и Петр, опять поселившийся во дворце Меншикова.

До сих пор Александру Даниловичу ветер дул в спину и он не испытывал ни малейших затруднений, осуществляя свои планы. Весть о том, что он близок к положению тестя и регента малолетнего царя, стала достоянием европейских держав. Он уже получил поздравления от штатов Голландии, брауншвейг-волфтенбительского князя Августа Вильгельма, австрийского канцлера Шенборна и даже от самого императора Карла VI. Но тут случилось то, чего никто не мог предусмотреть и что в конечном счете сыграло роковую роль, – светлейший занемог.

Признаки болезни князь обнаружил еще 19 июня – в этот день он принимал лекарства и ему пускали кровь. Светлейший надеялся, что после мыльни ему полегчает, но нет – мыльня нисколько не помогла, наоборот, ему стало хуже. С 22 июня он уже не выходил из дому, хотя еще и не слег. Кроме завсегдатаев дворца его навещали члены Верховного тайного совета: Апраксин, Головкин, Голицын, Остерман.

Меншиков вел деловые разговоры, крепил письма. Но консилиум врачей, состоявшийся 26 июня, запретил больному заниматься делами, и число визитеров значительно поубавилось.

Состояние больного дало современникам повод ожидать близкой кончины князя. Лефорт доносил в Дрезден 12 июля: «Кроме харканья кровью, сильно ослабляющего Меншикова, с ним бывает каждодневная лихорадка, заставлявшая за него бояться. Припадки этой лихорадки были так сильны, пароксизмы повторялись так часто, что она перешла в постоянную. В ночь с девятого на десятое число с ним случился такой сильный припадок, что думали о его близкой смерти».

У самого Меншикова тоже мало было надежд на выздоровление. Чувство овладевшей им обреченности четко прослеживается в документах, составляемых обычно заблаговременно или в дни, когда смерть властно стучится в дверь.

Среди предсмертных документов – несколько обращений Меншикова к лицам, которым он вручал судьбу семьи, на благожелательность и помощь коих рассчитывал; их он просил «оставших после меня сирых жену мою, и детей, и дом мой содержать в своей милостивой протекции и во всем приизирать». Фамилии в стереотипных проектах обращений не названы, но совершенно очевидно, что если письмо адресовано «господину вице-канцлеру, тайному действительному советнику», то имеется в виду Остерман, «генераладмирал» – не кто иной, как Апраксин, «канцлер» – это Головкин, а «сиятельный князь» – Дмитрий Голицын. Короче, письма предназначались членам Верховного тайного совета, как тогда говорили, министрам. Среди них, кажется, наибольшую надежду на заступничество внушал будущий родственник князь Голицын. В проекте обращения к нему есть фраза, отсутствующая в прочих текстах: «А я домашним своим приказал, чтоб во всем поступали с ведома и изволения вашего сиятельства». Отметим, что среди будущих покровителей семьи значился и ее губитель Остерман.

Проект духовной в соответствии с указом Петра I о единонаследии объявлял единственным наследником движимого и недвижимого имущества сына Александра, которому поручено было «во всю жизнь» опекать сестер. Однако до совершеннолетия сына содержание дома вручалось Дарье Михайловне и ее сестре Варваре. Упоминания Варвары Михайловны в духовной – еще одно свидетельство громадной роли свояченицы в семье князя. Отец требовал от сына, чтобы тот «обучался с великим прилежанием вначале страху Божию, потом принадлежащим наукам и всем честным поступкам».

Из предсмертных сочинений князя наиболее интересны два его обращения к царю. Это своего рода исповедь, в которой размышления о будущем страны и ее монарха соединены с приземленными рассуждениями о будущем семьи.

Царь, ныне пребывающий «не в совершенных еще летех», в будущем может прославить себя подвигами, достойными памяти деда. Путь к этому лежит «как чрез учения и наставления, так и чрез помощь верных советников».

Меншикову было хорошо известно пристрастие молодого царя к праздности. Отсюда просьба: «Извольте как в учении, так и в забавах и в

езде себя кротко и тихо содержать и сие все умеренно содержать».

Кого же прочил князь в наставники царя, без чьего совета тот не должен был ничего предпринимать? На первое место поставлен «барон Остерман», а уже после него – безымянные «господа министры».

В последнем пункте обращения князь просил царя в память о своих прежних заслугах «содержать в вашей милости оставшую по мне мою супругу». Но главная просьба касалась дочери Марии: «...милостивым быть к вашей обрученной невесте» и «в подобное время вступить с нею в законное супружество».

Не надо быть провидцем, чтобы угадать судьбу помолвки после смерти князя. Саксонского посла Лефорта невозможно заподозрить в исключительной проницательности, а его донесения – в глубоком содержании. Тем не менее он на основе слухов, ходивших при дворе, предрекал развитие событий: «Когда Меншиков умрет, помолвка утратит силу и дочь перестанет быть невестой». Поведение зятя во время болезни Меншикова давало основания для подобного умозаключения.

В первые дни недомогания Петр вместе с сестрой Натальей более или менее часто навещал больного, но в дальнейшем визитов становилось все меньше и меньше. Брат и сестра посетили Меншикова 25, 27 и 29 июня. Затем наступил длительный перерыв. Очередные визиты были нанесены 9, 12 и 15 июля. А 20 июля к Меншикову пожаловала Наталья Алексеевна уже без брата. Следующая встреча царя с князем состоялась 29 июля, когда самочувствие светлейшего улучшилось настолько, что ему было разрешено выезжать из дома. Вечером этого дня он вместе с Петром участвовал в церемонии открытия моста через Неву. Они проехали по нему в карете.

В те пять недель, когда князь Меншиков практически был лишен возможности опекать будущего зятя, свершилось то, чего он так опасался, – юнец освободился от его опеки и оказался под влиянием тех, кто предоставлял ему больше свободы, кто решительно не противодействовал его дурным наклонностям. Теперь Мардефельд не мог уже написать фразы в депеше, отправленной 24 мая: «Меншиков овладел как душой, так и личностью молодого царя».^[119]

Раньше Петр был неразлучен с Меншиковым. После выздоровления светлейшего он избегал с ним встреч, и если они все же происходили, то были кратковременными и на людях.

Так, встреча Меншикова с Петром 30 июля продолжалась лишь четверть часа, следующие две встречи состоялись две недели спустя, 14 августа: одна длилась час, другая 15 минут. Непродолжительный разговор состоялся 17 августа. К этому надобно прибавить еще две встречи, одна из

которых состоялась во время литургии и поэтому, видимо, не сопровождалась беседой, а другая – 9 августа – проходила во время осмотра итальянского дома, подаренного Петром невесте. Не подлежало сомнению, что между князем и императором наступило охлаждение, что последний избегал свиданий с невестой и тяготился опекой будущего тестя. Современники, имевшие доступ ко двору, отмечали похолодание в отношениях между женихом и невестой. Еще 25 июля 1727 года Маньян писал, что «с некоторых пор» замечено «крайнее равнодушие молодого царя к княжне, его невесте, с которой он уже видится очень редко, не желая допускать в своих прогулках и иных развлечениях никого, кроме одной великой княжны, сестры его, и иногда принцессы Елизаветы».^[120] Два свидетельства Лефорта более лаконичны: «Петр совсем не любит своей невесты». В депеше, отправленной накануне падения Меншикова, Лефорт писал: «Любовь императора к своей невесте все более и более ослабевает».^[121]

Равнодушие жениха к Марии заметил и ее отец. В конце августа Меншиков не удержался от упрека царю, что тот мало заботится о своей невесте. На это царь якобы ответил:

– Разве не довольно, что я в душе люблю ее, ласки излишни, а что касается до женитьбы, то Меншиков знает, что я не имею никакого желания жениться ранее 25 лет.

Впрочем, были свидетельства и противоположного содержания. 22 марта 1727 года, то есть еще до смерти Екатерины, Мардефельд доносил: «Князь Меншиков по внушению своего собственного честолюбия сумел заставить молодого великого князя полюбить свою вторую дочь и довести их отношения до такой искренности, что великий князь начал ее считать своей будущей супругой».^[122]

Возникает недоуменный вопрос: почему царь избрал в супруги старшую дочь Меншикова? Частичный ответ на этот вопрос можно найти в депеше Лефорта от 21 июня 1727 года: «Он (Петр Алексеевич. – Н. П.) сделался женихом, чтобы только уступить Меншикову и отвязаться от его просьб; мне даже кажется, что последний дал знать ему через известную женщину, что, если он не исполнит желания покойной царицы, ему будет худо, о чем царь советовался со своею сестрою, и для собственного самосохранения решили так поступить».^[123]

Не заметить наступивших изменений в отношении императора к нареченной невесте после своего выздоровления Меншиков не мог. Если даже допустить, что он ничего не подозревал о грозившей беде, то у него

было немало прихлебателей, готовых донести до его ушей молву, ходившую среди придворных. Тем не менее Меншиков не предпринимает решительных шагов, чтобы обезопасить себя. То ли он до конца не поправился после болезни и лишился тех напористости и суровости, с которыми он, например, расправился с Толстым, Девиером и их сообщниками, или той предусмотрительности, с которой он вместе с Толстым подарил корону Екатерине I. То ли витал в мире иллюзий, надеясь, что все обернется к лучшему и состоявшаяся помолвка дочери сама по себе сделает свое дело. Или, может быть, обдумывал планы, как прибрать к рукам нареченного зятя и нанести удар по Долгоруким раньше, чем они сумеют расправиться с ним.

На первый взгляд может показаться, что теперь у него было больше возможностей, чем 28 января 1725 года, – он стал президентом Военной коллегии, адмиралом, генералиссимусом, тестем императора. Власти у него, несомненно, прибавилось. Но тогда он имел многочисленных сторонников и действовал от имени претендовавшей на трон Екатерины. Теперь же он оказался в одиночестве, был лишен сообщников, готовых привести в движение гвардию именем императора, корону которому вручил опять же он, а не кто-либо другой. Теперь от имени императора действовали его противники. Здесь вступала в силу магия царского имени, царистские иллюзии, которым были подвержены все слои общества, от селянина глухой деревни до столичного вельможи. Петр II являлся всего лишь орудием интриги, за спиной которого стояли взрослые и опытные интриганы.

Обычно падение Меншикова связывают с его покушением на прерогативы императорской власти, когда он действовал вопреки воле Петра, проявлявшего расточительность.

Все описываемые иностранными дипломатами эпизоды относятся к августу – началу сентября 1727 года. Маньян доносил в августе: «Как-то на днях царь был восприемником одного ребенка от купели, и при этом случае выказал некоторую щедрость; тогда князь, обнаружив неудовольствие, заметил довольно резким тоном, что было дано слишком много, так что, говорил он, всего неделю тому назад он выдал царю 200 рублей, и уже больше ничего у него не осталось».^[124]

Несколько примеров аналогичного содержания привел в своих депешах Лефорт. «Недавно этот старый ворчун, – доносил Лефорт 28 августа, – спросил лакея, которому было дано три тысячи рублей для мелких расходов монарха, сколько он истратил. Видя, что он дал царю сумму, хотя и очень умеренную, он выбрал слугу и прогнал его. Царь,

узнав об этом, поднял страшный шум и принял обратно слугу».

Другой раз царь послал просить у Меншикова 300 червонцев. Меншиков полюбопытствовал узнать их употребление. Царь отвечал, что они ему нужны, и, получив их, подарил сестре. Узнав об этом, Меншиков разгорячился, как бесноватый, и отнял деньги у великой княжны.^[125]

Еще один эпизод, сообщенный Маньяном в канун падения Меншикова, свидетельствует о накаленных отношениях между светлейшим и царем: из какой-то провинции царь получил в подарок 700 дукатов и решил передарить их своей сестре. Однако по приказанию светлейшего Варвара Михайловна отобрала у Натальи Алексеевны деньги. «Этот поступок разгневал царя до того сильно, что он пошел в ту же минуту к князю Меншикову и заговорил с ним скрестивши руки со сжатыми кулаками так грозно, что князь был совсем смущен и расстроен его словами».^[126]

Вероятно, этот же эпизод описал и Рабутин, но с иными подробностями: Меншикову попался на глаза присланный петербургскими каменщиками подарок царю в 9 тысяч червонных, которые он решил передарить сестре. Князь велел отнести деньги в свой кабинет, сказав при этом: «Император еще очень молод и потому не умеет распоряжаться деньгами, как следует». Разгневанный царь спросил у Меншикова, как он посмел противодействовать его приказанию, на что последовал ответ: «Государство нуждается в деньгах, казна истощена и деньги можно издержать на полезное дело». Петр, топнув ногою, закричал: «Я тебя научу, что я император и что мне надобно повиноваться!» Меншикову едва удалось успокоить царя.^[127]

Игнорировать влияние перечисленных эпизодов на опалу Меншикова нет оснований, как нет оснований придавать им решающее значение – двенадцатилетний отрок не созрел для того, чтобы самостоятельно, без влияния извне, действовать решительно и бескомпромиссно. Крушение князя – результат воздействия множества факторов, в большинстве случаев созданных им самим: яму для себя он рыл собственными руками. К таким факторам относится ненависть к князю, вызванная у одних его грубыми поступками, ущемлявшими аристократическую спесь, у других – завистью, у третьих – безмерным властолюбием. Временщики никогда не пользовались любовью и популярностью. Но Меншиков был временщиком властным, честолюбивым, стремившимся подмять под себя все и всех. Современники однозначно оценивали его репутацию. Лефорт писал: «Правда, что его все очень боятся, но зато и ненавидят». Ему вторит

Мардефельд: «Князь Меншиков до сих пор был предметом неугасимой ненависти, что он и заслуживает вполне». То же читаем у Маньяна: «Множество недовольных Меншиковым, но никто не осмеливается вступить с ним в открытую борьбу».

Перечисленные дипломаты столь же единогласны в определении причин, вызывавших ненависть. Лефорт: «Меншиков ворочает всем»; Мардефельд: «Князь Меншиков пользуется несовершеннолетием государя во вред государству, завладел могуществом и авторитетом правителя»; Маньян: намерение выдать дочь замуж за царя «еще увеличит число завистников, с которыми он должен был бороться при жизни покойной царицы».

Верховный тайный совет, согласно завещанию, должен быть регентом малолетнего императора. Фактически эти обязанности узурпировал князь, поселив в своем дворце Петра и его сестру. Еще в 1725 году, при жизни Екатерины, Меншиков дал Мардефельду «между прочим понять, что он во всех важных и разногласных делах имеет решающий голос и в состоянии привлечь на свою сторону большинство голосов, а великий канцлер Головкин – чистейший нуль, ничего не понимает, тайный же советник Толстой – чистый итальянец, придерживающийся и ваших и наших; что Остерман – единственный и верный министр, но слишком боязлив и осмотрителен». ^[128] Так было в 1725 году, когда с Меншиковым соперничал Толстой. При Петре II светлейший стал полновластным хозяином Верховного тайного совета.

В Верховном тайном совете у Меншикова существовали скрытые враги. Общим основанием для их враждебности был деспотический характер князя, его нежелание считаться с их мнением, страх за свое будущее – носились слухи, что они разделят судьбу Толстого, закончат свою жизнь в Сибири, что Верховный тайный совет будет укомплектован людьми, всецело преданными Меншикову. У генераладмирала Апраксина была конкретная причина быть недовольным Меншиковым – тот воспрепятствовал его уходу в отставку. Канцлер Головкин не мог питать нежных чувств к генералиссимусу из-за того, что последний преследовал его зятя – П. И. Ягужинского.

Светлейший не пользовался поддержкой и представителей царствующего дома, прежде всего цесаревен Елизаветы и Анны, затаивших смертельную обиду за то, что он преградил им путь к трону, вырвав у Екатерины согласие объявить наследником Петра Алексеевича. Эту обиду не могли заглушить щедрые ассигнования, назначенные на содержание дворов цесаревен.

Не питала симпатий к Меншикову и сестра царя Наталья Алексеевна, трезво оценивавшая и полный произвол князя, и его стремление прихватить как можно больше власти и затруднявшаяся определить, где и когда останутся его поползновения по отношению к ней.

Единственной своей надежной опорой Меншиков считал Остермана, но вице-канцлер, как это многократно отмечалось, являлся великим карьеристом и потому никогда не был и не мог быть прочной опорой кого-либо. Обладая тонким нюхом, досконально зная характер вельмож, стоявших у подножия трона, и соотношение сил, он, обнаружив непрочное положение князя, тут же переметнулся на сторону его противников, а имея доступ к царю в качестве его наставника, внес немалую лепту в низвержение своего покровителя.

По мнению Мардефельда, которое трудно оспорить, «князь принял все меры, которые должны были ускорить его падение, и легкомысленно отказывался от всего того, что ему советовали добрые люди для его охраны, следуя единственно своей страсти к деньгам и необузданному честолюбию. Ему следовало бы действовать заодно с Верховным тайным советом, поддерживать хороший государственный строй, им самим заведенный, и этим приобрести и удержать за собой расположение императора и великой княжны. Его действия противоположны всему этому: он присвоил себе права правителя, прибрал к своим рукам все финансовое управление и располагает всеми делами как военными, так и гражданскими, по своему усмотрению, как настоящий император».^[129]

Обратимся к хронологии событий, предвещавших падение светлейшего. 18 августа Меншиков с семьей отправился в Петергоф, а оттуда на следующий день выехал в свою резиденцию в Ораниенбаум, где в честь прибытия генералиссимуса прогремели артиллерийские залпы. Петр тоже выехал из Петербурга, но отправился не в Ораниенбаум, а в Петергоф. Если верить Маньяну, то путь царя пролегал по дороге, у которой находилась дача канцлера Головкина, где царь остановился, чтобы поохотиться. «...Тогда этот министр воспользовался случаем, чтобы выразить молодому государю скорбь, испытываемую им по поводу непреодолимой жестокости князя Меншикова к самым верным подданным и слугам его императорского величества, доводившей многих до отчаяния».

Головкин жаловался царю на Меншикова, намеревавшегося сослать его зятя Ягужинского на Украину. Петр внял просьбе Головкина и по поводу Ягужинского вел разговор с Меншиковым. Но тот был неумолим и настоял на своем.^[130] Это способствовало еще большему разжиганию

вражды к князю не только со стороны царя, но и со стороны канцлера.

19 августа Остерман отправил письмо светлейшему, в котором поздравил его со счастливым прибытием в Ораниенбаум и сообщил о намерении царя ночевать в Стрельне, оттуда отправиться в Ропшу, а затем в Петергоф. Письмо заканчивалось словами, не дававшими повода князю сомневаться в верности автора: «Вашу высококняжескую светлость всепокорнейше прошу о продолжении вашей высокой милости и, моля Бога о здравии вашем, пребываю с глубочайшим уважением вашей высококняжеской светлости всенижайший слуга А. Остерман». В письме имеется убаюкивающая приписка царя, написанная конечно же не без ведома наставника: «И я при сем вашей светлости, и светлейшей княгине, и невесте, и свояченице, и тетке, и шурина поклон отдаю любительный. Петр».

21 августа новое письмо Остермана, извещающее Меншикова об изменении сроков прибытия в Ропшу для «провождения всей охоты нашей». Андрей Иванович не преминул заверить князя о приносимой им жертве ради того, чтобы угодить царю: «Я хотя весьма худ и слаб и нынешней ночи разными припадками страдал, однако ж еду». Остерман явно усыплял бдительность князя, извещая его о том, что царь и его сестра «весьма обрадовались» «писанию вашей высококняжеской светлости», оба «любезно кланяются», однако сами не пишут, потому что «учреждением охоты и других в дорогу потребных предуготовлений забавлены».^[131]

Князь обнаружил обман Остермана, когда 26 августа вместе с семьей прибыл в Петергоф, чтобы поздравить Наталью Алексеевну с именинами. Прием царя был настолько холоден, что Меншикову ничего не оставалось, как отбыть из Петергофа. Петр кому-то из приближенных заявил по поводу своего пренебрежительного отношения к Меншикову: «Смотрите, разве я не начинаю вразумлять его?»^[132]

30 августа Меншиков отмечал свои именины. Список гостей возглавляли адмирал Сиверс, несколько генералов, завсегдаев в приемной и «прочие господа морские офицеры». Среди присутствующих не было ни одного министра. Не почтил вниманием своего нареченного тестя и Петр. Праздник, всегда проводившийся с необыкновенной пышностью, в присутствии императора или императрицы, теперь прошел заурядно. Не сгладили впечатления и несколько залпов солдат Черниговского полка, построенного по этому случаю.

Чем же занимался Меншиков в Ораниенбауме с 19 августа по 5 сентября?

Ничем особенным. Жил как жил. Даже самое скрупулезное изучение «Повседневных записок» не обнаруживает никаких признаков его беспокойства и тревоги. Распорядок дня оставался прежним, и своим привычкам светлейший не изменял. Вставал, как и раньше, в обычное для себя время, слушал дела, «крепил» подписью документы. В ожидании аудиенции в приемной толкались военные и придворные чины. Не расставался Меншиков и со своей привычкой спать после обеда. Иногда Ораниенбаум навещали «персоны». 20 и 28 августа он принимал Феофана Прокоповича, несколько раз его навестили члены Верховного тайного совета Апраксин, Головкин, Остерман и Голицын. 5 сентября в Ораниенбаум пожаловал Остерман, с которым в течение часа разговаривал «тайно». После этого, как сказано в «Повседневных записках», Меншиков посетил царя. Однако тот, надо полагать, не пожелал с ним встретиться, ибо обычно сообщается время, потраченное на беседу; на этот же раз отмечено лишь, что «путь восприял сухим путем в Санкт-Петербурх».

Визит Остермана наверняка носил разведывательный характер, ибо предшествовал нанесению решающего удара. Возможно, Меншиков жаловался на Петра, отбившегося от рук и к нему совершенно охладевшего, на праздное времяпрепровождение, а барон утешал своего собеседника.

Маньян так оценил поведение Остермана в эти критические дни: «Так как невероятно, чтобы Остерман, приверженец князя Меншикова, не принимал участия в заговоре, то есть основание думать, что или князь Меншиков не должен был полагаться, как он, по-видимому, делал, на привязанность и благодарность этого министра или этот последний рассудил, что заговор против князя Меншикова слишком могуч для того, чтобы основывать свою личную безопасность на князе».^[133] Это мнение представляется нам убедительным.

Два отступления от принятого распорядка во время пребывания Меншикова в Ораниенбауме все же удается уловить: князь реже развлекался игрой в шахматы и карты. За шахматный столик в Ораниенбауме он садился только дважды. Напротив, он чаще, чем прежде, пребывал в одиночестве, погруженный в свои мысли.

Последнюю надежду на примирение с императором князь возлагал на освящение построенной им в Ораниенбауме церкви. Он много раз навещал ее, видимо, гордился убранством, ибо накануне освящения показывал ее голштинскому министру. Для большего благолепия Меншиков заблаговременно, еще 31 июля, отправил в Москву нарочного с предписанием немедленно выслать «басистого» протодиакона и одного

певчего.

Освящение церкви состоялось 3 сентября. На празднование прибыли Апраксин, Головкин, Голицын, но среди гостей, увы, не было главного лица, ради которого были затеяны торжества, – Петра II. Не было и Остермана. Меншиков поссорился с ним во время последнего визита – он грозил сослать барона в Сибирь за то, что тот будто пытается обратить царя в лютеранскую веру.

Отсутствие на освящении церкви императора конечно же не обрадовало князя. Но если бы на церемонии отсутствовали и члены Верховного тайного совета, то это вызвало бы у него сильное подозрение и тревогу. Противники князя, по-видимому, решили своим присутствием усыпить его бдительность. Они по-прежнему улыбались, пытаясь скрыть приближение часа своего торжества, когда всемогущий временщик будет низвержен и превращен в арестанта.

Неизвестно, какими соображениями руководствовался Александр Данилович, когда 5 сентября выехал из Ораниенбаума в Петербург. Возможно, он рассчитывал на поддержку гвардии – но, конечно, для борьбы не с самим императором, а с его окружением, настроившим против него юного царя. Впрочем, эта версия не находит подтверждения ни в одном документе.

Бесспорно, однако, что в голове светлейшего роились планы использовать против своих недоброжелателей силу.

Иначе зачем ему было отправлять курьера к командующему украинской армией фельдмаршалу князю Михаилу Михайловичу Голицыну с письмом следующего содержания: «Изволите ваше сиятельство поспешать сюда, как возможно на почте, и когда изволите прибыть к перспективной дороге, тогда изволите к нам и к брату вашему князю Дмитрию Михайловичу Голицыну прислать с нарочным известие... дабы ваше сиятельство прежде всего изволили видеться с нами».

Перед нами любопытный факт. С одной стороны, он подтверждает отсутствие у Меншикова союзников среди тех, кто, как и он, обязан был своей карьерой Петру Великому, осуществлял его преобразовательные начинания. Не было у него покровителей и среди представителей царствующей фамилии. Как мы уже говорили, сестра императора Наталья Алексеевна числилась среди его злейших врагов, а цесаревна Елизавета Петровна не имела оснований проявлять к нему благосклонность – ей была хорошо известна роль Меншикова в удалении из России ее сестры Анны Петровны вместе с супругом герцогом Голштинским.

С другой стороны, действия Александра Даниловича кажутся

парадоксальными. Парадокс этот состоит в том, что в критические для себя дни светлейший счел необходимым обратиться за помощью к лицам, которые относились к нему с неприязнью, как, впрочем, и он к ним. Князья Голицыны гордились своей породой и в глубине души презирали выскочку; Меншиков же завидовал их родословной и их княжеской спеси, подпитываемой вековыми традициями. Взаимной неприязни несколько не противоречило стремление князей Голицыных породниться с Меншиковым – ведь в данном случае Голицыны вступали в родство не с безродным выскочкой, а с тестем самого императора.

6 сентября князь посетил Верховный тайный совет, но никого там не встретил. 7 сентября он вновь прибыл в Верховный тайный совет и обнаружил там только князя Голицына и секретаря Степанова. В тот же день в столицу возвратился Петр, причем поселился он не во дворце Меншикова, а в Летнем дворце, срочно для этой цели приведенном в порядок. Сюда же были привезены все его личные вещи.

Развязка наступила 8 сентября. В этот день в Верховном тайном совете собрались все противники князя: Апраксин, Головкин и Остерман. В журнале Верховного тайного совета под этим числом читаем запись: «перед приходом его величества послан был к князю Меншикову генерал-лейтенант и майор от гвардии Семен Салтыков с объявлением ареста, чтоб он с двора своего никуда не съезжал».^[134] В тот же день царь велел отозвать почетный караул, положенный генералиссимусу, а также повелел гвардии не слушаться ничьих приказов, кроме приказов гвардии майоров Юсупова и Салтыкова.

Современники сообщают две версии поведения князя после объявления ему ареста. По одной из них, с Меншиковым случился обморок, и ему пускали кровь, по другой – он вышел в приемную и жаловался всем присутствующим, что «вот как его награждают за верную службу государству и молодому императору».

Чувствовал ли Меншиков близость своего падения? Какие планы роились в его голове в эти напряженные дни? Надо полагать, их было немало, но он понимал одно – в сложившейся обстановке можно было сохранить свое положение лишь при помощи силы. Однако возможность использования силы исключалась: светлейший не располагал верными и влиятельными людьми, готовыми привести в движение эту силу – князь нерасчетливо настроил против себя всех, кто бы мог помочь в беде: Остермана, Головкина, Апраксина. Оставалось ждать милости от монарха, и он решил использовать этот шанс и обратился с мольбой о пощаде – причем не только сам, но и через домочадцев, в первую очередь через

супругу Дарью Михайловну.

В письме к Петру II Меншиков писал:

«Сие все придаю на всемилостивейшее вашего величества рассуждение; я же обещаюсь мою к вашему величеству верность содержать даже до гроба моего. Также сказан мне указ, чтоб мне ни в какие дела не вступаться, так что я всенижайше и прошу, дабы ваше величество повелели для моей старости и болезни от всех дел меня уволить вовсе, как по указу блаженной и вечной достойной памяти ее императорского величества уволен генерал-фельдцейхмейстер Брюс. Что же я Кайсарову дал письмо, дабы без подписания моего расходов не держать, а словесно ему неоднократно приказывал, чтобы без моего и Андрея Ивановича Остермана приказу расходов не чинил, и то я учинил для того, что понеже штат еще не окончен, и он к тому определен на время, дабы под образом повеления вашего величества напрасных расходов не было. Ежели же ваше величество изволите о том письме рассуждать в другую силу, и в том моем недоумении прошу милостивого прощения».^[135]

Неизвестно, была ли отправлена челобитная или нет. Возможно, на нее не сочли необходимым отвечать словами, а ответили делом, нанеся Меншикову окончательный удар, положивший конец его карьере. 9 сентября Петр подписал указ, составленный, несомненно, Остерманом и доставленный Меншикову тем же Салтыковым. Указ этот не мотивирован и беспощаден; им повелевалось лишить князя чинов и наград и отправить в отдаленную вотчину: «Указали мы князя Меншикова послать в Раненбург и велеть ему жить там безвыходно, и послать с ним офицера и капральство солдат от гвардии, которым и быть при нем, а чинов его всех лишить и кавалерии взять...»^[136]

Не помогло и прошение о помиловании супруги Меншикова Дарьи Михайловны. По словам Мардефельда, она «припала... к стопам императора, что побудило к ней большое сочувствие, ибо она весьма благочестивая и добродетельная особа и так слаба, что многократно падала в обморок. Сам император поднял и утешал ее. Затем пошла она к великой княжне Елизавете Петровне, чтобы передать ей просьбу своего супруга заступиться за него перед императором».^[137]

Несколько иначе этот эпизод описал Лефорт: «Его супруга и сын отправились к царю просить помилования, она встала на колени, но царь остался на своем и, не произнеся ни слова, вышел вон. То же самое она сделала у великой княжны Елизаветы Петровны и великой княжны Натальи Алексеевны, но они также удалились. Эта отличная дама, о которой все

сожалуют, целых три четверти часа стояла на коленях перед бароном, и ее нельзя было поднять».^[138]

К просьбам о помиловании была привлечена и невеста государя Мария Александровна. Причем она обратилась не к жениху, а к его сестре Наталье Алексеевне. Великая княжна уклонилась от встречи, и тогда Мария Александровна решила отправить ей письмо с известием, что ее «дражайший родитель зело печалится» из-за того, что ему не удастся встретиться с императором, который «на дворе его светлости стоять не изволит». У великой княжны Мария просила «предстательства», о том, чтобы император «изволил прибыть в дом его светлости дражайшего родителя моего и с ним видеться».

С. М. Соловьев, опубликовавший это письмо, высказал справедливое сомнение, что «письмо без подписи, едва ли было отправлено». Можно не сомневаться, что оно не было отправлено, и дело здесь не только в отсутствии подписи, но и в том, что изложенная в письме просьба, чтобы царь прибыл на свидание с отцом своей бывшей невесты во дворец Меншикова, в той ситуации представлялась нелепой.

Суровые правила борьбы за власть исключали возможность компромиссов, и Остерман, руководивший действиями императора, отдавал себе отчет, что останавливаться на полпути значило обрекать себя на гибель, необходимо довести дело до конца. Да и сам Меншиков, надо полагать, понимал бесполезность обращения к царю за помилованием. Разве сам Меншиков пощадил Девиера, когда его супруга, родная сестра Александра Даниловича, слезно молила о снисхождении?..

Можно представить, что творилось во дворце Меншикова в течение суток, отведенных ему на сборы. Дорогую мебель, ковры, картины, изделия из хрусталя и походные шатры пришлось оставить. В суматохе захватили с собой самое необходимое. Но и это составило громадный обоз из тридцати трех карет, колясок и колываг, сопровождаемых пестрой свитой слуг. Среди ста тридцати трех человек свиты находились маршалы, восемь пажей, шесть гайдуков, двенадцать лакеев, двенадцать поваров, двое портных, двое певчих, сапожник.

10 сентября выехали из столицы. В четырех каретах, каждая из которых была запряжена шестерней, разместились члены семьи Меншикова: в первой сидел князь с супругой и свояченицей, во второй – сын с карликом, в третьей – две дочери с двумя служанками, в четвертой – брат княгини Меншиковой Арсеньев. Кортёж конвоировали 120 солдат под командованием гвардии капитана. Невиданное зрелище выезда из столицы опального вельможи наблюдали тысячи зевак, стоявших по обочинам

дороги.^[139]

В последующие недели и месяцы Остерман с немецкой педантичностью продолжал наносить поверженному Меншикову один удар за другим: сначала отобрали оружие у людей, сопровождавших кортеж князя, затем довели состав дворни до минимума, потом в Раненбурге изъяли все семейные драгоценности, и, наконец, бывший всесильный временщик и генералиссимус с семейством был отправлен в Березов, где и закончил свой жизненный путь в 1729 году.

Падение Меншикова вызвало неоднозначное отношение: одни радовались, другие считали наказание чрезмерно суровым, не учитывавшим его заслуг. К первым относились герцог Голштинский и его супруга Анна Петровна. У них было основание ненавидеть Меншикова, стараниями которого герцог после смерти Екатерины вынужден был покинуть Россию. С его мнением перестали считаться в Верховном тайном совете, вдвое уменьшили сумму, предназначавшуюся на содержание его двора. Анна Петровна писала сестре: «Что изволите писать об князе, что ево сослали, и у нас такая же печаль сделалась об нем, как у вас». Радовался и Феофан Прокопович, у которого с князем не сложились отношения и который ожидал своей опалы. Свой восторг он описывал одному из архиереев витиеватым языком: «Молчание наше извиняется нашим великим бедствием, претерпенным от тирании, которая, благодаря Бога, уже разрешилась в дым. Ярость помешанного человека, чем более возбуждала против него всеобщей ненависти и предускоряла его гибель, тем более и более со дня на день усиливала свое свирепство. А мое положение было так стеснено, что я думал, что все уже для меня кончено».

10 февраля 1728 года у Анны Петровны в Киле родился сын. Феофан в поздравлении, не жалея эпитетов, писал о Меншикове: «Вас постигло то, что почти превышало меру вероятия. Этот бездушный человек, эта язва, этот негодяй, которому нет подобного, вас, кровь Петрову, старался унижить до той низкой доли, из которой сам, рукою ваших родителей был возведен почти до царственного состояния, и вдобавок, наглый человек, показал пример неблагодарной души в такой же мере, в какой был благодетельствован. Этот колосс из пигмея, оставленный счастьем, которое довело до опьянения, упал с великим шумом».^[140]

Иного мнения придерживался фельдмаршал Голицын, намеревавшийся породниться с князем путем женитьбы своего сына на его дочери. В изложении Маньяна позиция Голицына выглядит так: «Голицын поставил на вид царю, что, хотя его брат член Совета, и он более, чем

ктолибо не одобрял хищности и растрат, производимых именно князем Меншиковым, ему казалось, однако, что важные услуги, оказанные князем его императорскому величеству, могли бы заслуживать некоторого смягчения в его наказании».^[141] В другой депеше 15 июля 1728 года Маньян с чувством сожаления описывает жизнь князя в ссылке: «На все нужды как его, так и семьи, следовавшей за ним в ссылку, положено лишь шесть рублей в неделю. Только что узнали, несколько дней тому назад, о смерти его жены и что он при смерти болен; так жалко готова окончиться жизнь того, чье имя при трех различных царствованиях приводило в трепет всех вельмож».

Лефорт поделился своим мнением о Меншикове не после его падения, а во время опасной болезни в июле 1727 года: «Если князь Меншиков умрет, то на это будут смотреть как на худо и добро. На добро потому, что избавятся от безграничной власти, которую никто не осмелился бы присвоить, и древние фамилии снова займут свое прежнее положение... На смерть Меншикова смотрят как на несчастье в том смысле, что никто не может заменить его в деле исполнительной власти, не желая взять на себя всю тяжесть таких обязанностей».^[142]

Де Лириа считал опалу Меншикова большой утратой для России. Известие о его падении он получил на пути в Петербург в Дрездене и отреагировал на него 5 октября 1727 года: «...князь Меншиков был единственный человек, который поддерживал правила покойного царя и царицы. С его падением нужно опасаться, что московиты захотят поставить свое правительство на старую ногу, увезут царя в Москву, откажутся от Венского союза, а следовательно и от нашего, и возвратятся к своему древнему существованию». Скорбь испанского посла по случаю опалы Меншикова станет понятной, если учесть, что во внешней политике именно князь ориентировался на союз с Австрией.

Почитатели Меншикова обнаруживались не только среди вельмож, но и среди офицеров. Капитанпоручик Василий Казанцев поплатился ссылкой в Сибирь, когда в октябре 1727 года заявил двум канцелярским служащим: «Как де ныне императорское величество изволит ехать в Москву для своей коронации, тогда старицу Елену посадят на царство, понеже его императорское величество во младости, и учинится тогда бунт, а князь Меншиков будет по прежнему».

Так с падением Меншикова завершилась эпоха, составной частью которой было царствование императрицы Екатерины Алексеевны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕПИСКА ПЕТРА I И ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ

В приложении к книге публикуется переписка царя Петра I и Екатерины Алексеевны, включающая в себя двести двадцать шесть писем, которыми царственные супруги обменивались на протяжении двадцати с лишним лет: с 1703 или 1704 по 1724 год.

Данная публикация нуждается в некоторых предварительных замечаниях. Прежде всего необходимо отметить различную сохранность писем: посланий Петра до нашего времени дошло во много раз больше, чем ответных посланий Екатерины. Объясняется это различиями в условиях хранения корреспонденции. Театр военных действий, постоянные переезды царя в любое время года и в любую погоду отнюдь не способствовали сохранности получаемых им писем; супруга же его жила более спокойной жизнью, которую можно назвать в известной степени «оседлой», и это создавало более благоприятные условия для сохранения адресованных к ней посланий царя.

Нельзя не отметить и другого. Семейная пара объединила людей, абсолютно не похожих друг на друга. Петр – выдающаяся личность, крупнейший государственный деятель эпохи, человек творческий, высокоодаренный, превосходно владевший пером; супруга же его – женщина вполне заурядная. До конца жизни она оставалась неграмотной, и послания царю от ее имени составляли ее секретари (в их числе Александр Андреевич Яковлев). Это обстоятельство наложило печать как на форму, так и на содержание переписки. Письма Петра, написанные им собственноручно, отличаются образным и выразительным языком и, несмотря на свою лапидарность, содержат намного больше информации, чем обычные письма того времени, в которых очевидно влияние традиций эпистолярного жанра предшествующей эпохи, когда главное назначение письма состояло в том, чтобы известить корреспондента о своем здоровье и передать обязательный поклон родственникам.

Письма Екатерины, напротив, многословны; написанные обычным канцелярским языком, с потугами на шутки и сентиментальность, они подтверждают невысокий уровень интеллекта их автора.

Из содержания большинства писем Петра отнюдь не явствует, что их автором был монарх. Они напоминают послания частного лица, носят

приземленный, бытовой характер. Тем большую ценность они представляют для характеристики личности Петра Великого – в этих письмах суровый, порой до жестокости, царь предстает горячо любящим и заботливым супругом и нежным отцом: нередко он жалуется на то, что обстоятельства лишают его возможности наслаждаться семейным счастьем. Подобные сетования – лишнее подтверждение того, что в Екатерине Петр нашел женщину, достойную его уважения и любви. Ответные же письма Екатерины, написанные чужой рукой, напроочь лишены непосредственности и эмоциональности. И тем не менее переписка царственных супругов в целом чрезвычайно важна для понимания личности первой русской императрицы, ибо недаром говорят, что ничто так не характеризует женщину, как отношение к ней любимого (и любящего) мужчины.

Текст большинства писем Петра I и Екатерины печатается по изданию: Письма русских государей и других особ царского семейства. Ч. 1. М., 1862; кроме того, использованы публикация М. И. Семевского (*Семевский М. И. Царица Екатерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. СПб., 1884. С. 333-335*), а также многотомное издание «Письма и бумаги императора Петра Великого» (издание к настоящему времени не завершено; доведено до 1713 года).

№ 1. 1703-1704? Письмо от имени Екатерины к Петру I^[143]

Господин капитан, здравствуй.

Милости твоей мастер наш велел донести: съкамьповея^[144] совсем отделана. К милости твоей прислать ее или нет.

Ерьмолаи Скворьцов поехал от нас сеньтября 16 числа. При сем писала невеска, Алена челом бьет.

С Ладейной верьфи. Сеньтября 17 числа.

№ 2. 1706, 29 декабря.^[145] Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Милостивому нашему батюшке господину полковнику. Здравие твое

да сохранит Бог на лета многа.

Поздравляем мы тебе с новорожденною девицею Екатериною, а рождение ее было декабря в 27 день.

Пожалуй, батюшка, порадуй нас своим писанием, а мы о твоём здоровье ежечасно слышать желаем.

А про нас изволишь милостию своею напаметовать, и мы молитвами твоими декабря в 29 день в добром здоровье.

Пожалуй в забвенье нас не учини, к нам приезжай или нас к себе возми.

Не покручинься, батюшка, что дочка родилась: к миру.

За сим писавый matka с дочкою и с теткою поздравляем.

Адрес: Г-ну полковнику.

№ 3. 1707, 8 января. Письмо Петра I к Анисье Кирилловне Толстой и Екатерине Алексеевне.

Госпожи тетка и matka!

Письмо ваше, в котором пишете о нововыежжей Катерине, я принел; слава Богу, что здорово в рожден[ь]и матери было, а что пишете к миру (по старой пословице), и ежели так станетца, то мочно болше раду быть дочери, нежели двум сынам. О приезде вашем я уже вам говорил и сим писмом такоже поттвржаю: приезжайте на Киеф не мешкаф; и из Киева отпишите, а не отписаф не ездите, для того что дорога от Киева не очень чиста. При сем посылаю подарок матери и з дочерью.

Piter.

Из Жолкви, в 8 д. генваря 1707.

№ 4. 1707, 6 февраля. Письмо Петра I к Анисье Кирилловне Толстой и Екатерине Алексеевне.

Госпожи тетка и matka!

Как к вам сей доноситель приедет, поезжайте сюды не мешкоф.

Piter.

Из Жолкви, в 6 д. февраля 1707.

№ 5. 1707, 15 февраля. Письмо Петра I к Анисье Кирилловне Толстой и Екатерине Алексеевне.

Тетка многомышленная и матка!

Ежели в половино масленай или ранее сюды не успеете, то или в Дубне или в Остроге меня дожидайтесь; понеже я кончая поеду на первой недели отсюды до Дубны и Острога.

Piter.

Из Жолкви, в 15 д. февраля 1707.

№ 6. 1708, 5 января. Записка Петра I относительно возможной судьбы Екатерины Алексеевны с дочерью.

Ежели что мне случится волею Божию, тогда три тысячи рублеф, которая ныне на дворе господина князя Меншикова, отдать Катерине Василефьской и з девочьюю.

Piter.

В 5 д. генваря 1708.

№ 7. 1708, 29 января. Письмо Петра I к Анисье Кирилловне Толстой и Екатерине Алексеевне.

Тетка и матка сама друга! (а скоро будет и сама третья!)

Здрафьствуйте, а мы, слава Богу, здорово.

Письмо ваше купно и с презентом принял, и за оныя благодарствую; а что пишете, чтоб к вам всегда добрыя ведомости писать, и то я от сер[д]ца рад, да какие Бог даст. Я чаю, что сие мое письмо вам при самом времени выезда Ганскина из Кельдера достанетца,^[146] о чем зело слышать желаю,

что дай Боже в радости не только слышать, но и видеть. О езде вашей в Питербурх еще не могу писать, понеже непъриятель ближитца, и не знаем еще, куды его обороты будут, о чем немедленно буду писать, увидев время, куды вам быть, понеже гораздо без вас скучаю. Еще ж объявляю свою нужду здешнею: ошить и обмыть не кому, а вам ныне вскоре быть, сами знаете, что нельзя. А здеш[н]им поверить боюсь Екимовой причины, [\[147\]](#) того ради изволте то исправить, о чем вам донесет доноситель сего писма. За сим предаю вас в сохранение Божие и желаю вас в радости видеть, что дай, дай Боже! Прошу отдать должной поклон сестре.

На частыя писма для Бога не подивуйте, истинно недосуг.

Из Вильни, в 29 д. генваря 1708.

P. S. При сем посылаю вам презент: тетке – лимонную материю, матке – по желтой земле да колцо, маленькой – поласатую; дай, Боже, насыть на здоровье!

№ 8. 1708, 8 февраля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне и Анисье Кирилловне Толстой.

Матка и тетка! здравствуйте и с нововыежею Анною; дай Боже всем здоровья. А что вы писали, чтоб быть вам в [С]моленск: и о том я уже с Семеном деншиком писал, что по опорожнении выехали; только не написал – куды, ибо и ныне еще не знаю, где с вами видетца, для того что не знаем – куды наши обороты будут; однакож поежайте в [С]моленск, отколь ближе к нам можете приехать. За сим паки здравствуйте; отдайте мой поклон сестре. А о езде в Питербурх ранее конца сего месяца не могу подлиннаго отписать; аднакожь надеюсь на Бога, что чаю сему быть.

Piter.

Из Думилович, в 8 д. февраля 1708.

№ 9. 1708, 5 марта. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне и Анисье Кирилловне Толстой.

Матка и тетка, здравствуйте и с маленькими!

Письмо ваше я получил, из которого не гораздо добро видел; дай Боже здоровье. Даволно у матки быть и одной тетке, а другую зачем чорт принес? А что пишете, что некому чесать глатко, – приежайте скоряя, старой гребнишка същем. И ежели сие письмо застанет вас меж Вязмы и Можайска, то поворотитесь к Москве и прямо поежайте в Петербурх; а буде по сю сторону Вязмы и Смоленску, то лутче в Смоленск, и оттоль чрез Луки в Нарву, понеже я в будущую неделю конечно поеду, Бог волит, в Нарву, и оттоль, не мешкоф, в Петербурх.

Piter.

Из Вежищ, в 5 д. марта 1708.

№ 10. 1708, 20 марта. Письмо Петра I к Анисье Кирилловне Толстой и Екатерине Алексеевне.

Тетка и matka, здрафъствуите!

Уже с три недели, как от вас ведомости не имею; а меж тем слышу, что не очень у вас здорова. Для Бога, приежайте скоряя; а ежели за чем невозможно скоро быть, отпишите понеже не без печали мне в том, что ни слышу, ни вижу вас. А с сим письмом послан к вам встречъ башмашник ваш, понеже чаю, что вы уже в дороге. Дай Боже, чтоб вас видеть в радости скоряя.

Piter.

Из Санктъпитербурха, в 20 д. марта 1708, при самом приезде сюды.

№ 11. 1708, 31 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне и Анисье Кирилловне Толстой.

Matka и тетка, здравъствуите!

Письмо от вас я получил, на которое, не подивите, что долго не ответствовал; понеже пред очми непърестанно непъриятныя гости, на которых уже нам скучило смотреть: того ради мы вчерашнего утра резелвовались и на пъравое крыло караля шведского с осмью баталионами напали, и по двочасном огню оногo с помошшию Божиєю с поля збили,

знамена и протчая побрали. Правда, что я как стал служить, такой игърушки не видал; аднакож сей танец в [о]чах горячего Карлуса изрядно стонцовали; аднакож болше вьсех попотел наш полк. Отдайте покълон кнеине^[148] и протчим, и о сем объявите.

Piter.

Из лагору от реки Черной Наппы, в 31 д. августа 1708.

№ 12. 1708, 26 сентября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне и Анисье Кирилловне Толстой.

Матка и тетка!

Писма ваши два мне отда[ны], на которья, не подивуйте, что долго не ответствовал; ибо доволно здесь инаго дела, и теперь непъриятеля увидели. Дай Боже милость свою, а по сей час, слава Богу, все добро.

Piter.

Из Горбавич, в 26 д. сентября 1708. Поклонись от меня кнеине и протчим.

№ 13. 1709, 7 февраля. Письмо Петра I к Анисье Кирилловне Толстой и Екатерине Алексеевне.

Тетка и матка, здрафъствуите; а мы, слава Богу, здоровы. По получении сего писма поежайте немедленно в Бельгород. Отдайте поклон от меня кнеине и протчим.

Piter.

Из Ахтырок, в 7 д. февьяра 1709.

№ 14. 1709, 27 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Матка, здравъствуй!

Объявляю вам, что всемилостивый Господь неописанную победу над непъриятелем нам сего дня даровати изволил, и единым словом сказать, что вся непъриятельская сила на голову побиты, о чем сами от нас услышите; и для поздравления приежайте сами сюды.

Piter.

Поклонись от меня кнеине и протчим. Из лагору, в 27 д. июня 1709.

№ 15. 1709, 31 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Мудер!

Как я и отъехал от вас – ведомости не имею о вас, о чем желаю ведать, а особливо, как скоро можете быть в Вильню: мне не без скуки без вас, а и вам, чаю, такъже. Здесь, слава Богу, все добро. Король Авъгуст вышел, а Красоф^[149] ушел; Лещинской бороду отпустил, для того что корона ево умерла. Мы здесь з господами Поляки непрестанно на конференциях о делах Ивашки Хмелницкова^[150] бываем. Отсея, чаю, отсея пое[д]ем кончая в 4 д. будущего месеца.

Piter.

Из стольнова города Ивашкина Люблина, в 31 д. авъгуста 1709.

Поклонись тетке.

№ 16. 1709, 20 сентября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Матка, здрафъствуй!

А о себе объявляем вам, что мы сего дня отсель едем водою в Прусы, и первои будем в Торуне у караля Августа, а потом к прускому поедем; и чаем по двух или трех неделех вас видеть, что дай Боже! Вы, по получении сего писма, поежайте с астраханским полком до нашего полку, при котором бутте неотлучно.

Piter.

Из Солцы, в 20 д. сентебря 1709. Поклонись тетке от меня.

№ 17. 1709, 24 сентября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Матка, здравствуй!

Два писма ваши я получил, на которыя ответствую, что я сего моменту отъезжаю в Прусы, где не чаю долго забавитца; но надеюсь с помощью Божию, соверша дела, быть к вам конечно в первых или о половине будущего месеца числех. За присьмку благодарствую, и посылаю при сем к вам несколько лимоноф свежих. А что шутите о забавах, и тово нет у нас, понеже мы люди старья и не такофския; а о скором бытъи сами радеем, но как возможно – так и делаем. Поклон отдай тетке от меня. А жених ^[151] и третьево дни виделся горазда с Ивашкою, и упал на судне с кровъли на дверь, и теперь лежит немошен, чего для побереги тетку, чтоб не сокрушалась.

Piter.

Из Варшавы, в 24 д. сентебря 1709.

№ 18. 1709, 30 сентября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Матка, здрафъствуй!

Мы сюды четвертово дни приехали, слава Богу, здорово, и здесь с королем Авъгустам виделись; и отсель на будущей недели поедем х королю Прускому. Мешката нам здесь зело докучает; аднакож для интересу принуждены не скучать. Дай, Боже, скоро совершить и быть к вам. Поклонись тетке от меня. Впротчем, слава Богу, все здесь доброго видится. В Кинессъберге мор, и там не будем.

Piter.

Из Торна, в 30 д. сентебря 1709.

№ 19. 1709, 11 октября. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I. ^[152]

Государь мой батюшка, господин шаубенахт. Здравствуй на множества

лет.

Благодарствую за презент. Наипаки благодарствую за писание ваше, что жалуеш, пишеш о здаровье своем. Пожалуй, и впредь прошу, не остави своим писанием, о чем всечасно сердечно слышетъ желаю. Получила я от милости твоей три писма. Толко нам радости, что получим твое писание. А про меня изволишь милостию своею напаметовать. И я, слава Богу, в добром здаровье и з тетушкою теплою. Пожалуй, дарагой мой батюшка, приезжай поскорей. Ох, мой батюшка, скучила без милости твоей. Вьпред ты меня не обманешь: хотя гнев приму, а от милости твоей не отстану. Нам кажитца гот, как от милости твоей отстали. Дай, Боже, мне скоро в радости с тобою видетца. Данашу вашей милости: отъезжаем мы из Ковны сего числа. А что ты изволил писать об Кирсанфовиче, что ушиб ево Ивашка Хмельницкой, и тетушка зело печалилась, сама стала хуже, а бострок^[153] стал уже, и она надела с печали красной чулок. Изволте привозить с собою венгерскова; а у нас ево и во сне не пригрезитца.

За сим писавый matka кланяюсь.

Ис Ковна октебря в 11 день.

№ 20. 1709, 16 октября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Matka, здравьствуй!

Объявляю вам, что мы, по свидании с королем Авьгустам, приехали сюды к королю прускому вчерась; и здесь не чаю болше пяти дней или недели задержатца, и упъравя дела, поедем на почъте к вам. Дай Боже, чтоб скоря[й] быть и здорово застать. Поклон отдай тетке от меня; а что ана полюбила чернца, и я о том жениху объявил, о чем зело печалитца, и от той печали хочет сам взблудитца.

Piter.

Из Мариенвердена, в 16 д. окътебря 1709.

№ 21. 1709, 27 ноября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Matka, здрафъствуй!

А мы сюды приехали в 23 д. сего месеца, слава Богу, здорово, и отсель поедем около девятого числа или шестаго декабря. Екима Волкова с сим присланным пришлите для заклатцоф. Иного писать нечево, толко дай Бог здорово даехать вам до Москвы, а путь изрядной. Покланнись тетке, а буде преже будешь меня к Москве, и сестре.

Piter.

Из Санкт-Питербурха, в 27 д. ноебря 1709.

№ 22. 1709 (?), 27 ноября. Письмо Екатерины Алексеевны и Анисьи Толстой к Петру I. [\[154\]](#)

Милостивой наш государь батюшка, господин шаубенахт, здравствуй на множества лет.

Пожалуй, прикажи отписать к нам о своем здоровье, а мы про твое здоровье всечасно слышать желаем, а о себе милости твоей доносим: приехали мы в Псков ноября в 26 день, слава Богу, в добром здоровье, а из Пскова поедем завтрашней день. Именинник дорогой, здравствуй в новой год именинником князем Александром Даниловичем.

Сыночик твой просит милости, чтобы ты пожаловал приехал к Москве поскорее и выпустил бы ево из тюрьмы вон. [\[155\]](#)

За сим писавый matka и тетка милости твоей кланяемся. Из Пскова. Ноября в 27 день.

№ 23. 1710, 1 мая. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Matka, здравствуй!

Мы со флотом стоим ныне близ Варивалдай, понеже далее итить невозмож[но], ибо я вчерась везь день и ночь и сей день до половины был на крейсерованьи да Беркен-Ейлант; но за льдам до них дойтить не мог мили за четыре, и лед от финского берега да лифлянского – все море полно, аднакож чаем – скоро очиститца.

Отдай мой поклон вначале кнез-папе и кнез-игуменье, [\[156\]](#) сестре,

невеске, племянницам и протчим, и домашних маленьких поцалуй, а наипаче всех и наиболее в[с]ех и наивяще всех поклонись велеумной тетушке и четверной лапушке,^[157] да пожалуй не пьлачь, а мы, ей, веселы.

Piter.

С Лизетки,^[158] в 1 д. маия 1710.

№ 24. 1710, 14 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Матка, здравьствуй!

Объявляю вам, что вчерашнего дни город Выборх здался, и сею доброю ведомостию (что уже крепькая падушка Санкт-Питербурху устроена чрез помощь Божью) вам поздравляю. Также отдай мой поклон и сим поздраф вначале кнез-игуменье, такожь тетке – яко четверной лапушке, такожь дочке, сестре, невеске и племянницам и протчим, а маленьких за меня поцалуй.

Piter.

Из Выборха, в 14 д. июня 1710.

№ 25. 1710, 31 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Матка, здрафьствуй!

Мы, слава Богу, здоровы. Вчерашнего дня с Лужского устья приехали сюды, и здесь такожь чаем и здесь вскоре отделатца и быть к вам. Поцалуй от меня маленьких, а потом отдай поклон четверной лапушке, сестре и дочке.

Piter.

С Харивалдай, в 31 д. авьгуста 1710.

№ 26. 1711, 3 сентября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй! А мы сюды сего дня доехали, слава Богу, здорово, и чаем к воскресенью на сей недели быть в Карльсбаде. Отдай поклон кнес-папе и четверной лапушке и протчим.

Петр.

Из Познани, в 3 д. сентября 1711.

№ 27. 1711, 14 сентября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!

Мы сюды доехали, слава Богу, здорова, и завьтра зачнем лечитца. Место здешнее так весело, что мочно чесною тюрмою назвать, понеже междо таких гор сидит, что сонца почитай не видеть; всего пуще, что доброва пива нет. Аднакож чаем, что от воды Бог даст доброе. Посылаю при сем презент тебе: часы новой моды, для пыли внутри стеклы, да печатку, да четверной лапушке втраиом (sic); болше за скоростию достать не мог, ибо в Дрездане толко один день был. Из Померании еше новова не имеем, но ожидаем в[с]коре; дай, Боже, доброе!

Петр.

Из Карльсбада, в 14 д. сентября 1711.

На особом листке приложена к письму следующая записка.

Ис Померании пишут, что Стралзунт от войск союзных осажен, и Станислав Лещинской и Шмигелской остались во оной крепости, и чают, что станут прежде добывать остров Руген, на котором неприятелской конницы 6000, которая чрез город по мосту на тот остров перешла.

Ис Копенгагена послан был от флоту дацкого камандир, которой нашед при шонских берегах транспортные швецкие суды, и из оных 9 караблей зжег, а 24 взял и привел к дацкому флоту. И по сим ведомостям чают, что уже шведы сей кампании транспорту учинить не могут.

№ 28. 1711, 19 сентября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!

А мы, слава Богу, здоровы, толко с воды брюхо одула, для того так поят, как лошадей; и инова за нами дела здесь нет, толко что сс...ть. Писмо твое я чрез Сафонова получил, которое прочитая горазда задумался. Пишешь ты, якобы для лекарства, чтоб я нескоро к тебе приехал, а делам знатно сыскала ково-нибудь вытнее^[159] меня; пожалуй отпиши: из наших ли или из таруннчан? я болше чаю: из тарунчан, что хочешь отомстить, ^[160] что я пред двумя леты занял. Так-та вы еввины дочки делаете над стариками! Кнез-папе и четверной лапушьке и протчим отдай поклон.

Петр.

Из Карлсьбада, в 19 д. сентебря 1711.

№ 29. 1711, 28 сентября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, здравствуй!

А мы, слава Богу, здоровы, толко с воды [б]рюхо одуло; аднако же чаем отъехать отсель с третьево числа сего месеца в Торгау, где будет свадьба сына моево, и оттоль, видевься с королями, буду поспешать в Торун; инова из сей ямы писать не имею.

Петр.

Из Карлсьбада, в 28 д. сентебря 1711 – началнова дня нашего добра.
^[161]

№ 30. 1711, 14 октября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!

Объявляю вам, что сего дня свадьба сына моего совершилась, на которой много знатных людей было много; а отправьляли в дому каролевы польской. Итак малодою невескою вам поздравляю. При сем прошу объявить всешутейшему кнез-папе и протчим, и чтоб пожаловал благословение подал сим малодым, облекшися во вся одежды, купньо и со

фъсеми при вас будущими, а писма к Москве и в Питербурх посланы.

Петр.

Из Торгау, в 14 д. сентебря^[162] 1711.

№ 31. 1712, 25 апреля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, здравьствуй! О себе объявляю, что сюды приехал вчера на вечер; а ежели б ночь не стоял на якоре, то б тем же днем мог поспеть, как от вас поехал. За сим здрафъствуй, и поклон отдай, каму надлежит. О непъриятеле на море еще не слышно, а наш провиант весь дошел и судны отпущены отсель.

Петр.

Из Выборха в 25 д. апыреля 1712.

№ 32. 1712, 28 апреля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, здравьствуй!

Объявляю, что я сюды прибыл сего дня из Выборха, и даждавсья ис Питербурха бравианту, также и которой здесь, буду еще оных проводить до Беркен, и потом буду к вам.

Петр.

С Котлина, в 28 д. апыреля 1712.

№ 33. 1712, 15 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, здравьствуй! Мы сюды приехали вчерась позно и сего дни поедем сухим путем. Конвой здешней станет стоять до пятницы, которого дня рано пойдет извесная персона, которая ехать хотела сим путем. Ежели не с малыми людми поедет, или непърилежно просить и готовитца станет, то непаметуйте им, ибо опасюсь – ежели станут в полках

таких же раскошей требовать.

Петр.

Из Кезмара, в 15 д. июля 1712.

№ 34. 1712, 2 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй! Мы, слава Богу, здоровы, толко зело тяжело жить, ибо я левышею не умею владеть, а в адной правой руке принужден держать шпагу и перо; а помочников сколко, сама знаешь.

Петр.

Из Грипъсвалда, в 2 д. авьгуста 1712.

Р. S. Карабль наш святого Петра сего дня сюды пришел, а двух ждем скоро; я чаю – скоро поеду в датской флот, аднакож долго мешкать там не чаю.

№ 35. 1712, 8 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй! Я слышу, что ты скучаешь, а и мне не безкушно ж; аднако можешь разсудить, что дела на скуку менять не надобно. Я еще отсель ехать скоро себе к вам не чаю, и ежели лошади твои пришли, то поежай [с] теми тремя баталионы, которым велено итить в Анклам; толко для Бога бережно поежай и от баталионоф ни на ста сажен не отъежай, ибо неприятелских судоф зело многа в Гафе и непърестано выходят в леса великим числом, а вам тех лесоф миновать нелзя.

Петр.

Из Грипъсвалда, в 8 д. авьгуста 1712.

№ 36. 1712, 14 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй! Объявляю вам, что я сегодня

приехал с флота сюды и надеюсь с помощью Божию к вам быть любым путем. Хотя хочетца с тобою видетца, а тебе чаю гораздо болше, для тово что я в 27 лет был, а ты в 42 года не была;^[163] аднакож подождать будет немношко, чтоб веселея приехать.

Петр.

Из Волгаста, в 14 д. авьгуста 1712.

P. S. Отпиши ко мне: х которому времени радит Матрена,^[164] чтоб мне поспеть.

№ 37. 1712, 17 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, здравьстуй! По получении сего писма поежай софсем сюды, также кнезь-папу и протчих возми с собою, а отправит вас Даниловичь.

Петр.

Благодарствую на присылке пива и пьротчево. Из Волгаста, в 17 д. авьгуста 1712.

№ 38. 1712, 2 октября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравьстуй! Объявля[ю] вам, что я третьево дни приехал сюды и был у короля, а вьчерась он поутру был у меня, а вьвечеру я был у королевы. Посылаю тебе, сколко мог сыскать, устерсоф; а болше сыскать не мог, для того что в Гамбурхе сказывают явился пест,^[165] и для того тотчас заказали всячину оттоль сюды возить. Я сего моменту отьежаю в Лейпъцих.

Петр.

Из Берлина, в 2 д. октебря 1712.

№ 39. 1712, 6 октября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй! Я отсель сего момента отъезжаю в Карльсбад и чаю завтра туды поспеть. Платье и протчее вам куплено, а устерсоф достать не мог. За сим вручаю вас в сохранение Божие.

Петр.

Из Лейпциха, в 6 д. октября 1712.

№ 40. 1712, 11 октября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй! Мы вчерашнего дни зачали пить воду в сей яме; а как отделаюсь, писать буду. О протчих вестях не спрашивай из сей глуши. Поклонись отцу Козме;^[166] а таварыш ево здесь сам друг с килою по старому шутит.

Петр.

Из Карльсбада, в 11 д. октября 1712.

P. S. Поздравляем сим днем – началом нашего авантажу.^[167]

№ 41. 1712, 27 октября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй! Письмо твое я получил, на которое ответвую, что я курс кончил вчерась; воды, слава Богу, действовали зело изрядно; как будет после? Я отселе в будущую пятницу поеду в Теплицы, где более четырех дней не будем мешкать. После ваших писем, что непъриятели намерились отаковать, по ся поры ничего нет поновьки; знать у них тверда голанская пословица: тюсхен дут эн зеге фюль гого берге леге.^[168] Впрочем предаю вас в сохранение Божие.

Петр.

Из Карльсбада, в 27 д. октября 1712. К дочке-бочке писал при сем.

№ 42. 1712, 31 октября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй! Благодарствую зело за пьрезент полпива, понеже у нас такова нет. Грамотку Ильиничнину чел медведю;^[169] за всякое слово досталась всем. Я отъезжаю сего часа в Теплицы, а та[м] мешкоть долго не буду.

Петр.

Из Карсъбада, в 31 д. октября 1712.

№ 43. 1712, 17 ноября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй! Я сюды приехал вчерась, и по трех днях поеду отсель. За сим предаю вас в сахронение Божие.

Петр.

Из Берлина, в 17 д. ноебря 1712.

№ 44. 1712, 27 ноября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй! Объявляю вам, что я сюды приехал вчерась, слава Богу, в добром здорovie. Да пришли к нам певчих с протопопом, а у себя остафь человек двух з Биткою(?).

Петр.

Из Вартоу, в 27 д. ноебря 1712.

№ 45. 1712, 2 декабря. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй! Благодарствую за пьлатье, которое обновил в день с. Андрея. Что же приказывала ты, чтоб взять вас сюды, и о том теперь отложить надобно, понеже время пришло вам молитца, а нам трудитца; ибо шведы вчерась рушились протиф датчан, чтоб не допустить оных до конъюнкции с нами; а мы сего моменту подыдемся

отсель на сикурс датским. И тако на сей недели чаем быть бою, где все окажетца, куды конъюнктуры поворотятца.

Петр.

Из Лагоу при подъеме, в 2 д. декабря 1712.

№ 46. 1712, 12 декабря. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй! Приказывал я к тебе с Шепелевым, чтоб быть; а с Мануковым, чтоб дождалась там. А как сие письмо получишь, поезжай сюды налехке, а обозы остафь там. Побей челом кнесь-папе, чтоб с тобою приехал[и] две времоншицы.

Петр.

Из Гистроу, в 12 д. декабря 1712.

Р. С. Благодарствую за пьрисылку с Юшковым. Поклонись от меня кнеине Даниловичевой.

№ 47. 1712, 21 декабря. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!

Когда, даст Бог, придешь с полком в Польшу, тогда выбери конных человек ста два или больше и поезжай в Элбинг, а оттоль на почтовых с небольшими людьми до Мемля (о чем мы х королю прускому писали). А наперет пош[л]и в Ригу, чтоб те полки, которья в Курляндии, [\[170\]](#) собрали тебе подводы.

Петр.

Из Рабова, в 21 д. декабря 1712.

№ 48. 1712, 23 декабря. Письмо Екатерины Алексеевны Петру I. [\[171\]](#)

Господин контра-адмирал, здравствуй на множества лет. Пожалуй, прикажи писать о своем здравии, чего всегда слышать желаем. Пожалуй, батюшка мой, отпиши ко мне, которым ты трактом поедешь оттуда в СанктПитербурх. При сем посылаю к тебе кафтан, два камзола, штаны, партупе[й]. Дай, Боже, тебе во здравие носить, а чаю, что вашей милости стать цвет не противен. При сем поздравляю вашей милости с праздником Христова Рождества. Остаюсь жена твоя Екатерина.

Из Гистрова, декабря в 23 д. 1712.

Ниже приписано царевичем Алексеем:

Всенижайший раб твой и сын Алексей.

№ 49. 1712, 25 декабря. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй! Письмо твое я вчерась получил; благодарствую за пива. Что же о езде вашей со всем полком, и то уже отменилась, но три баталиона взяты сюды; а ты с тем баталионом, которой в Гистроу, пожай з Богом в надлежащей путь чрез Швед Польшею, недалеко от брандбургской Померании, до Элбинга; а там, взяф человек трицать или меньше с собою, на почте пожай до Петербурха (куда, дай Боже, скоро быть и нам). О езде вашей писана для подвод в Берлин чрез их Прусы, а польскими сами найдете. Баталион отпусти от Элбинга Польшею. Что же пишешь о сне дочкине, что она радила губителя миру, и оно[й] вели послать хнезь Ивану Алексевичу.^[172] У нас, слава Богу, еще все благополучно. Датчане и сасы^[173] с нами случились. Славльенья наше не так как дома, аднакож более здесь от сердца оного славим, а чаю, что иныя увидят и самого Христа – добрыя. Понеже пословица есть: два медведя в одной берлоге не уживутца. Возьми с собою кнезь-папу и архидиакона,^[174] которому отдай должной поклон от меня и о славльенье нашем возвести. Также, ежели прежде будешь в Питербурх, тамочным поклонись.

Питер.

Из Пампоу, в 25 д. декабря 1712.

Р. С. Поздравляю вам сим торжественным праздником которым поздрафь от меня кнеине Данилавичевой; також возьми с собою и

афицероф заполочных до Элбинга, а оттоль отпусти их з баталионом в Ригу.

№ 50. 1712, 27 декабря. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!

О езде твоей в Питербурх я уже писал к вам с Юшковым, чтоб вы ехали з баталионом командрованным, да из Гарц взяли с собою офицероф заполочных, о чем и ныне поттвржаю. Поежайте немедленно; протчее приказана словами Шепелеву. Благодарствую за пьлатье. Дай Боже, чтоб не зажитца, скоро б вас паки видеть.

Петр.

Из Пакендорфа, в 27 день декабря 1712.

№ 51. 1713, 4 февраля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, [з]дравствуй и з детками, которых уже, чаю, увидела. Дела наши как здесь идут, уведаешь от господина адмирала, х которому я пространно писал; и ежели б не такая крепкая пасами^[175] земля была, то б уже полную викъторию с помощию Божию получили. Въ[п]ротчем предаем вас в сохранение Божие и желаем видеть вас вскоре. Поклонись сестре от меня.

Петр.

Из Фридрихштата, в 4 день февраля 1713.

P. S. Вчерась у меня обедали и про именинницено^[176] здоровье пили.

№ 52. 1713, 2 мая. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Кетеринушка, друг мой, здравствуй!

Посылаю к тебе бутылку венгерского (и прошу, для Бога, не печалься: мне тем наведешь мненье). Дай Бог на здоровье вам пить, а мы про ваше здоровье пили.

Петр.

С Полтавы, мая в 2 д. 1713.

Хто не станет севодни пить, тому будет великой штраф.

№ 53. 1713, 16 мая. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!

Объявляю вам, что господа шведы нас зело стыдятца, ибо нигде лица своево нам казать не изволят. Аднакож мы, слава Богу, внутрь Финландии вошли и фут^[177] взяли, отколь ближе можем их искать. А что у нас делалась, о том прилагаю при сем ведение.

Петр.

Из Боргоу, в 16 д. мая 1713.

№ 54. 1713, 4 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!

О себе не могу подлин[но] сказать, буду ли скоро к вам или поеду; ад[на]кож хотя и поеду, то скоро паки, Богу изволшу, к вам буду, о чем завьтра или позавьтрее писать к вам буду, или сам приеду.

Петр.

С Полтавы, в 4 д. июля 1713.

№ 55. 1713, 2 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!

Инова писать не имею, только что мы, слава Богу, со вьсеми судами

дошли близъ Новой крепости; и ежели б севоднишней противной ветр не помешал, то б конечно сего ж дни были в Элзенфорсе. Приказывал я Кикину, чтоб несколько бочек вина купить с новых пришедших караблей, також и сыроф, и прислать сюды ко мне для презенту другим; и сие потщись исправить поскорая.

Петр.

С Луткера, не дошед Новой крепости, в 2 д. авьгуста 1713.

№ 56. 1713, 12 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!

Объявляю вам, что мы, слава Богу, в 5 д. сего месеца прибыли сюды здорово с транспортом; только от бывьшего шторма, которой был в 3-м числе, несколько судоф повьредилась, а именно: Вельком, Хельтъдрагарс и один голиот. Аднакож не только люди, но и запасы целы, також и их починить мочно. Мы по пьразнике Успения Богородицы чаем итить далее землею к Абоу, но бою быть не чаю; понеже вчерась поворотился генерал л[ейтенант] господин Голицын, которой ходил за непьриателем, сказывает, что не мог настичь, все бегут; и когда от части так бегут, то как от всего войска стоять будут. При сем объявляю, что в 6 [день] сего месеца г. адмирал объявил мне милость государя нашего^[178] – чин генерала полного, чем вас, яко госпожу генеральшу, поздравляю. Как чин шаутбейнахта, так и сей мне сказан зело странно, ибо на степи пожалован в флагманы, а на море в генералы. И чаю, с помощию Божию, быть к вам негоразда замешкаф.

Петр.

Из Эльзенфорса, в 12 д. авьгуста 1713. Прошу отдать мой поклон преосвященному и матери святой и протчим святым и несвятым.

№ 57. 1713, 17 августа. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Писание вашей милости, писанное из Элзенфурса августа от 12 дня чрез порутчика Скворцова, я получила, которому зело порадовалась; ибо

чрез несколько времени писания от вашей милости не имела, в чем мне и не бес печали было. И за оное писание вашей милости благодарствую, прося, дабы и впредь в своих писаниях оставить меня не изволили. Что же изволили упомянуть в письме своем, что ваша милость объявлен чином генерала полного, и меня изволили поздравить, яко генералшу, чем и я вашу милость взаимно поздравляю; однакож я одного чина вашей милости не признаваю, пока не могу персонально вашу милость вскоре здесь видеть, что даждь всемилостивый Боже! Я желала, чтоб ваша милость хотя и адмиралом был! Что же изволили уведомить о судах, которые на море великим штурмом повредило, и в том буди воля Божия; однако благодарим одного милосердие, что людей и припасы, кои на тех судах были, сохранить изволил; и те суды, чаю, возможно будет починить.

При сем доношу вашей милости, что мы здесь купно и з детками нашими обретаемся, слава Богу, в добром здравии. Августа в 17 де[нь] 1713, ис Питербурха.

№ 58. 1713, 12 октября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй! Посылаю в сем письме цыдулку, чтоб денщик Арлоф прислал записку двом пушкам сюды, и буде нас не застанут, чтоб отдали вице-адмиралу запечатаф. Мы чаем завътра рано итить в путь, понеже ветер благополучен. Впротчем желаю, чтоб Бог дал вас видеть здоровых в[с]коре.

Петр.

С Котлина, в 12 д. октября 1713.

№ 59. 1713, 14 октября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!

Объявляю вам, что вчерашнего числа получил я ведомость от господина адмирала, что оне непъриятеля на пасах нашли четыре мили за Тавасгусом, и там по многом бою чрез тот пас перешли и непъриятеля разбили; а сколко побито, также в полон взято, и притом взято сколко

знамен и алтиллерии: о том привезет^[179] сам ведомость, которого вскоре ожидаем. И сею ведомостию вам поздравляем, и с вышереченным господином будем, даст Бог, к вам вскоре. Скамповеи все сего утра пошли на гребли для тихой погоды, а мы ж[д]ем ветру.

Петр.

С карабля святого Самсона, в 14 д. октября 1713.

№ 60. 1713, 19 октября. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Иного ныне к доношению вашей милости ничего не имею, токмо, что я купно и з детками нашими обретаемся здесь, слава Богу, в добром здравии. Посылаю при сем к вашей милости малинкой гостинец, желая – дай Бог вам, батюшка мой, употреблять на здоровье! И хотя я и здесь обретаюсь, однако все мысли мои на Котлине острову.

Поздравляю вашей милости добрым окончанием сея компании как в Померании, так и в Финландии, о чем я известилась чрез писание ваше, за которое зело благодарствую; также и счастливым приходом в гавань карабля святыя Екатерины. Дай Бог персонално вскоре вашей милости сим поздравить!

Октября 19 1713 году.

№ 61. 1713 или 1714,^[180] весна. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Доношу вашей милости, что я здесь купно и з детками нашими, слава Богу, в добром здравии обретаемся. При сем поздравляю вашей милости прешедшим днем тезоимянитства дорогой имянинницы Аннушки, и просим вашу милость, дабы поскорей сюда приезжать изволили; п[он]еже здесь уже почало смолою пахнуть.

При сем детки наши Аннушка и Лизенка и Натальюшка, благословения вашего прося, кланяютца.

№ 62. 1713 или 1714. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Доношу вашей милости, что мы здесь купно и з детками нашими обретаемся, слава Богу, в добром здравии, и просим, дабы не изволили нас оставить в писаних своих. Посылаю к вашей милости полпива и элбиру^[181] несколько дюжин, также и огурцов свежепросольных. Да[й], Боже, вам, батюшка мой, кушать на здоровье, чего я от сердца желаю. При сем детки наши Аннушка и Лизенка и Натальюшка просят вашего благословения и кланяютца.

№ 63. 1713-1715.^[182] Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Благодарствую за милостивые ваши писания, которые я с немалою радостью получила: первое чрез Александра, другое вчерашняго числа чрез офицера.

И особливо благодарствуем, батюшка мой, купно и з детками нашими за присланные кружечки и элбир, которой мы про ваше здоровье пили. По письму вашему купленные на пришедших торговых кораблях вина и прочие вещи, которым ведение послано к Матвею Алсуфьеву, отправила я ныне с подкюшником Коншиным; и особливо послала к вашей милости венгерского вина и полпива несколько бутылок, також винные ягоды и дыни из нашего огорода. Дай, Боже, вам и тем, кто вам верно служит, кушать на здоровье.

Доношу вашей милости, что я здесь купно и з детками нашими обретаемся, слава Богу, в добром здравии.

№ 64. 1714, 2 февраля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!

Объявляю вам, что мы сюды прибыли и дело свое с помощью Божию управили, и поедем завтра в Ригу. Слово, которое было о

Дунелше, правда, ибо вчерась бурмистр сам мне сказывал, что слово у них дано; и ежели станет куды проситца дохтурица – не пускай ее, чтоб у нас свадьбе быть. Впрочем здесь все добро, и масленицу дакончиваем.

Петр.

Из Ревеля, в 2 д. февъраля 1714.

№ 65. 1714, 18 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!

Объявляю вам, что мы к Финландии, а именно к Поркалу урочищу прибыли в добром здоровье, и что у вас стреляли про здоровья, все у нас слышно было при самом финском берегу, что слыша и мы не лили.

Петр.

От финского берега, в 18 д. июля 1714.

№ 66. 1714, 29 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!^[183]

Объявляем вам, коим образом всемогущий Господь Бог Россию прославить изволил, ибо, по многодарованным победам на земли, ныне и на море венчати благоволил; ибо сего месяца в 27 день швецкого шаутбенахта Нилсона Эреншелта с одним фрегатом и шестью галерами и двумя шхер-ботами по многом и зело жестоком огню у Ангута близ урочища Рилакс-Фиен взяли; правда, как у нас в сию войну, так и у алиртов^[184] с Франциею много не толко генералов, но и фелтъмаршалов брано, а флагмана ни единого. И тако сею, мню, николи у нас бывшею виктори[е]ю вам поздравляем; а сколко с помянутым шаутбенахтом взято афицеров, матрозов и салдат и протчаго, також что наших убито и ранено, тому при сем посылаем реэстр, и атаке план. Хотя для некоторой опасности флот наш и пойдет вскоре, аднакож ты останься в Ревеле, понеже, чаю, я к вам туды быть; но ежели замешкаюсь, а тебе будет время ехать в Питербурх, тогда поежай з Богом, не описываясь, дабы вам временно

успеть к разрешению вашего бремени, что дай Боже счастливо окончилось!
Петр.
Из флота от Ангута, в 29 д. июля 1714.
P. S. Благодарствую за пьрисылку.

№ 67. 1714, июль. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Писание вашей милости, июн[я] от « » дня^[185] писанное, я получила, в котором изволили писать, что ваша милость к финланским берегам прибыл благополучно, чему я зело порадовалась, и за оное писание вашей милости благодарствую. На сих днях получила я письмо к вашей милости от Государя Царевича, да другое ис Питербурха от детей наших, в котором письме Аннушка приписала своею рукою; и оные писма при сем посылаю. Також посылаю к вашей милости помаранцов и других овощей и венгерского вина з деншиком Толкачевым, и желаю – дай, Боже, вам оное употреблять на здравие.

№ 68. 1714, июль или август. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Доношу вашей милости, что вчерашняго числа получены здесь с турецкой стороны зело приятные ведомости, о которых уповаю, что к вашей милости пространно писал Гаврила Иванович;^[186] и со оными изрядными ведомостми вашу милость поздравляю, желая от сердца, да сподобит Всевышний и с вашей стороны добрые ж ведомости получить.

Просим вашу милость, дабы изволили сюда приезжать, ибо огород наш здесь зелененек стал.

№ 69. 1714, в первых числах августа. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Вчерашняго числа получила я милостивое ваше писание чрез порутчика Захара Мишукова, ис которого с неописанною радостию уведомилась, коим образом всемогущий Господь Бог по неизреченной своей к нам милости, по многодарованным победам на земли и на море, преславною победою над неприятелем увенчати благословил – взятием камарата вашего и нескольких судов неприятельских, о чем я подлинно известна как чрез помянутое ваше милостивое писание, так и чрез Захара Мишукова. И сею толь изрядною и особливо от Бога дарованною нам победою вашей милости покорно поздравляю, желая от всего моего сердца, дабы всемилосердый Господь Бог и впредь оружие вашему счастье и победы на сего гордаго неприятеля даровал, и потом благожелаемой и благополучной мир получить благоволил.

Сей день воздавали мы благодарение победодавцу Богу в церкви его святой; и потом как со всего флота, так и здешней фартеции палили ис пушек, и обедали у меня все здешние жители и офицеры, кроме морских, понеже они управлялись по указу вашему.

№ 70. 1714, 12 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!

Объявляю вам, что мы на шведской остроф Алант без всякого препятія вступили; также идучи к нему и у него взяли 7 шкун с людьми и пожитки, кои бежали в Скокхолм. Скота великое множества, так что в один день в одном месте сыскали 500 скотин. А о адмирале шведском не ведаем – где, а сказывают, что бутто стоит у стокгольского входа.

Петр.

От Аланта, в 12 д. авьгуста 1714. P. S. Поцелуй потрох наш за меня.

№ 71. 1714, август. ^[187] Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Милостивое ваше писание, писанное из Абоу августа от 4-го дня чрез

Аврама арапа,^[188] я получила, за которое покорно благодарствую, и по оному путь свой отсель восприиму конечно с 16-го числа сего месяца, о чем я и прежде сего к вашей милости писала. Инаго ныне доносить вашей милости не имею, токмо что у нас здесь за помощь Божию все благополучно состоит.

№ 72. 1714, 5 сентября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!

Письмо твое о п̄ришествии его величества^[189] я получил, и итить готовы, но для противьнова ветру скоро поспеть не чаю; также и Александр Данилович сказал, что ранее вторника вората и п̄ротчее не поспеют. Того для положили, чтоб сего дня, как возможно, далеко отойтить отсюда, а завѣт[р]о конечно к преспективе дойти, дабы во вѣторник, Богу изволшу, ранее вход свой отп̄равить. И буде возможно, чтоб ты завѣтра выехала в Котерингоф к обеду, куды и я завѣтра буду; а можешь тогож дни к вечеру возвратитца повидавься, ибо позавѣтрее до вечера видеть меня бутет тебе не возможно. Благодарствую за п̄[ре]зент, а наипаче, что з Баклановским пива прислала, ибо уже наше подобралось. Также прошу, чтоб погодила до середи распростатца.

Петр.

От Кроншлота, с карабля с. Екатерины, в 5 д. сентебря 1714.

№ 73. 1715, 9 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй! Объявляю вам, что мы вчерашнаго числа прибыли сюды, слава Богу, счастлива, так что во вьсю дорогу парусоф не опускали; толко погода была зело тиха. Впротчем все здесь благополучно, и навин никаких нет.

Петр.

Из флота от Ревеля, в 9 д. июля 1715.

Р. С. Ежели еще не п̄роехали Нарву, поежжайте вниз Луги в наши

деревни, и там посмотрите места, где заводу стеклянному^[190] и двору для приезду удобно быть.

№ 74. 1715, 19 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!

Мы третьево дни около полуночи сюды пришли благополучно; а господин адмирал вчера по полудни сюды прибыл, а замешкался для того, что бы[л] ево карабль Викътория^[191] у Наргена на мели. Мы чаем завътра в путь свой, ежели Бог изволит, итить; и когда министры наши прибудут в Ревель, и какие будут нужныя писма, чтоб посылали в Гапъсаль, где г. адмирал опьределил порутчика Рамбоу с руским брегантинам, которой писма будет принимать и к нам отвозить, и от нас в вышереченное место привозить.

Петр.

Из флота от Рогорвека, в 19 д. июля 1715.

№ 75. 1715, 23 июля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Милостивые ваши писания я получила, за которые покорно благодарствую. Доношу вашей милости, что сего дня прибыли сюда аглинской и галанской флоты и стали на якорях, верстах в трех и в 4-х от гавани. Я зело сожалею, что ваша милость не изволили видеть, как оные флоты сюда входили, и уже пенять не на ково; ибо когда изволили быть на Котлине острову – тогда изволили на меня пенять, а ныне не от меня случилось, что ваша милость не видали – как те флоты сюда входили.

Светлейший князь и Гаврило Ивановичь и прочие министры наши сюда приехали, которым я указом вашим объявила: ежели они имеют нужнейшие писма, тоб отправляли к вашей милости чрез Гапсал.

Впрочем, от сердца желаю счастливого вашего сюда прибытия, что дай, Боже, в скором времени.

В 23 де[нь] июля 1715, от Ревеля.

№ 76. 1716, 29 января. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинькой, здравствуй!

Объявляю вам, что я в Дудорове в великом сумнении был, понеже так малой переезд, а так мне труден был зело тот день, как отъехал, и чаял, что мне невозможно будет пути своево за слабостию продолжать; но вчерашнево дни, как поехал, то час от часу, слава Богу, лутче стала. И что слышал в диафърагмени месте, то в пути меншетъ стала, отчего осмелился и ночью ехать, но и то безвредно было, так как преж сего. Итак теперь збылась пословица, что обыкновение другая природа. Я сего дня отсель в путь поеду, и желаю, дабы вас скоро видеть у себя. Хотя ты меня и не любишь, аднакож, чаю, что тебе сия ведомость не пьротивьна, и рюмьку выпьешь купьно с своими столпами.

Петр.

В Нарве, в 29 д. генваря 1716.

№ 77. 1716, 9 февряля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!

Я сюды приехаф, осведомился, что на Виндоу более 15 миль лишку; того ради велел опять на стараю дорогу подводы перевестъ. А я здесь до тех мест побуду, пока переведут подводы; к тому ж разтресло, мало можетца. Приежай, друг мой сердешнинкой, ко мне скоряя, чтоб не так скучно было.

Петр.

Из Марингофа, в 9 д. февряля 1716.

№ 78. 1716, 19 апреля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй! Попались мне встречю Бекълемишеф и живописец Иван. И как оне приедут к вам, тогда попроси короля, чтоб велел свою персону ему списать; также и протчих, каво захочешь, а особливо свата, дабы знали, что есть и из нашево народа добрыя мастера.

Петр.

Из Экестоля, в 19 д. апыреля 1716.

№ 79. 1716, 26 апыреля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушъка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Объявляю вам, что я, слава Богу, со фсем галерным флотом вчерась сюды прибыл счасливо. И понеже в устье реки мелко, того ради галеры принуждены выгружать; и чаю завътра или кончае позавътрее с одною эскадрою к вам быть, понеже за мелью со фсем быть не чаю.

Петр.

3 галеры Делфина, в 26 д. апыреля 1716.

№ 80. 1716, 23 мая. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Благодарствую на пьрезенте; також и я отсель к вам посылаю взаимно. Право на обе стороны достойныя презенты: ты ко мне прислала для вспоможения старости моей, а я посылаю для украшения молодости вашей.

Петр.

Отъезжая из Алтенау, в 23 д. маия 1716.

№ 81. 1716, 30 мая. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Мы вчерась почали воду пить. Дай Боже, чтоб полза была, а ныне противьности не видим; но почело сего дня операция быть. Я наде[ю]сь, что сия вода великова действия, ибо еще как стали приехать, дни за три великой опетит почал быть.

Петр.

Из Пиремонда, в 30 д. мая 1716.

P. S. Я николи в сей день так абидим не был, всегда вина много пивал; а ныне воду, толко мала вина.

№ 82. 1716, 5 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Письмо твое получил и презент; но чаю, что дух пророческой в тебе есть, что одну бутылку прислала, ибо более одной рюмки его не велят в день пить; итак сего магазина будет с меня. А что пишешь, что за старова не признаваешь, и то толко покрываешь презент первой, дабы люди не догадались; а рассудить мочно, что молодья в ачки не смотрят. Впрочем, дай Бог, видеть вас вскоре; вода действует зело, толко уже скучно стала.

Петр.

Из Перамонда, в 5 д. июня 1716.

№ 83. 1716, 11 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Письмо твое чрез Кашелева получил, на что инаго ответствовать не имею, но надеюсь, Богу изволшу, дней в де[с]ять вас видеть; ибо по трех днях кур^[192] или петух наш окончатца. Обоз свой отпусти с Алыбердеевым, понеже путь далнай.

Петр.

Из Перемунда, в 11 д. июня 1716.

№ 84. 1716, 3 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!
Объявляю вам, что я, слава Богу, переехал изрядно, и еже бы я знал сии места, что так удобно, то б конечно взял тебя с собою, о чем сожалею.
Петр.
С Гукара при Фалтере, в 3 д. июля 1716.

№ 85. 1716, 7 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй! Объявляю вам, что мы з галерами вчерась сюды прибыли, слава Богу, благополучно. Дай знать, как сюды будете, дабы я вас мог вст[р]етить, понеже чины неописанныя здесь, и я вчера в такой церемонии был, в какой более дватцети лет не бывал.
Петр.
Ис Копенгагена, июля в 7 д. 1716.

№ 86. 1716, 13 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!
Сего дни поутру шнава Лизет пришла и что глас видит, а зуб неймет – сказали. О здешнем объявляем, что балтаемся туне; ибо что маладия лошади в карете, так наши соединенныя, а наипаче каренныя: сволочь хотят, да каренныя ни думают; чего для я намерен скоро отсель к вам быть, что дай Боже!
Петр.
С Ингермонландии от Борнъголма, в 13 д. июля 1716.

№ 87. 1716, 18 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Понеже господа шведы нам очей своих показать не изволили, того для я поехал от флота к вам, но за противными зело жестокими ветры не мог скоро к вам быть. Того для разсудил сюды заехать для побуждения транспорту, а когда мало ветр будет лехче или лутче, поеду к вам, что дай Боже!

Петр.

Из Стралзунта, в 18 д. августа 1716.

№ 88. 1716, 17 ноября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

О здешнем объявляю, что наш приезд сюды не даром, но с некоторою ползою. Мы отсель поедем сего дня; дай Боже, чтоб до места уже даехать и вас скоряя видеть: веревачка покою не дает.

Петр.

Из Габельберга, в 17 д. ноября 1716.

Р. С. К^[193] подарил меня изрядным презентом – яхтою, которая в Посдаме зело убраная, и капинетом ентарным; о чем давню желали.

№ 89. 1716, 23 ноября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Писмо твое чрез Семена получил, на которое ответствую, что пишет Александра Данилович, что у М.....^[194] четвертой зуб вырезался; дай Боже, чтоб и все так благополучно вырезались, и чтоб Господь Бог дал нам его видеть в возрасте, наградя сим прежнею о братьех его печаль. Что же пишешь, чтоб по вас поскорей прислать, истинно трех дней не умедлею, приехав в Голандию, куды чаю поспеть в конце будущей недели; здесь насилу в три дни по пьриезде своем управили дорогу, понеже чрез многая владении. Также когда поедешь, певчих и протчих, кои в дороге вам не

нужны, отправьте в Пейцынбурх, где ф[ельд] маршал наш, и оттоль до Амбурха водою, а в Амбурхе вели нанять шмак или тялк^[195] до Голандии, для чего человека пошлите такого с ними, хто бывал в Голандии. Поздравляю вам завьтрашним днем тезоименитства вашего; дай Боже скоряя вас видеть! а отправя сей день, позавьтрее рано пое[д]ем в Голандию.

Петр.

Из Алтена, в 23 д. ноября 1716.

Р. С. Слышал от присланнова о великой амазонской баталии между столпы,^[196] а у нас о нашем столпе и ваших глазах (sic) донесет вручитель сего.

№ 90. 1716, 28 ноября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравьствуй!

Понеже починают быть марозы, того для что ранее – то лутче ехать вам. Я хател к вам из Амстрадама писать; но ныне сколь скоро доеду до каналов, тотчас к тебе отпишу и маршърут пришлю (а между тем посылаю Семена Нарышкина в Гамбурх, дабы тебя там дождался и дарогу учредил). А о езде твоей кладу на вашу волю: или дождався другога писма поедете из Шверина, или по сему поедете, а другога писма в Гамбурх[e] будете дожидатца; понеже пока мы доедем до каналов, вам от Гамбурха ехать невозможно, ибо еще сами прямо не знаем – на которыя места поедем от Бремена.

Петр.

Из Бременфер, в 28 д. наебря 1716.

№ 91. 1716, 1 декабря. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравьствуй!

Писал я к тебе чрез дядю, чтоб, буде хочешь, ехать в Амбурх, или другога моево писма дожидатца в Шверине. Но ноне объявляю, что вам

сею дорогою отнюдь ехать невозможно, понеже грязи и воды около Бремена так велики, что выше ступицы; также впереди в Голандии дам^[197] от моря прорвола и потопила землю, что и сами не знаем, куды проехать; а ныне починают быть морозы, то и подумать нельзя. Того для лутче вам дорогу (ежели не поехали) не на Амбурх, но прямо на Минден и Везель, которую дорогою я бывал от Миндена до Везеля изрядно; толко от вас до Миндена не знаю, о чем писал я к Толстому в Гоновар, дабы сей или иной путь вам учредить, толко б не сей, коим мы ехали. И как исправитесь – поезжайте, не дожидаясь моего писма, понеже время уже зело позно. Дай Боже, чтоб здрава проехали, в чем опасение имею о вашей непъразности. О которых я писал, чтоб водою отправить, отправляйте не мешкоф, дабы марозы не захъватили.

Петр.

Из Лингена, в 1 д. декабря 1716.

№ 92. 1716, 2 декабря. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Писал я вам пред сим, что и ныне подтвержаю, дабы сею дорогою не ехали, понеже неописанна худа, но чтоб ехали на Минден и Везель или иною, толко б к той же стороне; понеже от Миндена я знаю, толко до Миндена не знаю: первое, что дорога лутче; другое, что от Везеля водою вниз Реною^[198] до канала, а каналам чрез Утрехт в Амстердам; третие, что до Везеля дадут дарам подводы, а сею дорогою чрез Галандию мы подвод не нашли, но принуждены нанимать. Также людей немного берите, понеже зело дорого станет житье в Голандии; также и певъчих, буде не уехали, полно половины. О дороге писал я к Толстому в Гановер, дабы там о подводах старался.

Петр.

С рубежа голанского, из Омерса, в 2 д. декабря 1716.

№ 93. 1716, 3 декабря. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Дубликат.

Катеринушъка, друг мой сердешнинкой, здравъствуй!^[199] Писал я к вам пред сим, что и ныне подтверждаю, дабы сею дорогою, которою я ехал, тебе не ездить, понеже неописанно худа, но чтоб ехать на Минден и Везель или иною, толко б к той же стороне (понеже от Миндена я знаю, толко до Миндена не знаю): первое, что дорога лутче; другое, что от Везеля водою вниз Реною до канала, а каналом чрез Утрехт в Амстердам; третее, что до Везеля дадут даром подводы, а сею дорогою чрез Галандию мы подвод не нашли, но принуждены нанимать. Также людей немного берите, понеже зело дорого станет житье в Галандии; также и певчих, буде не уехали, полно половины, а другую оставте в Мекленбургии. О дороге писал к Толстому в ГанOVER, дабы там о подводах старался. Как я, так и въсе со мною здесь зело сожалеют о нынешней дороги вашей; и ежели ты можешь снести, лутче б там осталась, понеже не без опасения от худой дороги. Аднакож будь в сем воля твоя, и для Бога – не подумай, чтоб я не желал вашей езды сюды, чево сама знаешь, что желаю; и лутче ехать, нежели печалитца. Толко не мог удержатца, чтоб не написать; а ведаю, что не утерпишь, и которою дорогою поедешь – дай знать.

Петр.

Из Гора, в 3 д. декабря 1716.

№ 94. 1716, 8 декабря. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравъствуй!

Объявляю вам, что я третьева дни в Амстердам прибыл благополучно. О дороге вашей уже троекратно писал, что и ныне потвержаю, чтоб отнюдь нашею дорогою не ехали, но на Везель, понеже весма б вам несносна была; а чаю – и въсе ныне зело трудны; аднакож не чаю – так, как та, которою мы ехали. А когда можете быть в Везеле, дайте знать с сим посланным.

Петр.

Из Питербурха,^[200] в 8 д. декабря 1716.

№ 95. 1716, 23 декабря. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Письмо твое получил, на которое ответить не имею чего; толко когда приедешь в Везель, и буде тут судов не найдешь, то сыщите суды в Дуселдорфе и поезжайте Реною до того канала, которой из Рены к Утрехту идет, и дайте знать, как туды прибудете, дабы я вас мог там в[с]третить с трех яхтами.

Петр.

Из Амстердама, в 23 д. декабря 1716.

№ 96. 1716-1717. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Вручитель сего писма, при отъезде своем отсель, просил меня именем его светлости герцога и племянницы нашей, також и сама она ко мне писала, дабы я предстателствовала вашей милости об известных нуждах его светлости. И хотя я ведаю, что и без сего прошения ваша милость не изволите того оставить, что принадлежит в их пользу; однакож я не могла оставить вашей милости о сем не напомянуть, и прошу, дабы по возможности изволили показать к ним свою милость.

№ 97. 1717, 2 января. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Письмо твое я чрез Толстова получил, и хотя ты меня обнадеживаешь, чему и верю и не верю. Дай милостивой Боже тебе здорово разрешитца от бремене, дабы по милости своей сим наградил мои печали. Я рад бы сам вместо сего писма к вам ехать, и чаял бы застать; но понеже сухим путем ныне не могу, ибо пред несколькими днями чечюй^[201] явился; аднакож чаю скоро свободы, и поеду к вам. Дай Боже, чтоб сие письмо вас уже разрешенных застала, чего в олтерацыи^[202] своей и радости дожидаюсь по

вья часы.

Петр.

Из Амстердама, в 2 д. генваря 1717.

Дохтор Арескин сего ж дни отправляет отсель лекаря, которой здесь зело славин в сих делах. Да[й] Боже, чтоб ему столко ж было дела, как прошлого году дохтуру было.

№ 98. 1717, 4 января. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Зело радосное твое п[и]сание вчера чрез Мавьрина получил, в котором объявляешь, что Господь Бог нас так обрадовал, что и другова рекрута даравал, за что да будет выну хвала ему и незабвенное благодарение! Сия ведомость вдвое обрадова: первое, о новоражденном, а паче, что вас Господь Бог свободил, отчего и мне стала полутче; ибо от самава Раждества Христова столь долго сидеть не мог, как вчерась. Я сердечно желаю сего нововыежаго гостя видеть, толко еще несколько дней [не] могу в дорогу ехать, а особливо сухим путем для тресенья; я не знаю, за какую вину сей мой уд страждет, ибо воистинну невинавен, разве за другой, которой пов..... О здешнем писать не имею, толко, как мочно будет, поеду к тебе немедленно. Дай Боже, чтоб вы от всех припатков и натуральной сей болезни свободны были и вас бы застать здоровых.

Петр.

Из Амстердама, в 4 д. генваря 1717.

№ 99. 1717, 11 января. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!

Писмо твое получил (о чем уже прежде уведал) о незапном случае, которой радость в печаль пременил. Но что ж могу на то ответство дать? токмо со многострадалным Иевом: Господь даде, Господь и възят; яко же годе ему, тако и бысть. Буди имя Господне благославленно отныне и до века! Прошу вас також о сем разсуждение иметь; а я, колко могу, разсуждаю. О

себе объявляю, что, слава Богу, час от часу умаляетца моя болезнь, и чаю в[с]коре выходить из дому, а и была не иная какая, толко чечуй; а въпротчем, славлю Бога, здороф, и давно б ехал к вам, ежели б водою мочно было, а сухим путем еще боюсь разтрес[ть]ся; к тому ж ожидаю ответа от аглинского караля, которого на сих днях сюды ждут. Паки прошу, дабы вы обо мне нимало не мыслили о болезни; и для того послал Румянцова, чтоб вам умел лутче словами изъяснить, что я, слава Богу, не толко теперь, но ниже был тяжело болен.

Петр.

Из Амстердама, в 11 д. генваря 1716. [\[203\]](#)

№ 100. 1717, 18 января. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Румянцоф от вас сюды приехал и писмо вручил; толко зело мне болезненно, что ты не веришь, что я к тебе пишу: истинно все правьда, и кончая хотел по двух или и трех днях ехать к вам. Но в ту же ночь припала лихоратка; и правьда, два дни крепько держало, но, слава Богу, дохтор розорвал; потом три дни еще была, толко гораздо лехче, а сей третей день как вовьсе покинула. Ей, верь Господу Богу, ни малова утаил или прибавил, но въсе, как было; и ныне, кроме обыкновенной слабости, ничего нет, для которой в нынешней худой воздух вскоре вытить не чаю. Но ежели даст Бог вам совершенъное облехченье, то зело желаю вас видеть здесь; авось могу и въсьтретить, а без вас скушнохонка; сама знаешь: так блиско живем, а не видимся. Благодарствую, друг мой, за пьрезент венгерского; толко такъже не в час привезен, как покойни[й] Семен Минич в Бешенкавичи некоторой презент привез. Паки, оставя шутку, Богом вас прошу: не думайте инако, и меня тем не крушите.

Петр.

Из Амстердама, генваря в 18 д. 1717.

№ 101. 1717, 23 января. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Письмо твое чрез Толстова я получил, за которое благодарствую, и вас зело с радостию ожидаю, что дай Боже! Толко паки пращу, чтоб осмотрясь, буде без вреды будет езда. А о себе объявляю, что как с Румянцовым писал – слава Богу, с тех пор лихоратка не помянулась более, и ныне обыкновенное безсилье да чечуей, аднакож и оной меншеет; я ныне почал выходить в другую избу.

Петр.

Из Амстердама, в 23 д. генваря 1717.

№ 102. 1717, 28 февраля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Объявляю вам, что мы были везде, где было намерение, и приехали сюды, куды и вас с компаниею желаем, чтоб завътра абедасть сюды были, и чтоб служителей немного за собою брали с собою. О чем министром и протчим скажи.

Петр.

Из Питербурха, в 28 д. февраля 1717.

№ 103. 1717, 1 апреля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Апърель 1717, из Антверпена. [\[204\]](#)

№ 104. 1717, 2 апреля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Объявляю вам, что я третьево дни сюды приехал, а сего дни отъежжаю в Б[р]усель. И понеже еще во Фъландрии много городоф, котория смотреть надлежит; того ради не чаю к пъразнику до того места

доехать, о чем ты ведаешь, но во Фляндрии оной взять. Того для пришли седмь человек певчих и церкофь, которая в Гаге, а к себе возми из Амстердама, и придай им человека, которой по немецки умеет, и вели им ехать в Брусель прямо, а оттоль – где буду обретатца; понеже сей город суть столица, и могут тотчас сведать, где я буду.

Петр.

Из Антверпена, в 2 д. апыреля 1717.

№ 105. 1717, 6 апыреля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Чрез сего вручителя к доношению вашей милости отсель ничего не имею, токмо поздравляю вас, батюшка мой, приходящим праздником Вшествия Христова во Иерусалим. Дай, Боже, вам сей праздник в радости препроводить, и другога потом вскоре ожидаемого праздника достигнуть в добром здравии, чего я от всего сердца желаю. И прошу вас, батюшка мой, дабы в милостивых своих писаниях меня не оставляли; понеже мне не бес печали, что я такие великие торжественные праздники в разлучении с вами буду праздновать. При сем же не могла я оставить, дабы к вашей милости не отписать, что я желаю ведать: изволи[ли] ль ваша милость вспомнить в 5-м числе апыреля^[205] выкушать по рюмке вина, так как и первое число марта? А я чаю, что изволили запомнить; и о сем прошу, дабы изволили ко мне отписать.

Из Гаги, в 6 де[нь] апыреля.

№ 106. 1717, апырель.^[206] Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Вчашняго числа получила я ваше милостивое писание, из Антверпена писанное, купно и з другим писмом, в котором написан апырель, и за оные писания вашей милости нижайше благодарствую. И по вашему милостивейшему повелению певчих, таж и церковь отправлю немедленно в Брюссель, а оттоль велю им ехать туда, где ваша милость будете обретатца. Отсюды к доношению вашей милости ныне более не

имею, токмо что я на будущей неделе поеду отсель в Амстердам, и надеюсь там праздник взять. При сем посылаю письмо, писанное к вашей милости от детей наших. Впрочем молю Всевышняго, да управит путь ваш по благому намерению вашему.

№ 107. 1717, 7 апреля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

А мы, слава Богу, здоровы. Посылаю к тебе кружива на фантанжу и на агажанты,^[207] а понеже здесь славьныя кружевы из всей Эуропы и не делают без заказа, того для пришли образец, какие имена или гербы во оных делать. Хотя мы сего дня и отъежаем отсель; аднакож где мы ни будем, а когда получю от вас образцы, то на почте пошлю сюды. Посылаю с сим письмом к вам Фитингофа, которому вели быть при себе, пока вмес[т]е съедемся; а с собою не взял для того, что там люди, сказывают, горзда отвореныя глаза имеют, а он наш брат.

Петр.

Из Бруселя, в 7 д. апыреля 1717.

№ 108. 1717, 10 апреля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушъка, друг мой сердешнинкой, здравствуй! Отпустил я к вам свой ш[л]юпъс-бот с сержантом, которое судно велел объявить вам.

Петр.

Из Ниупорта, в 10 д. апыреля 1717.

№ 109. 1717, 12 апреля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Доношу вашей милости, что я третьяго дня сюда приехала благополучно; и по приезде своем получила письма ис Питербурха от детей

наших, в которых пишут, что они за молитвами вашими обретаются, слава Богу, в добром здравии. Более сего ко известию ныне вашей милости не имею; и того ради прекрати сие, остаюсь.

Из Амстердама, во 12 день апреля.

№ 110. 1717, 13 апреля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!

Объявляю вам, что мы четвертого дни во Върянки^[208] въехали со фсею компаниею и до зафтрее побудем здесь, а завътра поедем в Кале, где и пъразник надеемся взять. Новова писать не имею, толко старая: дай Боже паки съехатца, а без вас скучно.

Петр.

Из Дюнкеркена, в 13 д. апыреля 1717. В самы[й] день праздника с. Лазыря.

P. S. Зело жалка смотреть на руину сей фортеции, а наипаче гавани.

Певъчия приехали третьево дни, за что благодарствую.

№ 111. 1717, 17 апреля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Объявляю вам, что мы в прошлое воскресенье приехали сюды, слава Богу, здорово, и отсель, Богу изволшу, назавътрее праздника поедем в Париж. Новова отсель писать нечево, толко что флот аглинской пред петью днями пошел в путь свой.

Петр.

Из Кале, в 17 д. апыреля 1717.

Не дивъно к иным, и х калагъривой матресишке стала ревновать.

№ 112. 1717, 19 апреля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Поздравляю вас, батюшка мой, с наступающим праздником живоносного Христова Воскресения, желая от всего моего верного сердца сей дражайший праздник в радости вам препроводить при таком пожеланном благополучии, и да сподобит вас оный всемогущий Господь Бог и впредь многих таких торжеств в добром здравии достигнуть.

Ваши милостивые два писания я получила: первое чрез Фитингофа, другое чрез сержанта Шетнева, за которые вашей милости нижайше благодарствую; и особливо благодарствую за присланные кружива брабанские, которые я також в целости получила. А что изволили вы милостиво ко мне писать, чтоб прислать обрасцы, какие мне еще надобны кружива; и хотя я и не хотела тем утрудить вашу милость, однакож при сем образец посылаю и прошу против одного приказать зделать на фантанжи, толко б в тех круживах были зделаны имяна ваше и мое, вместе связанные. При сем доношу вашей милости, что отправленной от вас шлюпсбот с вышепомянутым сержантом сюда в целости пришел; толко зело мне удивительно, что такова старика изволили ко мне прислать, а не молодого; и посему знатно, что ваша милость изволите иметь шелузию.^[209] Что же изволили вы упомянуть в писании своем о Фитингофе, и понеже он то ваше письмо подал он в то время, как я уже кофе пила, и для того мне не так тошно было; но ежели б он прежде того то письмо мне подал, то б правда, что не бес тоски было.

В 19 де[нь] апреля, из Амстердама.

Которую мартышку желали мы взять к своей в товарищи, и тое нам не отдали; однакож она на другой день по моем отъезде умерла, а наша обретаецца в добром здравье и вашей милости поклон посылает.

№ 113. 1717, 22 апреля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешниной, здравствуй!

Поздравляю вас праздником Светлого Христова Воскресенья со фсеми добрыми людми и с нашим потрохом, о[со]бливо с тем, от кого ты безтолковою грамотку прислала. Дай Боже видеть ево в радости! Благодарствую за венгерское, которое здесь зело в диковинку; а крепиша^[210] толко одна фляша асталась, не знаю, как быть. Посылаю к вам

карлу француженина, которого я принял; изволте ево в призрении иметь, чтоб нужды не имел.

Петр.

Из Кале, в 22 д. апреля 1717.

Завътра, Богу изволшу, поедем в Париж.

№ 114. 1717, 22 апреля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Ваше милостивое писание из Дункенкена, от 13 апреля писанное, я со мною радостью получила, за которое вашей милости нижайше благодарствую, прося, дабы и впредь милостивыми своими писаними не изволили меня оставлять. Из оногo вашего писания уведомилась я о вашем прибытии во Францию, и сим благополучным прибытием вашу милость покорно поздравляю. Дай, Боже, счастливое возвращение и свидание! Что же изволите писать, что во фрянки^[211] въехали, и мне кажетца – довольно было и тех, что и отсель некоторые повезли с собою. А что изволили упомянуть, что вам без нас скучно, и тому верю. Однакож я чаю, что вашей милости не так скучно, как нам; ибо вы всегда можете Фомин понедельник там сыскать, а нам здесь трудно сыскивать, понеже изволите сами знать – какие здесь люди упрямые! Ис помянутого ж вашего писания уведомилась я, что певчия к вам приехали к празднику святого Лазаря, и за отправление их изволите благодарствовать; и посему знатно, что из оных певчих один нужняя других вам был, которой к Лазореву дню подъехал. За сим вручаю ваше дражайшее здравие в защищение и милость воскресшему Христу Господу.

Из Амстер[дама], в 22 де[нь] апреля.

№ 115. 1717, 28 апреля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнишкой, здравствуй!

Объявляю вам, что я третьего дня ввечеру прибыл сюды благополучно, и два или три дни принужден в доме быть для визит и протчей церемонии, и для того еще ничего не видал здесь; а з завътрее или

послезавътрее начну всего смотреть. А сколько дорогою видели, бедность в людех подлых великая.

Петр.

Из Парижа, в 28 д. апыреля 1717.

P. S. Слюпъс-бот, которой отправлен к вам, отправьте к Амбурху, и оттоль чрез слюзы до Люпъка, а от Любка до Ростака, наняф трех человек матрозоф или двух и придаф своего человека. Болшей слюпъс-бот, которой делает бас^[212] фон-Рен, ежели камвой голанской будет, то отправьте его с ним до Питербурха; буде же не будет, то не вели спускать до меня. Сего моменту писма [ва]ше, исполненное шуток, получил; а что пишете, что я скоряя даму сыщу, и то моей старости не прилично.

Зело благодарствую за присылку венгерскаго, которое так у нас подобралось, что вместо лекарства пью по одной рюмке в день, и то не по вься дни.

№ 116. 1717, 2 мая. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешниной, здравствуй!

Объявляю вам, что в прошлой понеделник визитовал меня здешней каралища, которой палца на два более Луки нашева, дитя зело изрядная образом и станом, и по возрасту своему доволно разумен, которому седмь лет. Тапицерейная^[213] рабо[та] здесь зело преславная, того для пришли мою партрету, что писал Мор, и свои обе: которую Мор и другую, что француз писали, такъже и крепиша с племянником, а буде оной уехал, то с Орликовым, дабы здесь тапицерейною работою оных несколько зделать, такъже и финифтных маленьких, ибо еще тот мастер жив – кои делал в Англии при мне, и ныне здесь. Такъже отпиши ко мне: лакавай мастер, которой в Везеле тебе говорил, умеет ли на полотне лакировать?^[214] и буде умеет, хотя б маленькую штучку своего мастерства прислал сюды.

Петр.

Из Парижа, в маяя в 2 д. 1717.

P. S. Француза живописца Натиера пришлите сюда ж вместе с племянником или Орликовым, и велите тому живописцу взять с собою картину, которую он писал о Левенгопской баталии.

№ 117. 1717, 5 мая. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Ваши милостивые писания я получила: первое ис Кале чрез присланного карлу француженина, другое ис Парижа от 29 прошедшаго апреля, за которые покорнейше благодарствую. И по вашему милостивейшему повелению шлюпсбот, которой вы изволили сюда прислать, отправлю к Гамбурху и оттоль до Ростока, наняв здесь матрозов двух или трех человек, и придам ко оным своего человека. А большой шлюпсбот, которой делает бас фон-Рен, до вашего – дай, Боже! – счастливого сюда прибытия спускать не будем; понеже о комвое здешнем сказывают, что сего лета не будет; а чтоб оной на берегу не разохся, и для того велю ево накрыть. Из ваших же милостивых писем усмотрила я, что ваша милость в венгерском вине имеете нужду; и о сем сердечно сожелею, и с сим вручителем посылаю того вина несколько бутылок. Дай, Боже, во здравие вам употреблять; а ежели б я при вашей милости была, то не чаю, чтоб вы имели такую нужду в венгерском вине.

Вручитель сего писма по указу вашему поехал отсель к вашей милости, которого вам рекомандую, и прошу, чтоб вы были к нему милостивы. И хотя мне и не без нужды в нем здесь было, понеже он один при мне был, однакож и того изволили взять к себе; и для того прошу, ежели возможно, паки ево ко мне прислать, или Семена Григорьевича.

В 5 де[нь] мая, из Амстер[дама].

№ 118. 1717, 15 мая. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

На пршлой почте получила я ваше милостивое писание, от 2 дня сего мая ис Парижа писанное, за которое всенижайше вашей милости благодарствую, и на оное покорно ответствую. Живописца француза Натиера отправила я к вашей милости с Орликовым, и с ним посылаю партрет свой, которой он писал. А вашего и моего другова партретов, которые писал Мор, не могла ныне послать для того, что он взял их к себе дописывать; и сколь скоро оные совершит, то немедленно отправлю с нарочным к вашей милости. К лаковому мастеру, которой в Везеле, писано, чтоб он прислал пробу, ежели может на полотне лакировать; и как пришет,

то також отправлю к вашей милости на почте. С сим вручителем посылаю к вашей милости крепыша шесть бутылок; дай, Боже, вам оное во здравие употреблять! Впрочем я сердечно желаю благополучного и скорого с вашею милостию свидания.

В 15 де[нь] мая, ис Питербурха.

Капитан Бредаль с караблем Егудиилом прибыл к Текселю благополучно; с ним же и домовый бес приехал.

№ 119. 1717, 19 мая. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнишкой, здрафъствуй!

Благодарствую за пьрисылку партреты (а не хари, толко жаль, что стара; пьрисланной хто говорил – племянник, а то б мочно за сие слово наказанье учинить), такъже и за лекарство. Отсель новова писать не имею, толко все благополучно; но надеюсь, с помощью Божию, вскоре что доброе отписать к вам.

Петр.

Из Парижа, в 19 д. мая 1717.

№ 120. 1717, 25 мая. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Милостивое ваше писание, от 19 сего мая писанное, я получила, за которое всенижайше благодарствую, покорно прося впредь не оставлять меня в своих милостивых писаниях; а что чрез 4 почты не получила я ваших писем, и то признаваю для того, что ваша милость ныне при множестве фантаннах и прочих таких забавах пребываете, и нас забываете. При сем же немало сожалею, что я такого плезиру видеть лишилась; однакож ничего так не желаю, как чтоб мне благополучно вас видеть. Что же изволили ваша милость упомянуть в писании своем, что впредь надеетесь нечто доброе писать, и сему я сердечно радуюсь и желаю, дабы всемогущий Бог исполнил все ваши намерения по обыкновенной своей к вам милости. Поздравляю вас, батюшка мой, днем вашего дражайшаго рождения. Дай, Боже, оной день в радости вам препроводить, и потом и

тезоимянитства своего достигнуть в добром здравии; а особливо к моему несчастью причитаю, что уже два года без вашего присутствия принуждена буду оной день праздновать. С сим вручителем посылаю я к вашей милости крепыша несколько бутылок; изволте употреблять во здравие. Також хотя и есть, чаю, у вас новые портомой, однакож и старая не забывает и посылает дюжину рубах и галздуков новых, такъже камзол и шлафрок.

В 25 де[нь] мая, из Амстер[дама].

№ 121. 1717, 10 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй! Письмо твое чрез Мавьрина получил в 29 д. прошлого месеца в Марли, но презент толко вчерась; ибо не взял писма о тех вещах, которья для пошлин удержаны были, пока по них указ из Парижа послали. Вччерась мне отдали, за которые благодарствую, а паче за крепиш. А что пишешь, что у нас хотя и есть портамой, аднакож вы послали рубашки, и то, друг мой, ты чаю описалась, понеже у Шафирова то есть, а не у меня; сама знаешь, что я не такофской да и стар. Отсель новова писать нечево, толко что мы вчерась из Парижа поехали прямо в Шпа, и чаем в пять или 6 дней зачать воды пить; а оттоль к вам. Дай Боже в радости вас видеть и въскоре.

Петр.

Из Невъри, 3 мили от Парижа, в 10 д. июня 1717.

№ 122. 1717, 11 июня. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I

Отсюды к доношению Вашему Величеству ныне более не имею, токмо что получила я писма ис Питербурха от князь Александра Даниловича, в которых пишет, что хозяин наш питербурхской^[215] обретается, слава Богу, в добром здравии; Царевна Елизабет Петровна, хотя и была болна оспою, однакож, благодаря Бога, от оной болезни уже освободилась бес повреждения личика своего. А в последнем своем писме от 20 мая пишет он, что и на Царевне Анне Петровне такая ж болезнь явилась; и для опасности, чтоб не прилипла и к Царевичю, перевезли ево из двора Савы

Рагузинского в летней дом. Правда, что сия ведомость мне не беспечална, однакож да будет в том воля Божия; он силен избавить его от оной болезни. При сем я всенижайше прошу Ваше Величество, дабы не изволили оставлять меня милостивыми своими писаниями; а мне зело печално, что я уже чрез несколько почт писем от Вашего Величества не имею. Впрочем сердечно желаю, да сподобит Всевышний в скором времени персонально мне видеть Ваше Величество, ибо без вас уже гораздо скучило.

В 11 де[нь] июня, из Амстер[дама].

№ 123. 1717, 18 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешницей, здравствуй! Инаго объявить отсель нечего, только что мы сюды приехали вчерась благополучно; а понеже во время пития вод домашней забавы дохторы употребляют запырещают, того ради я матресу свою отпустил к вам; ибо не мог бы удержатца, ежели б при мне была.

Петр.

Из Шпа, в 18 д. июня 1717.

№ 124. 1717, 20 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешницей, здравствуй!

Письмо твое от 11 д. сего месеца вчерась я получил, в котором пишешь о болезни дочерей наших, и что первая, слава Богу, свободилась, а другая слегла, о чем и к[нязь] Александра Данилович пишет ко мне; но переменной штиль ваш так меня опечалил, о чем скажет вам доноситель сего, ибо весьма иным образом писана. Дай Боже, чтоб о Аннушке так слышать, как о Лизенке. А что ты пишешь ко мне, чтоб я скоряя приехал, что вам зело скушно, тому я верю; только шлюсь на доносителя – каково и м[н]е без вас, и могу сказать, что, кроме тех дней, что я был в Версалии и Марли, дней з 12, сколь великой плезир имел! А здесь принужден быть несколько дней, и когда отопью воды, того же дня поеду, понеже только семь часов сухава пути, а то все водою. Дай Боже в радости видеть вас,

что от сердца желаю.

Петр.

Из Шпа, в 20 д. июня 1717.

Р. С. Дядю по[с]ылаю с сим письмом к вам, а пьрежде, по желанию вашему, нельзя была ево послать за болезнью; а Пьлатон послан был сюды для заимки дворов. Сего утра я получил радосную ведомость, что Аннушки есть лехче; итак начал веселее воду пить.

№ 125. 1717, 23 июня. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Вашего Величества милостивейшее писание, от 10 дня сего июня писанное, я получила, и за оное нижайше благодарствую; и при сем поздравляю Ваше Величество предбудущим днем полтавской^[216] баталии, то есть началом нашего благополучия, где Ваше Величество доволно труда имели. Дай, Боже, нам и впредь такую милость свою! Також поздравляю вас, батюшка мой, днем вашего дражайшаго тезоимянитства и двумя малинками имянинниками: сыном и внуком, от сердца желая Вашему Величеству сии торжественныя дни в радости препроводить и впредь многих таких достигнуть в добром здравии; а мы надеемся в сии дни, по отдании достойного Богу благодарения, нарочито повеселитца; токмо б зело желали, чтоб Ваше Величество сами к нам пожаловали к своему тезоимянитству. Впрочем я с великим желанием ожидаю вашего счастливого сюда прибытия, что дай, Боже, вскоре! ибо без Вашего Величества зело скучно здесь жить. Отсюды ко известию Вашему Величеству более не имею, токмо что я сего дня получила писма из Санкт-Питербурха от князь Александра Даниловича, в которых пишет, что хозяин наш питербурхской обретаетца, слава Богу, в добром здравии, а Царевна Анна Петровна и Царевна Елизабет Петровна от болезней своих, благодаря Бога, уже освободились, и от той болезни личик своих не повредили.

С сим посланным послала я к Вашему Величеству крепыша две бутылки; дай, Боже, оное во здравие вам употреблять. А что болше того вина не послала, и то для того, что при употреблении вод, чаю, невозможно вам много кушать.

В 23 де[нь] июня, из Амстердама.

№ 126. 1717, 27 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнишкой, здравствуй!

Поздравляю вас сим торжественным днем руского воскресенья; только сожалею, что розна празнуем, также и позавтрешней день святых опостол – старика твоего именины и шишечкины.^[217] Дай Боже скоряя нынешние дни прошли, дабы к вам скоряя быть. Вода, слава Богу, действует хорошо, и надеюсь в неделю от Петрова дни кур окончать. Камзол твой сего дня обновил и пра ваше здоровье пил, только немного, для того что запъретительныя человеки.

Петр.

Из Шпа, в 27 д. июня 1717.

Р. С. Сего моменту Люброс привес от вас письмо, в котором взаимно сими днями поздравляете и о том же тужите, что не въместе; также и презент 2 бутылки крепиша. А что пишете: для того мала послала, что при водах мала пьем, и то правъда; всего более 5 (?)^[218] в день не пью, а крепиша по одной или по две, только не въсегда: иное для того, что сие вино крепько, а иное для того, что его ретко. Окончеваю, что зело скучно, что так блиско, а не видимся. Дай Боже скоряя! При окончани сего пьем по одной про ваше здоровье.

№ 127. 1717, 3 июля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Ваши милостивые писания: первое от 18 дня чрез вашу матресишку, другое с почты от 28 прошедшаго июня – я исправно получила, за которые, також и за поздравление праздниками руского воскресенья и вашего дражайшаго тезоимянитства низжайше вашей милости благодарствую; и зело радуюсь, что воды, слава Богу, изрядно действуют к вашему здравию. Мы здесь в помянутые праздники довольно веселились и про здоровье ваше пили и танцовали; однакож, притом не беспечално мне было, что не вместе с вами оные дни принуждена праздновать. Что же изволите писать, что вы матресишку свою отпустили сюда для своего воздержания, что при водах невозможно с нею веселитца, и тому я верю; однакож болше мню, что вы оную изволили отпустить за ее болезнью, в которой она и ныне пребывает,

и для леченья изволила поехать в Гагу; и не желала б я (от чего Боже сохрани!), чтоб и галан^[219] той матресишки таков здоров приехал, какова она приехала. А что изволите в другом своем писании поздравлять имянинами старика и шишечкиными; и я чаю, что ежели б сей старик был здесь, то б и другая шишечка на будущей год поспела. Однакож дай, Боже, мне вскоре вашу милость видеть, чего я с сердечным желанием ожидаю. Впрочем здесь все благополучно. Третьяго дня получила я письмо от князь Александра Даниловича, в котором пишет, что хозяин наш санктпитербурхской, также Аннушка и Лизенка за молитвами вашими обретаютца, слава Богу, в добром здравии.

В 3 де[нь] июля, из Амстер[дама].

№ 128. 1717, 10 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй! Письмо твое чрез Густава купьно и с посылкою крепипша получил, за которое благодарствую. А что пишешь, ежели б я был, то б новова шишеньку зделали, – дай Боже, чтоб пророчество твое збылось! Я намерен был третьево дни или вчерась ехать; но, увидя доброе действо вод, положил целой кур держать, и прибавил четыре дни; а Богу извольшу, по двух днях кончае поеду отсель. Дай Боже счасливо вас видеть в радости!

Петр.

Из Шпа, в 10 д. июля 1717.

P. S. Сей... с тобою беды виде...^[220]

№ 129. 1717, 20 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Инова писать не имею, толко что, слава Богу, все здорова и поспешаем к вам, и толко намерен посмотреть одной славьной крепости Бернъгьсум, которая немного в бок. Аднакож о сем осведамлюсь в Дорте, и ежели замешкатца тем могу, то не поеду; буде же день или другой лишку, то жаль

не видать.

Петр.

От крепости с. Андрея, в 20 д. июля 1717. С яхты.

Р. С. Прошу вас, друг мой, чтоб вы потрудились сделать постели на новой мой торн-шхойт^[221] с агълинскими матрасами, и чтоб не богаты были постели да чистеньки.

№ 130. 1717, 30 сентября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Я намерен был вчерась ехать отсель; но, услышав, что ты в Митаву прибыла, начевал. Но когда уведал, что так позно в Митоу приехала и сегод[н]и ранее вечера быть не можешь, поехал в путь свой. Дай Боже вас в Питербурх в радости видеть.

Петр.

В Риге, в 30 д. сентебря 1717.

№ 131. Без обозначения года, 1 мая. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.^[222]

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй! Когда приедете сюды, про здоровье Тараса Филиповича выпейте вьсе, для того что сия деревья ево, именуемая Люпа.

Петр.

В 1 де[нь] мая.

№ 132. 1718, 23 марта. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Объявляю тебе, чтоб ты тою дорогою, которою я из Новагорода ехал, отнюдь не ездил; понеже лед худ, и мы горазда с нуждаю проехали и одну ночь принуждены начевать. Для чего я писал, дватцать верст отъехав от Новагорода, к коменданту, чтоб тебе велел подводы ставить старую дорогию.

Петр.

В 23 д. марта 1718, из Думценбора за... [\[223\]](#)

№ 133. 1718, 19 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Объявляю вам, что мы сего дня по полудни сюды прибыли, слава Богу, во всем благополучии; но камвой голанской под командою шаутбейнахта фон-Копора застали здесь, которой с надлежашею честью салютацию, с спущением флага, учинил из 13 пушек. Более ничего нового нет.

За сим предаю вас и с потрохом в защищение Божие.

Петр.

С карабля Ингермонландии от Ревеля, в 19 д. июля 1718.

№ 134. 1718, 24 июля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Ваше любезнейшее писание, которое я сего маменту получила, зело меня обрадовало о счастливом вашем со флотом к Ревелю прибытии, которым вас, моево дорогова батюшка, сердечно поздравляю. О себе доношу, что я з детками, слава Богу, в добром здоровье. И хотя, пред возвращением моим в Питербурх, Пиотрушка был в здоровье своем к последним зубкам слабенек; однако ныне, при помощи Божии, в добром здоровье, и три зубка глазовых вырезались. И прошу, батюшка мой, обороны: понеже немалую имеет он со мною за вас ссору, а имянно за то, что когда я про вас помяну ему, что папа уехал, то не любит той речи, что уехал; но более любит то и радуется, как молвишь, что здесь папа. Впрочем здравие ваше в защищение Божие предаю, остаюсь.

№ 135. 1718, 26 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй и с потрашонком!
Инова или новова писать не имеем, только что третьево дни еще
прейса^[224] привели нарочитова. Впротчем, слава Богу, благополучно все.

Петр.

С корабля Ингермонландии, в 26 д. июля 1718.

№ 136. 1718, 31 июля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

На прошлой почте получила я ваше милостивое писание, от 26 дня сего июля с карабля Ингерманландии писанное, за которое нижайше вашей милости благодарствую. И что изволите упоминать о взятъе нарочитова прейса, о том, благодаря Бога, вашу милость поздравляю, и желаю, дабы в нынешнюю компанию такое ж получить счастье, как имели прошлого 1714-го году июля 27 числа: будучи шоутбейнахтом, взяли шоутбейнахта, а ныне б по своему чину привезли к нам равночинца виц-адмирала. Мы в тот день здесь оной вашей виктории праздновали, при присутствии швецкого фелт-маршала Реншилда; про здоровье ваше не токмо в вине, но и купаньем в фантанне совершенно исправили, где господин Ягушинской возможные свои труды положили.

Дорогой наш шишечка часто своего дорогова папа упоминает и, слава Богу, и с прочими обретаецца в добром здоровье. За сим здравие вашей милости в сохранение Божие предав, остаюсь.

№ 137. 1718, 1 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушъка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Отпустил к тебе сынка; пожалуй шеи его не забудь. Благодарствую,

друг мой, за фиги, довели в целости. Я здесь остригся, и хотя неприятно будет, однакож обрезанья свои волосищи посылаю к тебе. Что приказывала с Макаровым, что покойник нечто открыл, – когда Бог изволит вас видеть: я здесь услышал такую диковинку про него, что чуть не пуще всего, что явно явилась. Впрочем здесь все благополучно, и сего моменту отходим в море. Дай Боже вас в радости видеть и с потрашонком своим, которых и с вами вручаю всемогущему Господу.

Петр.

От Ревеля, с карабля Ингермонландии, в 1 д. августа 1718.

№ 138. 1718, 8 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй и с потрашонком!

Письмо твое я получил вчерась, в котором пишешь, что, слава Богу, все здорова, а особливо, что М... – ево – как сама знаешь, слава Богу, лутче стала, также что сердитца за то, когда скажут, что я уехал, – меня порадавала. А чтоб Бог дал такое ж счастье, как прежде, против своего чину, сколько можно трудимся, чтоб Бог дал или то или не хуже, чтоб Таранино (sic) слово привести пярароцки. Отсель новава писать не имеем, только стоим здесь на том месте, о чем выше писано, ожидая отповеди с Аланта: чем кончитца? дабы так свои меры взять, и чаем отпаведи вскоре.

Петр.

С карабля Ингермонландии при Ангуте, в 8 д. августа 1718.

P. S. Я сие уже третье письмо свое, поехав, пишу, а именно с сынком, с шипором Сиверсом, а сие... [\[225\]](#)

№ 139. 1718, 11 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Объявляю вам, что мы завьтре отъежаем в Абов. Зело желаю к вам быть, дабы поспеть к тем словам: держи, держи! но не знаю, успею ль за сим важным делам. Однакож, хотя и не поспею, дай Боже милость свою в счастливом разрешении бремене; также чтоб з добром возвратитца по

старой пословице: хотя не скоро да здорова.

Петр.

С карабля Ингермонландии от Ангута, в 11 д. августа 1718.

№ 140. 1718, 15 августа. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Ваше милостивое писание от 1 дня сего августа от Ревеля и дорогие волосочки ваши чрез сынка я исправно получила и о дражайшем вашем здоровье довольно уведомила, за которое низжайше вашей милости благодарствую, и что надлежит до ево шеи, то по возможности исправили, и ныне довольствуем почасту. О здешнем доношу, что за помощью Божию я з дорогою нашею шишечкою и со всеми в добром здоровье. Оной дорогой наш шишечка часто своего дражайшаго папа упоминает, и при помощи Божии во свое состояние происходит и непрестанно веселитца мунштированьем салдат и пушечною стрелбою; к тому ж ныне еще частую имеет забаву на шеи сынка. Просим вашу милость: не изволте оставить нас в своих милостивых писаниях. А особливо от сердца желаю счастливого вашего сюда прибытия, что дай Боже в скором времени!

При сем поздравляю вашу милость сегодняшним праздником, [\[226\]](#) и просим Его, да исполнит благое ваше намерение, которому и дражайшее здравие ваше в сохранение предав, остаюсь.

С сим вручителем посылаю к вашей милости здешних фруктов: 37 фиг да 6 дынь, и как цело дойдет, дай Боже вам во здравие кушать!

№ 141. 1718, 21 августа. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Друг мой сердешненкой, господин вице-адмирал, здравствуй на множество лет!

Ваши милостивые писания: одно 8, другое 11-го дня сего августа, со мною радостью получила, за которые вашей милости благодарствую; на оные ж вкратце ответствую. Понеже из другаго вашего писания выразумела желание ваше, батюшка мой, дабы вам к нам поспеть к тем словам: держи, держи! – и ко оному времени поспеть уже не изволите. Благодарю, что оное

ваше писание незадолго к тому поспешило; понеже всемилостивый Господь Бог вчерашняго числа, после полуночи в 7-м часу, от носимого моего бремяни милостиво разрешити и нас дочерью благословить соизволил, при всяком благополучии здоровья моего, которой ныне имя Наталия, и за оную ево показанную милость достойное благодарение отдать должна: чем вас, батюшка мой, поздравляю. Что же такое время в разлучении с вами отправить ныне принуждена, о том мне не бес печали; однако (впредь дай Боже с вами!) как сами вы, дружечик мой сердешненкой, писать изволите: хотя б нескоро, но здорово. А ныне счастливаго вашего сюда возвращения при всяком благополучии видеть сердечно желаю, и дабы всемогущий Бог исполнил все ваши намерения по своей к вам обыкновенной милости. О здешнем доношу, что за его ж всемогущаго помощью во всем благополучно, и дорогой шишечка наш купно с сестрами в добром обретаютца здоровье. Прочее ваше дражайшее здоровье в сохранение ему ж всемогущему предав, остаюсь жена твоя

Екатерина.

Из Питербурха, августа 21 дня 1718 году.

К письму приложена отдельная записка, написанная той же рукой, что и письмо:

У вашей жены жена дочку родила, которая кричит: ох, ох! зовут ее Натальею; изволте ее поздравить.

№ 142. 1718, 22 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй! О здешнем новава писать нечево, только, слава Богу, все благополучно. Пятое сие письмо пишу к тебе, а от тебя только три получил, в чем не без сумнения о тебе, для чего не пишешь. Для Бога, пиши чаще.

Петр.

От урочища Ашерлата из флота, августа 22 д. 1718.

№ 143. 1718, 25 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй и с потрашенком!
Отсель новова писать не имею, только что, слава Богу, все благополучно; только я не без печали, что так долго от тебя писем нет, а наипаче понеже время к рождению пришло. Пожалуй, пиши почаще.

Петр.

Из флоту от Ашерлота, в 25 д. августа 1718.

№ 144. 1718, 25 августа. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Прежде сего доносила я чрез Франца: каким образом Господь Бог от носимого моего бремя милостиво разрешити изволил, и надеюсь, что вы, батюшка мой, известны. А ныне доношу, что за его Божескою помощью я в добром здоровье; толко мне не бес печали, что блиско дву недель от вашей милости писаней не получила. Того ради нижайше прошу, дабы изволили меня своими порадовать писаниями; а паче желаю: сколь скоро, друг мой, намерение имеете в прибытие к нам – чтоб я ведать могла. Для того, ежели к нам скоро быть не чаете, то прошу, да изволите меня уведомить о крещении новорожденной нашей дочери (которой имя угодно ль вашей милости?): или без вас совершить, или обождать вашего счастливого сюда прибытия, что дай Господь Бог вскоре. При сем же напоминаю, да исполнит Господь ваше намерение и чтоб счастлива была наша новорожденная, чего от всего моего сердца желаю. Дорогой наш шишечка купно с рожденною и с другими сестрами в добром здоровье, и во всем за помощь Божескою здесь благополучно.

Еще вас прошу, дабы изволили сюда поспешить, хотя на самый кончик здешних фруктов застать.

Далее приписка, как и в предыдущем письме: У вашей жены жена (которая кричит: ох! ох!) дочку родила; зовут ее Натальею, изволте ее поздравить.

№ 145. 1718, 29 августа. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Сего дня получила я ваше милостивое писание от 22 дня сего августа от урочища Ашелорта, за которое, а паче за уведомление о здоровье вашем, благодарствую. Извольте ко мне писать, будто я не часто пишу, и от меня к тебе, батюшка мой, писано пять писем, а сие шестое. Может быть, что оные еще не дошли; а от вашей милости помянутое шестое письмо получило. Доношу вашей милости, что я за помощью всемогущаго Бога в добром здоровье; толко не бес печали, что вашей милости здесь нет. Того ради прошу поскорей к нам пожаловать. Дорогой наш шишечка купно с сестрами в добром здоровье, которой в лутчее состояние приходит, часто вашу милость упоминает, а нам во вся дни визит отдает, непрестанно веселитца мунштированьем салдат и стрелбою. Дай, Боже, вашей милости в тех забавах ево видеть.

С сим вручителем послала я к вашей милости фруктов и полпива. Дай, Боже, в целости дошло и на здоровье там кушать.

№ 146. 1718, 11 октября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Поздравляю вас сим счастливым днем, в котором руская нога в ваших землях фут взяла, и сим ключем много замков отперто.^[227] При сем же напоминаю вам, что позавьтрее день рождения внука нашева, в которой день надлежит у них калациум зделать; а мы чаем завьтра к вам возвратитца.

Петр.

Из Шлютелбурха. в 11 д. октября 1718.

№ 147. 1718, 31 октября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй! Я сюды прибыл благополучно, и лду еще нет нигде, и для того завьтра поежа[й] в Питергоф.

Петр.

С Котлина, в 31 д. октября 1718.

Р. С. Прикажи в Питербурхе, когда лед пойдет по реке, чтоб дали нам знать.

№ 148. 1719, 20 января. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешницей, здравствуй; а мы, слава Богу, здоровы.

По получении сего письма возьми чертеж у Броуна – карабля ево девяностова, и привези с собою.

Петр.

Из Ладоги, в 20 д. генваря 1719.

№ 149. 1719, 31 января. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой, здравствуй!

От Дерпъта сюды дорога зело худа от глубоких снегов, также и подставы малы; для того возьми с собою одного лантърата, дабы изправнее было. А буде без них поедешь, то настоисся на дороге.

Петр.

В 31 д. генваря, с почтового стану Платы.

№ 150. 1719, 19 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешницей, здравствуй!

Мы прибыли сюды третьево дн[и] в полдни, слава Богу, благополучно, и повеленное мне милость его величества Синявину с таварышы объявил, которая зело обрадовались; потом все обедали у меня, и по обеде поехали в гавань на възятые ка[ра]бли, где довольно размахнули, за чем вчерась писать была нельзя. Огород^[228] новой зело изрядной, и деревья с морской

стороны или от норда зело хороши посажены, а с сюдной почитай все переменять; а шпалер не единова дерева не посажено, в чем Нероноф солгал. Теперь равняють двор, что за палаты будет; а в агароде земляная работа вся отделана. Правда сказать, что диковинка будет, как отделеетца! Мы, чаю, позавьтрее пойдем отсюды к Ангуту. Посылаю при сем цветок да мяты той, что ты сама садила. Слава Богу, все весело здесь; только когда на загородной двор приедешь, а тебя нет, та очень скушно. Дай, Боже, в радости паки вас видеть!

Петр.

С карабля Ингермонландии, в 19 д. в 7 часу поутру, от Ревеля.

№ 151. 1719, 22 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнишкой, здравствуй!

Объявляю вам, что мы сего дня отсель пойдем в путь свой, празники надеемся взять в Ангуте, в земле обитованной.

Петр.

С карабля Ингермонландии, в 22 д. июня, от Ревеля при подымании якоря.

№ 152. 1719, 24 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнишкой, здравствуй!

Господин Армитаж к нам вчерашнего дни прибыл, да тески своего не привез, но отпустил в Питербурх. Того ради прошу оного прислать к нам; а вести вели шерами, [\[229\]](#) спрашивая о нас. Впротчем, слава Богу, все здорово.

Петр.

С Ингермонландии, в 24 д. июня 1719. От Рогорвека при подымании якоря.

№ 153. 1719, 25 июня. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

После счастливого вашего от Котлина острова со мною разлучения, о дражайшем вашем здоровье ведения немалое время не имела, для чего была не бес печали. А в прошлое воскресенье чрез других слышала о счастливом вашем прибытии в Ревель. Третьяго дня чрез птичьа генерала получила ваше дорогова моего писание, которым изволили меня уведомить о дражайшем вашем здоровье и о счастливом прибытии, за что благодарствую, и оным прибытием и паки от Ревеля счастливым же отшествием со всею компаниею поздравляю. И при сем поздравляю предъбудущим днем полтавской баталии, то есть началом нашего спасения, где довольно было вашего труда, и впредь того сердечно желаю и паки поздравляю днем вашего тезоимянитства. Дай, Боже, счастливо, в те дни веселитца, а мы в оные дни хорошенко отправим, и во всем наряде будут. Токмо не бес печали такие радостные дни без вас отпраздновать.

Изволите упоминать о Синявине и других, что объявили государеву милость. Дай, Боже, таким же образом и вам с прочими такое ж счастье иметь, чего от сердца своего желаю.

Також изволите упоминать о тамошнем огороде, что в нем весело, толко без меня скушно; и у нас гулянья есть довольно: огород роскинулся изрядно и лутче прошлогодного; дорога, что от полат, кленом и дубом едва не вся закрылась, и когда ни выду, часто сожелею, что не вместе с вами гуляю.

Благодарствую, друг мой, за презент. Мне это не дорого, что сама садила; то мне приятно, что ис твоих ручек.

О себе доношу вашей милости, что, при помощи Божии, и з детками нашими в добром здоровье. Дай, Боже, тебя, батюшка мой, в радости видеть.

Посылаю к вашей милости здешняго огорода фруктов с сим посланным; дай, Боже, во здоровье кушать! А оной об огороде и прочих всех строениях вашей милости донесет.

При окончании сего получила я другое ваше писание, о чем наипаки того порадовалась.

Отправлено июня 25 дня з деншиком Татищевым.

№ 154. 1719, 27 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Мы вчерась сюды прибыли со флотом, слава Богу, в добром здоровье. Поздравляю, друг мой, вам сим днем – руским нашим воскресеньем. Дай, Боже, что в девятом началось, в девятой-бы-надесять благой конец восприяла. Чаю, я вам воспоминовеньем сего дня опечалил, аднакож разсужай; а ланьсман твой Иван Иванович горазда не весел, и о тебе тож думает. Сие письмо посылаю, чтоб поспела позавьтрее к вам к ыменинам вашего старика.

Петр.

От Ангута, в 27 д. июня 1719.

№ 155. 1719, 29 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Поздравляю вам с сим праздником святых апостол. Дай, Боже, скоряя к вам быть, или хотя б не очень скоро да з дабром. У нас здесь более недели почитай по вься дни тиш и зело тепло. Мы поминаем огород; чаю, теперь зело хорошо. Дай Бог вам сие время вместо меня веселитца; а нам Бог хотя сие время не велел, только чтоб в[п]ред уже без отволочки быть.

Петр.

P. S. Я уже сие четвертое письмо пишу к вам, а от вас ни единого получил.

№ 156. 1719, 29 июня. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Чрез прежнее мое [письмо], с Татищевым отправленное, поздравляла я вашу милость нынешняго дня вашим тезоимянитством; а ныне наставшим оным дражайшим тезоимянитством вас, дорогова моего батюшка, паки поздравляю, желая от всего моего сердца, дабы Господь Бог пожаловал нас и впредь многих дней таких счастливо достигнуть при всяком благополучии; и сей день про здоровье ваше, дорогова имянинника, довольно повеселимся. Дай, Боже, и вам во обетованной земле со всею

вашею компаниею порадоватца. Мы и третьяго дня, то есть в руское воскресенье, здесь были довольны.

При сем еще вашу милость поздравляю сынком Ивана Михайловича, [\[230\]](#) которой ево отцовскою молитвою в стойло приведен, о котором объ[сто]ятельно изволите быть известны ис писма светлейшаго князя, для чего он нарочно с тем к вам отправил.

Хотя и есть у вашей милости в земле обетованной довольно хороших фруктов, однако посылаю несколько цытронов и аплицынов, ибо наши приятнее вам будут. Даруй, Боже, во здорвье кушать! Здесь за помощью Божию благополучно, и мы з детками нашими в добром здорвье.

С помянутым посланным послала я к вашей милости два плана: один, что было в руское воскресенье, а другой, что ныне будет.

Июня в 29 де[нь]. С Полянским.

№ 157. 1719, 2 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Письмо твое и презент получил, за что благодарствую (сие письмо еще первое). А что пишешь, что скучно гулять адной, хотя и хорош огород: верю тому, ибо теж вести и за мною; только моли Бога, чтоб уже сие лето было последнее в разлучении, а вьпредь бы быть вместе.

Петр.

От Ангута, в 2 д. июля 1719; при самом вынимании якоря.

№ 158. 1719, 5 июля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Милостивое ваше писание 24 дня прошлого июня от Роговерка, при подымании якоря, чрез почту я получила, за которое всенижайше благодарствую, и покорно прошу вьпредь не оставлять меня в своих писаниях. На оное же писание ваше ответственать инаго не имею, токмо что изволили писать о господине Армитаже, которой к вам прибыл, а тески с собою не привез. Ныне оной сюда приехал, которого завтрешняго дня к вам отправляем, о чем роспись послана к Матвею. Дай, Боже, счастливо

было вручено и вашей милости во здоровье кушать. Прочее же все сюда в целости привезено, токмо из дерева есть малое число упадку.

На другие ж ваши дражайшие писания ответствовать буду взавтreshняго дня; а ныне доношу, батюшка мой, о себе, что я купно и з детками нашими, при помощи Божии, в добром здоровье, и во всем здесь благополучно. Даруй, Боже, вашу милость в радости видеть, чего от сердца своего желаю. Здесь у нас толко и плезирю, что огород. Дай Бог оногo плезирю и вам застать при всяком желаемом благополучии!

Которой француз делал новые цветники, шел он бедненкой ночью чрез канал, сшолся с ним напротив Ивашка Хмелницкой, и каким-та побытом с того мосту столкнув, послал на тот свет делать цветников.

Доношу вашей милости о новом пруде собственных трудов ваших, которой совсем зделан, и в самые ваши имянины пущена была вода, толко не держалась. После того и в другой ряд воду пускали, да не держитца, о чем зело сожелею.

Р. С. При сем прилагаю письмо от Куракина, которое получила я чрез горшешных мастеров, кои сюда приехали; а тех мастеров велела я принять князю Черкасскому.

Июля 5 дня. Чрез почту.

№ 159. 1719, 5 июля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Чрез вручителя сего к доношению вашей милости ничего не имею, токмо посылаю армитажу и прочаго ко употреблению. Дай Бог во здоровье кушать! Впрочем здесь, слава Богу, во всем благополучно.

При сем детки наши, благословения прося, кланяютца.

С сим же посылаю крепиша три фляши, которое с вами еще в Амстрадаме было.

Июля 5-го же дня. С казаком.

№ 160. 1719, 7 июля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Милостивое ваше писание 27 дня от Ангута, в день русского

воскресенья отправленное чрез сержанта Шорстова, я получила, за которое благодарствую; ибо изволили нас поздравить, напоминая свои в то время трудности, о которых всему свету есть известно; а я оным чрез Татищева вашу милость поздравляла. Что же изволите писать, якобы воспоминовением того дня будто вы нас опечалили, и из сего я дозналась: сожаление мое такое, дабы всемилосердый Бог даровал нам и ныне вас в такой же печали видеть. К тому ж что лансман мой не весел, я надеюсь, что печаль имеет о том же, о чем и я. Дай Боже, чтоб прямых лансманов мы здесь получили; а я не отпираюсь, ино быть так. Також изволили означить позавтрешним стариком. Дай Бог мне, дождавшись, верно дорогим называть стариком, а ныне не признаваю, и напрасно затеяно, что старик: ибо могу поставить свидетелей старых посестрей; а надеюсь, что и вновь к такому дорогому старику с охотою сыщутца. Долго ль вам меня ругать?

После оного получила я другое писание, чрез которое дорогим тезоимянитством своим поздравили, и особливо, что не изволили нас в том оставить – всенижайше благодарствую. А что скоряя к нам быть жалуете, и мы тому ж следуем и от всего сердца желаем, токмо исполни Бог по вашему намерению.

Еще объявили нам, что у вас тишина и теплота более недели; я доношу, что и здесь состоит время, почитаю, заравно. А об огороде, как прежде, так и ныне извествую, что очень хорош; толко без вас гулять неприятно, и почитаю к моему несчастью, что в сии времена лишилась давно с вами здесь веселитца. Однако впредь уповаю на Бога, да дарует нам свою милость и пожеланной покой.

Да изволили приписать, что оное ваше [письмо] отправлено уже четвертое, а от нас ни единого получили; и тому верю, в чем прошу прощения; аднакож и мы писали, а ныне буду почаще писать.

Певчие сюда приехали в прошлую пятницу, которые челобитье ко мне посланное объявили, за что благодарствуя вашу милость, выпила полпива.

При сем извествую вас дорогова моего батюшка, что мы купно и з детками нашими в добром обретаемся здоровье, и во всем здесь благополучно.

В 7 д. июля.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Объявляю вам, что сего дни флоты здесь паки случились [п]о отходе от Ангута, и чаем с помощью Божию скорого действия; понеже только в 8 милях от шведских берегов обретаемся. Дай, Боже, милость свою!

Петр.

Из флота близ Аланта, от острова Ламеланта, в 8 д. июля 1719.

№ 162. 1719, 12 июля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Писание вашей милости 2 дня сего июля от Ангута, при самом вынимании якоря отправленное чрез Татищева, я получила, за которое, а паче за уведомление о своем здоровье, нижайше благодарствую. На оное же не могу больше доносить, токмо молим Бога: да даст нам, как и по вашему намерению, чтоб сие лето уже впоследствии быть в таком разлучении; и паки просим его Божескую милость, дабы совершил общее желание наше.

Доношу вашей милости, что, после помянутого, других писаней ваших поныне не имею, и не бес печали мне, что не ведаю о вашем здоровье, куда от Ангута в путь свой отправились и где ныне обретатца изволите; пожалуй, уведомь нас.

При сем всенижайше прошу, о чем и наперед сего просила: пожалуй, батюшка мой дорогой, поберегись. О себе доношу, что купно з детками нашими в добром здоровье, и во всем здесь, при помощи Божии, благополучно.

В 12 д. июля.

№ 163. 1719, 13 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Письмо твое чрез Полянского получил, за которое благодарствую; а мы, слава Богу, в недрагаценных каменьях здоровы. О здешнем объявляю, что к сему месту как галерной, так и карабельной флот пришли в разные дни; только собрались все в осьмом числе. Потом держаны 3 генеральные конзилии, на которых положено, чтоб десант в Швецию учинить, которой

под комвоем карабелным учинен, с помощьюю Божию, в 11 д. сего месяца; а именно: в 10 д. в 1-м часу ввечеру отсель пошли, а в 11 д. в 4-м пополудни в шведские шеры счасливо вступили. Как на море, так и во въходе в шеры, непъриятеля не видали. Дай, Боже, доброе окончание; а начало зело благополучно учинилась.

Петр.

Из флота с карабля Ингермонландии, от Ламеланта, в 13 д. июля 1719.

Р. С. Письмо ваше, исполненное корцъвейль-ворт,^[231] чрез сержанта получил. Всех по се время 3 письма от вас получил; только на одно письмо, которое из Рогорвек писал вам о армитаже, на оно по ся поры ответу нет.

По запечатании сего письма, ответ на письмо, писанное из Рогорвека, получил сего моменту.

Друг мой, писала ты, что в бассейне или пруде, которой я сам размеривал для минажерии,^[232] вода не держитца; и понеже у онаго стены кирпичем с сементом обделаны, а дно я велел глиною синюю, такую как в Питергофе, на четверть аршина набить чекмарями, а буде, паче чаяния, что не будет держать, то вели плитою каменною на оной глине положить и сементом смазать.

№ 164. 1719, 16 июля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Доношу вашей милости, что мы здесь купно з детками нашими обретаемся, слава Богу, в добром здоровье, и просим его ж всемогущаго, дабы даровал вам свою милость, чего сердечно желаю. А у нас здесь во всем благополучно. При сем поздравляю вас, батюшка моего, сынком Ивана Михайловича, который ныне от болезни своей, благодарить Бога, совсем уже выздоровел, и хотя х компании, так готов.

Каким образом оной сынок свободен, о всем о том будет вам известно от Броуна чрез порутчика, от вашей милости к нам присланнаго; а я вкратце доношу, как слышала, что учинена в нем самая малая скважинка возле кия, и конечно от якоря.

16 д. июля.

№ 165. 1719, 17 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнишкой, здравствуй!

Благодарствую, друг мой, за присылку армитажа и протчего. Чаю, клубника у вас поспела; отведайте прислать в ш[л]юпке шерами маленькой квантитет, дабы не потерять, ежели не довезут. Отсель нового писать не имею, только по переходе господина адмирала мы фарватер между Стокгольмом и сим островом держим карабельным флотом для кумоникации со оным.

Петр.

Из флота с Ингермонландии, от Амеланта, в 17 д. июля 1719.

№ 166. 1719, 17 июля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Милостивое ваше писание, 8 дня сего июля от острова Ламеланта отправленное чрез порутчика Ишеева, я получила, за которое, а паче всего, что изволили уведомить меня о своем здоровье, всенижайше благодарствую, и покорно прошу впредь не оставлять меня в своих писаниях. Что же изволили упомянуть в писании своем, что надеетесь быть скорому у вас действу, и сему я сердечно радуюсь; токмо желаю, дабы всемогущий Бог исполнил все ваши намерения по обыкновенной своей к вам милости, а паче всего желаю, чтоб во всем благополучии счастливо вас видеть. А о нас изволите быть известны, что я купно и з детками нашими в добром здоровье. Особливо доношу, что время здесь обстоит благополучное, какого чрез три года не бывало,^[233] и отвсяды слышно, что хлеб везде зело хорош. Боже! помози нам сподобитца тех, по которые вы поехали, а особливо самих вас счастливо и в радости дождатца. Июля 17 дня.

№ 167. 1719, 21 июля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Ваши милостивейшие два писания, оба вчерашняго числа писанные, получила я: одно вчерась, другое нынешняго дня чрез Толстова, за которые, а паче за уведомление о своем здоровье, також и за присланой презент, вашу милость благодарствую. Толко того презента еще я не видала, а чрез Толстова исправно получила, и про здоровье ваше ели и венгерское пили, и при том сама палила трижды ис пушек. Что же изволите упоминать о Норисе, ^[234] которой с старым своим флотом Ивана Михайловича отставной и храмоной фамилии, у Ревеля стоящей, такую отдал визиту, и то он умно зделал; толко которая у Кронъшлота в хорошем наряде обретаецца – такой чести уничтожил: это не обычай!

О себе вашей милости доношу, что я обретаюсь в Сарской мызе, а в завтрешней день поеду в Питербурх, где без вас будет не без скуки. К тому ж сожалею, что вашей милости ветры противные. А что изволите упоминать о возвращении в Питербурх, я б того желала; однако когда положили свое намерение, дай, Боже, оно исполнилось, и к нам счастливо б возвратились.

В 21 д. июля.

№ 168. 1719, 23 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй! Письма ваши, а именно: в 7-м и 17 числах сего месеца писанныя, я получил (а последнее вчерась), за которыя, такъже за пьрисылку вина и протчего с казаком, благодарствую, и сожалею, что такие изрядныя дни не с вами в огародах и рощах (ибо такие жары здесь, что по вся дни принуждены купатца), понеже не по вся годы так случаетца. Аднакож дай, Боже, счасливо окончатъ, тогда и октябрь веселяя июля будет. Отсель нового ничего писать не имею, только, слава Богу, все добро, и галеры наши щупают берега. А что чинитца, еще подлинне не ведаем; когда уведаю, писать не оставлю.

Петр.

От Амеланта, в 23 д. июля 1719.

Аннушка и Лизенка, здравствуйте! Благодарен за ваше письмо. За сим будь Бог с вами!

P. S. Сего моменту какаву ведомость получили мы от адмирала нашего, со оной посылаем копию.

№. 169. 1719, 23 июля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Писание вашей милости, 13 дня сего июля отправленное чрез Полянского, я исправно получила, за которое, а паче всего, что жалуете – изволите меня уведомлять о своем здоровье, вашу милость благодарствую, и впредь прошу покорно, дабы не оставлена была.

Паки вашу милость благодарствую за уведомление о действиях ваших тамошних и что доброе начало показало, о которых как уведомилась, благодаря Бога, обрадовалась всем моим сердцем, и желаю, дабы сему началу получить нам конец к нашему благополучию. Боже, помози нам и соверши милость свою!

О ином же отсюда не имею чем уведомить, токмо что я з детками и уже и со внучаты нашими, которые с 17 дня сего июля здесь обретаютца, слава Богу, все в добром здоровье, и веселятца здесь изрядно.

О [г]аризонте здешнем, как прежде сего, так и ныне доношу, что в одном держитца состоянии – пребезмерно тепло, о чем много доносить оставляю.

P. S. Вчерашняго дня отправила я к вашей милости брегантир с питьями и с прочим, что потребно, с подклюшником Коншиным, и когда оное в целости прибудет, желаю вашей милости во здоровье кушать; а что послано, тому роспись послана к Матвею.

Изволили в цыдуле упомянуть мне о бассейне, что в нем вода не держитца и чтоб, старую глину выняв, набить чекмарями питергофскою глиною, буде ж и тою не удержитца, то положить плиту с сементом; и на сие, батюшка мой, истинну доношу: будто ведала, до вашего писания приказала оной питергофской глины возить, токмо хотела кирпичом укласть. Ныне старую желтую глину выносят, потом буду делать по вашему изволению.

Июля 23 дня.

№ 170. 1719, 25 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешницей, здравствуй!

Здесь, слава Богу, все в добром состоянии. А как и где наш господин г. [235] адмирал господ шведов трактует, о том я пространно писал до господина вице-адмирала, которой вам на карте яснее покажет.

Петр.

С карабля Инегермонландии, в 25 июля 1719.

Р. С. Получили мы из Копенгагена подлинную ведомость, что генерал цесарской Мерци, которой под комвоем аглинским перешел в 30 000 человек войска цесарского в Сицилию, и перешед отакавал гишпанцов, от которых так побит – как шведы пот Полтаваю, где и сам командир убит; тут же убит сын адмирала Бинка, которой за валентира при нем был. Прошу не зело печалься о сих ведомостях.

№ 171. 1719, 26 июля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Поздравляю вашу милость взавтрешним днем, то есть виктории в 714 году полученной, ибо, по многодарованным победам на земли и на море над неприятелем, толь преславною победою оружие ваше благославил, что даровал вам камарата своей в то время саржи [236] и нескольких неприятельских судов, – желая от всего сердца, дабы Господь Бог даровал вам и ныне свою милость, а нам бы оной взавтрешней день, по отдании ему победодавцу благодарения такие ж получить ведомости; и понеже к сему причиняет сердечная моя склонность, что и ныне от такого ж действия обстоит неподалеку, то с часу на час ожидаю авизей, [237] токмо дай, Боже, по нашему желанию! А мы для оной прошлой виктории и впредьбудущаго вашего счастья взавтрешней день повеселимся; толко мне не бес печали, слыша, что к действию вашему уже близко. Того ради паки прошу вас, батюшка мой, чтоб себя побережь изволили. Також почаще меня о здоровье своем прикажи уведомлять. Паче же всего желаю самих вас вскоре и в добром здоровье видеть. О себе доношу, что купно з детками и со внучаты нашими здесь, при помощи Божии, в добром обретаемся здоровье, и во всем у нас, за его помощию, благополучно. А вчерашняго дня был здесь нарочитой дождик и гроза, толко не гораздо велика, и тем воздух здешней зело пообновило.

При сем прилагаю ведомости о баталии гишпанцов с цесарцами, в

провинции сици[л]инской учинившейся.

Цыдуля.

Получила я такие куранты, будто швецкая королева умерла, и ныне другими подтверждают такими ж авизии; токмо я им не верю. Лутче буду ожидать от вашей милости подлинного о том известия.

26 д. июля.

№ 172. 1719, 27 июля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Друг мой сердешнинкой, господин вице-адмирал, здравствуй множество лет!

Вчерашняго дня получила я ваше милостивое писание, из флота от Амеланта 17 дня сего июля писанное, чрез которое уведомясь о дражайшем вашем здоровье, сердечно радуюсь и впредь о том ведать желаю. А о клубнике, как прежде, так и ныне доношу, что у нас ея довольно, и я прежде сего желала, чтоб к вашей милости отправить; но подумала о ее слабости, что не довезут ее целу, того ради и посылать ее оставила; а и ныне с сим вручителем фруктов и оной клубники посылаю, токмо також на удачу, а желаю, чтоб в целости дошла, дабы оную и прочие фрукты употребить вам во здоровье. При сем паки поздравляю счастливою на море прошлую викторию; и за ваш особливой в то время труд отдали мы сей день Богу благодарение, потом будем веселитца и Ивашки Хмелницкого не оставим.

О себе доношу, что купно з детками и со внучаты нашими, при помощи Божии, все в добром здоровье, и оные дети и внучата також сим днем покорно вам поздравляют и благословения вашего желают. За сим здравие ваше в сохранение его ж Божеское предаю и остаюсь жена ваша

Екатерина.

Ис Питербурха июля 27 дня 1719 году.

№ 173. 1719, 30 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

О здешнем объявляю, что генерал Леси, которой отправлен от

адмирала в правую сторону, у оног с непъриятелем был бой, и помощью Божию непъриятеля побили и 7 пушек взяли. А как был бой и какое потом оной генерал разорение непъриятелю учинил, тому посылаю обстоятельную ведомость – с его письма копию; и сим вам поздравляем. От адмирала, после анагдашнего, ведомости не имеем, только вчерась пришедшей шведской шербот с провизиею, к шведским^[238] послам из Стеггольма отправлена, сказывал, что в Стеггольме слышал, что город Судерстельге уже разорен от адмирала, и пошел к Никепин[г]у.

Петр.

Из флота от острова Ламелант, июля в 30 д. 1719.

№ 174. 1719, 30 июля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Друг мой сердешненкой, господин вице-адмирал, здравствуй множество лет!

Доношу вашей милости, что в прошлой понеделник, то есть 27 дня, отправила я к вашей милости Татищева с клубникою и с прочими фрукты на островской лотке; а на другой день поехала и сама на Котлин остров, и здесь оной Татищев мне явился и сказал: как де отъехал он отсюда толко с 15 верст, где противною погодою едва ево не розбило, а имянно началась в той лотке великая течь, для чего принужден он назад поворотитца и с великою нуждою доехал.

А вчерашняго числа прибыл сюда обратна карабль, на котором шхипор Исай Коних; с ним прислано ко мне два попугая, восемь кинареек, мартышечка такая ж маленькая, что у нас старая, и некоторые разные деревья, також цытронов и помаранцов. Ныне помянутому Татищеву сыскав другую лотку, паки отправила, и из оног, присланного ко мне, послала к вашей милости несколько цытронов и помаранцов и боченок селдей. Дай Боже, чтоб все в целости дошло и вам бы во здоровье кушать. Впрочем молю Всевысшаго, дабы даровал вам милость свою.

О себе доношу, что сей день отъезжаю отсюда в Питергоф. За сим здравие ваше в сохранение Божие предаю и остаюсь жена ваша

Екатерина.

С Котлина острова, июля 30 дня 1719 году.

№ 175. 1719, 31 июля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Милостивое ваше писание, в 25 де[нь] прошлого июля, с карабля Ингерманландии, чрез капитана Фалкенъберха отправленное, я исправно получила, и за уведомление о своем здоровье вашу милость благодарствую, желая, дабы и впредь ведомости о здоровье моем меня не оставили. Что же изволили писать к господину виц-адмиралу, о том осведомлюсь пространнее, когда приеду в Питербурх. Також изволили меня уведомить о гишпанцах с цесарцами, и о том я прежде ведала и доносила, которые мои [вести], надеюсь, уже сим временем к вашей милости дошли; однако за ваши благодарствую, и сердечно желаю, дабы Господь Бог даровал нам такую ж печаль получить с стороны ваших действ. Прочее доношу, что я здесь в Питергофе, где вашими особливими трудами гулянье преизрядное; толко без вас везде скучно. Строения же здешние отправляютца исправно. Сего часу отъезжаю я в Стрелину.

Понеже здесь прежде обносился слух, что Ивана Михайловича сын Ангут отпускаетца к нам, чему я ни мало не верила, а ныне оной счастливо сюда прибыл, – я рассуждаю, что там ему бес своего брата было тошно и не хотел там один действия показать; для того прибыл к брату своему Лесно[м]у, с которым ныне совокупились и стоят в одном месте, которых я своими глазами видела, и воистино радостно на них смотреть!

В 31 д. июля.

№ 176. 1719, 2 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешницей, здравствуй!

Письмо твое, от 26 д. июля писанное, вчерась получил, в котором пишете, вспоминая 4 года назад, что тогда я привез равъночинца себе, чтоб и ныне Бог дал такъже; тут же пишешь, чтоб я поберегся; на которыхя оба дела ответствую. На первое: рад бы, прося у Бо[га] милости, что-нибудь сделать, да негде и не над кем; на второе: что ты меня хотя и желеешь, аднакож не так (понеже с 800 вер[с]т отпустила), как жена господина адмирала Тоуба,^[239] которая ево со всем флотам так спрятала, что не только ево видим, но мала и слышим; ибо в полутаре мили только от

Стокгольма стоит за кастелем^[240] Вакъсъгольмом и всеми батареями. Вчерась какво письмо получил от господина адмирала, экстракт выписав, посылаю при сем, из которогу увидите, что вышереченной господин адмирал наш едва не всю Швецию разтлил своим великим спироном.^[241]

Петр.

С карабля Ингермонландии, в 2 д. августа 1719, от Ламелант.

При этом письме приложен следующий экстракт из донесения адмирала графа Апраксина:

Августа во 2 де[нь] получена ведомость от господина генерала-адмирала графа Апраксина из Нордъкипинга, июля от 30 числа 1719-го, что он генераладмирал со всем галерным флотом обретается в Нордъкипинге; неприятелю сколько какого разорения по вышеписанное число учинено, о том подлинно писать не может, понеже еще не взял обстоятельной ведомости, и чает, что неприятелю будет убытку на много миллионов. Кроме королевских местечек, многия шляхетныя замки каменные и мызы с каменным и деревянным строением превеликие разорены и созжены. Он намерен со всем флотом в Нордъкипинге несколько дней быть и посылать в землю. Взятая языки сказывают: всеконечно неприятель более семнатцати тысяч войска при Стокгольме не имеет.

№ 177. 1719, 6 августа. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Милостивое ваше писание, 23 дня прошлого июля от Амеланта отправленное, я получила, ис которого о здоровье вашем уведомясь, благодаря Бога, сердечно порадовалась; також и о делах тамошних известна, за что благодарствую, и покорно прошу, дабы и впредь в том оставлять меня не изволили. Что же в пример июлю будет октябрь, и по сему признаваю, что вы там толь долго бытность свою продолжать изволите, в чем есть мне не беспечално. Я думала, что жалуете нас скорым своим к нам возвращением, и мнение свое по крайней мере имела как бы в половине августа; однако, уповая на Всемогущаго, либо оное мнение может мне отменитца, а когда миновать того будет не мочно, что ж делать? принуждена буду и октябрю ожидать; токмо даруй, Боже, в добром здоровье

и с счастливым окончанием желания вашего, и дабы так совершилось, как изволили писать, а имянно, чтоб октябрь нам был веселяя июля.

О себе доношу, что купно и з детками и внучаты нашими в добром здоровье. Покорно благодарствуют вашу милость Аннушка и Лизенка, которых особливо изволили вы поздравить; толко осталась одна маленькая нелюбимая.

Поздравляем вашу милость нынешним праздником Преображения Господня, которого прошу, дабы яко учеником своим показал и вам во окончании дел ваших милость свою; ему ж и здравие ваше в сохранение предаю и остаюсь.

В 6 д. августа.

№ 178. 1719, 9 августа. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Вчерашняго дня получила я милостивое ваше писание, прошлого июля 30 дня от острова Ламеланд отправленное, ис которого с немалою радостью уведомилась в начале о вашем здоровье, а потом о счастливой виктории, бывшей у генерала-маеора Лессии, чем вы изволили меня поздравить, за что покорно благодарствую; и оною счастливою викториею наипаки вашу милость поздравляю, желая сердечно, дабы всемогущий Господь, по своей обыкновенной к вам милости, уже сей толь продолжительной войне благополучной конец учинить соизволил. У нас в сей день, будучи у Троицы, присланная реляция объявлена всенародно, и давшему сию викторию отдавали должное благодарение. При сем паки поздравляю вашу милость торжеством нынешняго дня в 704 году, то есть взятием Нарвы; а ныне с часу на час ожидаю от вашей милости других, дай Боже, приятнейших ведомостей.

О себе вашей милости доношу, что купно з детками и внучаты нашими в добром здоровье. За сим здравие ваше в сохранение его ж Божеское предаю, остаюсь.

Августа 9 дня.

№ 179. 1719, 11 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешницей, здравьствуй!

Письма твои, в 30 и 31 день писанья, исправно в один день получил, за что благодарствую, что едешь и осматриваешь что надобно, также и о известии о Ангуте, о чем доносил главе своему. Отсель новова писать не имею, понеже адмирала ожидаем вскоре, а дождався отпустим флот в Ревель карабельной, а прамы, бомбардирские карабли и брандеры в Абов и галеры, а сами поедем к вам. Приежие от адмирала сказывают, что день – то более новин о разорении непъриятельском: так много, что кажетца малоимаверно; когда будет адмирал, подлинно уведаем.

Петр.

С карабля Ингермонландии, в 11 д. авьгуста 1719, от Ламеланта.

№ 180. 1719, 13 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешницей, здравьствуй!

Письмо твое, от 6 г[о] дня сего месеца писанное, я получил, в котором пишете, что я писал, что к вам якобы до окътебря не буду. Правьда я писал, только не в тот разум, чтоб подлинно до октебря не быть, но хотя б и до тех мест пребыть, только б з добром возвратитца. А ныне, чаю, не замешкаюсь приездом к вам. При отпуске лишних людей, посылаю к тебе 2 пары голубей да лисицу; голуби горазда хороши, а лисица зело смирна и игрелива; а паче всего, что духу от нее нет, как от других бывает, что горазда дивьно. Дай, Боже, самим скоро видеть вас!

Петр.

Из флота от Амеланта, в 13 д. авьгуста 1719.

№ 181. 1719, 13 августа. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Писание вашей милости, от Аламеланта 2 дня сего месеца отправленное, я исправно получила, за что зело благодарствую и радуюсь, что так часто изволите меня, по своей милости, уведомлять о своем здоровье. Всепокорно прошу вашу милость, дабы и впредь писаниями

своими оставлять меня не изволили; понеже в нынешнее с вами разлучение есть не без скуки, и толко то и радости, что ваши писания; ибо и в помянутом своем изволите жаловать, что я желею вас, спустя уже с 800 верст. Это может быть правда! Таково-то мне от вас! Да и я имею от некоторых ведомости, будто королева швецкая желает с вами в любви быть: в том-та мне не без сумнения. А к тому ж заподлинно признаваем, как и сами изволили написать о поступках господина адмирала, что он над всею Швециею учинил. Этак-ста господин адмирал, под такие уже толь немалые лета, да какое счастье получил, чего из молодых лет не было! Для Бога прошу вашу милость – одного ево сюда не отпускать, а изволте с собою вместе привести. Даруй Боже, чтоб в скором времени и в радости вас дождатца со всяким благополучием.

При сем о здешнем поведении доношу, что с начала сего месяца воздух пременился, а имянно: стало быть ветренно, частые дожди и хладность; впрочем же во всем благополучно, и я з детми и внучаты в добром здоровье.

Августа 13 дня.

№ 182. 1719, 16 августа. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Инаго ныне к доношению вашей милости ничего не имею, но паче всего всем сердцем желаю вам здравия, и дабы неусыпным вашим трудностям Господь Бог даровал вам покой и в сие время дела ваши скончил пожелаемым благополучием, с чем каждого часу вашу милость ожидаю. О себе доношу, что купно з детками и со внучаты нашими обретаемся, слава Богу, в добром здоровье. При сем поздравляю вашу милость вчерашним праздником Успения Богородицы.

Августа 16-го дня.

№ 183. 1719, 20 августа. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Понеже после последнего вашего писания, 2^[242] дня сего августа отправленного, других ваших писаней и ведения з две недели не имела, для

чего мне не беспечално было; а третьяго дня получила я ваше милостивое писание 11 [августа] чрез Татищева, и в начале как о вашем здоровье уведомилась, сердечно обрадовалась, а потом о счастливых тамошних поведениях, паче же всего выразумела намерение ваше о скором к нам возвращении, за которое уведомление вашу милость нижайше благодарствую, и онаго вашего возвращения, как и прежде, по всякую минуту ожидаю. И при сем прошу у Бога милости, дабы даровал мне видеть вас в добром здоровье и в радости, и хотя б немношко здешняго плезиру и зелени застали. О себе вашей милости доношу, что купно з детми и со внучаты нашими обретаемся в добром здоровье, и во всем здесь благополучно; и сим окончевая, здравие ваше в сохранение Божие предаю.

Августа 20 дня.

№ 184. 1719, 26 августа. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Милостивое ваше писание, 13 дня сего августа ис флота от Аламеланта отправленное, получила я чрез Афанасья Грека, за которое, а паче всего, что изволили меня уведомить о своем здоровье, покорно благодарствую.

Из оного ж вашего писания выразумела я, что не изволите замешкатца своим к нам возвращением, чего от всего моего сердца желая, желаю вскоре и в добром здоровье. Но понеже после того не имею ныне никакой ведомости, а время есть уже доволное вашему к нам возвращению, от чего не беспечално; и того ради вручителя сего капитана Редрикова нарочно к вашей милости встречу отправили и всенижайше просим: как прибудет, дабы оной паки к нам вскоре был отпущен, и чтоб, по своей милости, изволили меня уведомить в начале о здоровье своем, а потом где могу счастье свое иметь – вашу милость встретить. При сем доношу вашей милости о себе, что купно з детми и внучаты в добром здоровье, которые також вас радостно ожидают; особливо покорно просят милости две сегодняшние имянинницы.

Благодарствую за присланных голубей и лисицы, которые к нам в целости доведены. Августа 26 дня.

№ 185. 1719, без обозначения месяца. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Письмо твое чрез деньшика к. Меншикова я у самого Кроншлота получил, на которое отвечаю, что мы сегодня з господином адмиралом прибыли благополучно, и завьтрее поедем рано до Катерингофа, где желаю вас видеть, что дай Боже, и з разбойницами. [\[243\]](#)

Петр.

От Кроншлота, в 28 д. 1719.

№ 186. 1719, 27 октября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Я сюды приехав, не так нашел, как сказывали; понеже дубу много да в розни, только здесь немного вместе, аднакож гораздо меньше тово, где ты со мною была. И для того мне так долго здесь делать нечева, как я чаял. Того ради лутче вам не ездить, только замучитесь, да и покою здесь всего две избы. А я чаю, что завьтра к вам буду или кончая позавьтрее.

Петр.

В 27 д. октября 1719.

№ 187. 1720, 25 января. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй! Благодарствую за присылку крепипша, колечек и травачки; супьротив посылаю здешней редьки и бутылку венгерскова здешнева. Дай, дай, Боже, на здоровье вам! И понеже против присылки надлежит равьное учинить, того ради отсель нарочного с сим к вам посылаю, а особливо выбрав угодную вам особу, которого прошу с ответом паки к нам прислать.

Петр.

Из Питергофа, в 25 д. генваря 1720.

Р. С. Присланному от вас бутылку ево налил, только б дорогою не прорес...^[244]

№ 188. 1720, 26 января. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Друг мой сердешнишкой, господин вице-адмирал, здравствуй на множество лет!

Милостивое ваше писание, писанное вчерашняго дня ис Питергофа, и при том вино венгерское и редьку я получила, за которое вам, батюшка мой, зело благодарствую, и посылаю при сем к милости вашей яблоки и орехи свежия; дай, Боже, вам во здравие кушать! Присланной от милости вашей Лев зело чуден ко мне приехал, и сей не лев, но то от дарагова лва шелудивая кошка (письмо привезла, что мне угодно), которую во всем наряде к милости вашей с сим посылаю, и прошу, чтоб изволили ко мне прислать того, котораго я лвом называю. За сим здравие ваше в сохранение Богу предав, пребываю жена ваша

Екатерина.

Из Санкт-Питербурха, генваря в 26 де[нь] 1720.

№ 189. 1720, 27 января. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнишкой, здравствуй!

Вчера разреженова и выхонененного^[245] зверя я от вас получил купьно и с письмом, исполненном корцьвейль-ворт. Поздравляю вам, друг мой, сим днем тезоименитства одной персоны нашева потрашенка.^[246] Дай, Боже, милость свою по его неизреченным щедротам! Протчее: как и где ныне веселимся – скажет вам доноситель сего.

Петр.

С карабля Ангута, в 27 д. генваря 1720.

№ 190. 1720, 4 марта. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнишкой, здравствуй!

Мы третьева дни сюды, слава Богу, здорова приехали; но не без сумнения мне, что ты так замешкалась, понеже хотела того-ж вечера или поутру ехать, а по ся поры не бывала. Дай знать, здорова ль? которого ^[247] всегда вам желаю.

Петр.

3 заводов, в 4 д. марта 1720.

№ 191. 1720, 20 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнишкой, здравствуй!

Благодарствую за присылку питья, ягод и дынь. Я по сей час за жестокими противными ветрами итить не мог. Ныне стал ветер тише и отменятца; и ежели так будет, то завь[т]ра поеду или [в] Выборх или отведывать карабли, понеже уже на ре[й]ду оныя вытянулись. А буде такой же противной и жестокой будет, то завтра поеду в Питербурх.

Петр.

Из Крошлота, в 20 д. июля 1720.

P. S. По[с]ылаю к вам презент, что вчерась получили с пришедшим голанским караблем. Торговых вчерась пришло два: голанской пинас да аглинской кечь, а сегодня голанской гукар. ^[248] Агличанин сам был во фьлотах своем и шведском и в Стокгольме; сказовает, что транспор[т]ных судов нет, а Норис больших восемь караблей в конце сего месеца отпускает в Англию, а з дастальными остаетца – и то не надолго.

№ 192. 1720, 20 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнишкой, здравствуй!

Сего утра прибыл гукар голанской, на котором приехал Иван Толстой и

привез довольно птиц; а маргышек повез 6, а осталось только три, и у тех головы разпухли. Он держал их все в заперти, что, чаю, большая причина их болезни.

Я чаю, что когда к вам придут, лутче будут. Аднакож дохтор писал к своему брату, чтоб их ка[к] мочно лечил. При сем я купил 10 баченков новых сельдей – гораздо хороши и свежи, из которых один оставил у себя, а 9 послал к вам. Дай, Боже, здорово употреблять! А у сего шипора еще их осталась 20 боченков. Сего дня ветер вольной, и я сего моменту пойду близ Варевалдай; а завътра, ежели не будет великова противънова ветра и можно будет лавировать, пойдем в море к Выборху.

Петр.

От Кроншлота, в 20 д. июля 1720.

№ 193. 1720, 26 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Я сего моменту из Выборха приехал к Красной Горки, где нашел нашу эскадру под парусами з господином адмиралом, и взяв завътрашней праздник ^[249] здесь, которым вам поздравляем, будем отведавать карабли день или другой, а потом пойдем к Кронъшлоту, а ты приезжай в Питергоф в пятницу или субботу.

Петр.

С яхты Анны, в 26 д. июля 1720.

№ 194. 1720, 27 июля. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Милостивое ваше писание, вчерашняго дня писанное, с великою радостью получила, за которое премного благодарствую, и взаимно вам, батюшка мой, сею викториєю поздравляю, желая, дабы всемилостивый Бог благословил вас многими викториями впредь.

О себе доношу, что я з детми нашими и со внучатами обретаюсь, слава Богу, в добром здравии, и сей день, благодарение Богу воздав, будем веселитца. Також желаю и вам, батюшка мой, сей день препроводить во

всяком веселии. А по отправлении сего торжества, послезавтра поеду в Питергоф, где буду ожидать вашего прибытия. При сем посылаю, батюшка мой, венгерского крепкого и сладкого по полудюжине и дюжину полпива, також несколько фруктов. Дай, Боже, оное кушать вам во здравие!

Июля 27 дня.

№ 195. 1721, 16 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Я намерился, ежели противънова ветру не будет, итить прямо в Питербурх; а ежели противной будет, то поеду шерами. Ты, как я тебе говорил, приехав в Нарву или ближе, как лутче разсудишь, поодожди от меня ведомости; а завтра в мызу и оттоль, как говорено, ежели не будет от меня письма, з Богом до Нарвы.

Петр.

С карабля Ингермонландии, в 16 д. июня 1721.

P. S. Пили про ваше здоровье, покрыв вашею табакеркою.

№ 196. 1721, 17 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Объявляю вам, что я сего моменту прибыл в Кроншлот, а в Гельзинфорс ветр не допустил; на пути был только 24 часа, в том числе еще несколько часов не очень ветр хорош. Сие получа, поежай прямо в Питербурх, как скоро хочешь; и дай, Боже, вас видеть в радости! А чаю завтра поеду в Питербурх, и от вас поклон отправлю.

Петр.

С карабля Ингермонландии при Кроншлоте, в 17 д. июня в 6 часу по полудни.

№ 197. 1721, 10 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Я сюды прибыл и чаял вчерась сделать, а сегодня поутру окончав ехать к тебе; но вчерась въвечеру рес припал, для того вчерась ничего не делал, а сегодня буду делать и завтра, Богу извольшу, окончав поутру – поеду к тебе.

Петр.

Из Питербурха, в 10 д. июля 1721.

P. S. Здесь только застал одну большую хозяйку, а разбойницы в Катерингофе.

№ 198. 1721, 5 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Мы втораго числа прибыли во флот, а 3-го была экъзерциция. Сего дня прибыли сюды; слава Богу, все счастливо. Не покручинься, что пишу худо: вчера карабли посещали. Поздравляю вам завътрашним празником. Дай, Боже, вас видеть в радости, а без вас скучно очень.

Петр.

С яхты от Кроншлота, в 5 авьгуста 1721.

№ 199. 1721, 6 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Письмо твое и фрукты я чрез Шепелева получил, за что благодарствую. А что сумневаеся о мне: слава Богу, здоров и не имел болезни, кроме обыкновенной с похмелья: истинно, верь тому. Завътра будут все по полудни в Питергоф, а позавътрее будут обедать у Гавърила Ивановича для того, что блиско там, где воду пускать будут. Я бы желал, чтоб и вы там были, ежели вам не трудно; и лутче б позавътрее туды прямо проехали, понеже лутче дорога, нежели от Питергофа, которая зело дурна; а пустить воду без вас не хочетца.

Петр.

Из Оранибома, в 6 д. августа 1721.

№ 200. 1722, 10 февраля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинькой, здравствуй!

Письмо твое я получил вчерась чрез Салавова, и хотя обнадеживаеете, что вам лехче, однакож понеже лишней день перемешкали, такъже при доносителе писма сего вашего еще не поехали, – не без сумнения мне. Дай, Боже, вас в радости видеть! Я сего дня поеду отсель ввечеру в путь свой.

Петр.

С Вологды, в 10 день февраля 1722.

№ 201. 1722, 21 ноября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Посылаю к тебе комвой 80 казаков да семдесят простых лошадей с седлы, на которых посади салдат, а драгун послать неково; а те, которые меня провожали, так худы лошади, что ни один со мною не поспел. Не подасадуи, что замешкали присылкою: збирали лошадей с кораулов от линии, а которые шли со мною, не годятца, зело устали. При сем посылаю к тебе новины – звено лососи; дай Бог на здоровье кушать! Я сюды поспел в полночь; а комвою со мною только 16 человек и с офицеры поспели скоро, только косточки горазда болят. За сим паки здравствуй. Дай, Боже, вас скоро в радости здесь видеть!

Петр.

Из Царицына, в 21 д. ноебря 1722.

№ 202. 1722, 6 декабря. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Здесь встретились мои сани; того для сани, в которых ехал, отпустил к вам. Также посылаю к вам вина бургонского 7 бутылок, да другою красного 12 бутылок. Дай, Боже, вам здорово пить!

Петр.

В 6 д. декабря 1722, из Ялани.

Р. С. [\[250\]](#)

№ 203. 1722, 14 декабря. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешницей, здравствуй!

Мы в прошлой вторник сюды прибыли на вечер благополучно, а в дороге мешкали в трех местах: на Серезде, в Тавьрове и на заводах. Того для ожидаем вас сего дня; а ежели сего дня не будете, то мне не без сомнения будет.

Петр.

Из Либириц, [\[251\]](#) 14 д. декабря 1722.

№ 204. 1723, 26 февраля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешницей, здравствуй!

Объявляю вам, что дорога зело худа и реку Шошу с трудом переехали; того для вели чрез оную себя в маленьких санях людем перевести, и чтоб шестов было более, понеже зело худа.

Петр.

З Городни, в 26 д. февьяря 1723, в 2-м часу по полудни.

№ 205. 1723, 26 февраля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешницей, здравствуй!

В пути сколько возможно поспешай; понеже дорога весьма худа: не только снегу, и череп,^[252] ежели так постоит, дни в два не будет. Итак ни саньми, ни телегою ехать мочно будет. Волга также плоха, которою в день с опасностью переедь в маленьких санех людьми.

Петр.

Из Твери, в 26 д. февьяраля 1723, в 6-м часу по полудни.

№ 206. 1723, 1 марта. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Я сюда доехал черепом, а отсель черепа по дороге, где подводы стоят, нет; а проселачная уска; также и на преспективой, сказавают, черепу нет. Того ради я сани здесь покидаю, а еду водою (понеже Волхов прошел) до прешпективы, а там калясками. Я вчерась ехал Мстою, лед был еще крепок, только ехал [в] валковънях; а тебе своими саньми тут ехать опасна: поежай летником.^[253] Также есть озеро, не доежая Бронниц, зело худо, и мы страхом переехали; а ты объедь кругом, о чем я и ямшикам приказывал, чтоб вам а том сказали. А когда приедешь сюды, поежай водою, взяв коляски, а суды велел приготовить; а коляски на бронницкой ям послать велел г. маеору Волкову.

Петр.

Из Новагорода, в 1 д. марта 1723.

№ 207. 1723, 4 марта. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Я вчерась сюды приехал, слава Богу, благополучно, и потрошонка наш в добром здоровье; только хотя ими и порадавался, а без вас очень скучно. Дорога преспективная очень худа, а особливо чрез мосты высокие, которые чрез реки многая не крепьки; того ради лутче, чтоб пешком перешла или в одноколки переехала. Кареты к вам посланы. Дай, Боже, чтоб вас в радости видеть скоряя.

Петр.
Из Санкт-Петербурха, марта 4 д. 1723.

№ 208. 1723, 5 марта. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Сего утра мы услышали, что ты третьего дня прибыла на преспективу позна, и ежели вчера рано горазда поехала оттоль, то можешь сего дни поспеть сюды; ежели ж не рано, то сего дни очень позно будешь. Того ради, ежели засветло сегодня не можешь поспеть, то лутче начевать на Ижоре или в Вологотской слаботке, дабы сюда днем приехать вам, а не ночью; о чем дай нам знать.

Петр.
Из Питербурха, в 5 д. марта 1723.

№ 209. 1723, 4 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушъка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Объявляю вам, что мы со флотом вчерашнего дни в здешней бай^[254] прибыли благополучно [в] 8 часов по полудни, и стали на якорь; а сего моменту идем к городу. Могли б быть и ранее, только великой был туман; чего для зело опасались кокшхар и протчих мелей, того для немного парусов употребляли. За сим паки здравствуй и будь весела, а мы, слава Богу, веселы и здоровы.

Петр.
От Ревеля, в 4 д. июля 1723.

№ 210. 1723, 8 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Иного писать не имею, только, слава Богу, все здесь благополучно. Огород, которой 2 года как посажен, так разросся, что веры нельзя нять; ибо одинакие деревья большия, которые вы видели, уже в некоторых местах срослись вет[в]ями через дороги, и любимое теткина дерева, у которого сук подобен средоуказательному персту без ногтя, изрядна принелось; каштаны такъже все изрядно кроны имеют. Полаты только снаружи домазавают, а вьнутри готовы, и единым словом сказать, что едва ль где инде такой дом правильной имеем. При сем посылаю вам клубники, которая еще до приезде нашего на грядках поспела, также и вишни; зело удивляюсь, что так рана здесь поспеваает, а один градус с Питербурхом, и для сей куриозы посылаю вам оных фрукътов. Дай Бог пробовать оные на здоровье; а клубнику налил спиртом только для виду вам.

За сим отдаю вас и с потрашонком в Божие защищение.

Петр.

С карабля с. Екатерины от Ревеля, 8 д. июля 1723.

P. S. Хотя, слава Богу, все хорошо здесь, только без вас скучно, и для того на берегу не живу.

№ 211. 1723, 18 июля. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнишкой, здравствуй!

Уже 8 дней как я от тебя не получил письма, чего для не без сомнения; а наипаче, что не ответствуешь на письмо и посылку, что послано с Андреем деншиком. Дай, Боже, вас видеть в радости; а мы, слава Богу, здоровы и начали пересыпать здешней залив камнем, и стоим здесь за противьным ветром.

За сим предаю вас и з детьми в сохранение Вышнего.

Петр.

Из Рогорвика, в 18 д. июля 1723.

№ 212. 1723, 4 августа. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнишкой, здравствуй! Не доежая

Дубков, переменялся ветер; того ради яхту отпустил я к вам, а сам поехал в шлюпке сюды, и отсель еду к Варивалдаем; понеже сего моменту получил письмо от Арлова, что флот увидели близь Березовых островов. Ты завътра поежай не рана на Котлин, на пример: чтоб тебе часу в пятом быть туды.

Петр.

Из Аранибома, в 4 д. авъгуста 1723.

№ 213. 1723, 24 сентября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравъствуй!

Благодарствую за фрукты, а особливо, что уведал от посланнова, что вам лутче и что у обедни уже были. Я сего дня начел фортофикацию обмеривать, понеже вчерась ненас[т]ъе не допустило. Я здесь пробуду до пятницы, а в пятницу, ежели Бог изволит, буду к вам. Не погневайся, что присланного ничем не подарил, недостаток в казне имею.

Петр.

С Котлина, в 24 д. сентебря 1723.

№ 214. 1724, 9 января. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравъствуй!

Я сего моменту на боту от Аранбома сюды прибыл, слава Богу, благополучно, что здесь многих удивило; а перебежал около четверти часа. Другую диковинку объявляю, что вчерась в Питергофе фонтанна играла, чего и во Франции не бывает. За сим паки здравъствуй.

Петр.

Из Кронштата, в 9 д. генваря 1724.

№ 215. 1724, 18 марта. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинькой, здравствуй!

Здесь по реке много раз ехать надлежит и дорога не безопасна, того для поежай в самых малых боткавнях, ^[255] и вели шестов взять и с опасеньем переезд зделай.

Конечно сие учини.

Петр.

В 18 день марта 1724.

№ 216. 1724, 4 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинькой, здравствуй!

Мы сюда вчерась приехали, слава Богу, здорово и сего дни зачали воду пить. Оную воду лутче нашли, неже о ней чаяли, о чом пространнее писал дохтор к брату своему. Сколько возможно познать от первого дня, сие у меня было: выпил 9 достаканов, первой с солью, – было 5 сталчаков, из которых последние два одна вода, и для того урины мало было. Голову жала и будто шуметь стал[о], так как и на Олонце, только от олонецких скоро отходит, а от сей долго держит.

Что завътра и позавътрее будет – писать буду, и надеюсь, что Бог даст доброе. Дай, Боже, вас видеть в совершенном здоровье при возврате.

Петр.

3 заводов, в 4 день июня 1724.

№ 217. 1724, 7 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинькой, здравствуй!

Объявляю вам, что воды, слава Богу, действуют изрядно, а особливо урину гонят не меньше алонецких; только опетит не такой, аднакож есть. Письмо ваше ответное на мое я третьего дни получил, и что тебе слабоднее есть, тому порадовался, как мне и Павел сказавал.

Петр.

Из Торутина, в 7 день июня 1724.

№ 218. 1724, 9 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинькой, здравствуй!

Благодарствую за уведомление, что вы, слава Богу, приходите в старое здоровье; а мне гораздо лутче от вод стала и надеюсь с помощью Божиею избыть болезнь, и чаю в пятницу к вам быть. Не забывай, друг мой, потрашенку дожидатца приказать меня на Вышнем Волочку, и буде забыла, то отпиши. Платара (ежели еще у вас) отпусти с книгами туды ж. Также ежели есть полотно, что в окны от камаров прибивают, пошли наперед к Пальчикову, дабы зделал, чтоб приехав не мешкать за тем. Буде же нельзя сыскать, то вели купить редких ситовин и послать; дабы оные, вшив в полотно, к рамом в окны прибил.

Петр.

В 9 день июня 1724.

№ 219. 1724, 21 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинькой, здравствуй!

Я вчерась прибыл в Боровичи, слава Богу, бла...^[256] здорово, где нашол наш^[257] потрошонко и с ними вчерась поплыл на одном судне; понеже мое стала на пороге Черце, и зело мучился от мелей, чего и тебе опаюсь – разве з дождей вода прибудет; а ежели не прибудет и сносно тебе будет, лутче б до Бронниц ехать сухим путем, а там ямы частые – не надобно волос[т]ных. Мы в запас в Бронницах судно вам изготовим. Я сегодня по обеде еду в лотке, покрытой оксамитами старой русской фабрики. Более писать не имею, токмо дай, Боже, вас в радости и скоро видеть в Питербурхе.

Петр.

В 21 день июня 1724.

Вслед за письмом Петра находится следующая приписка цесаревен Анны и Елизаветы:

Всемиловнейшая наша Государыня матушка! Даносим вашему

величеству, что мы обретаемся в добром здравие. Осытаемся вашего величества всенижайши[я] тчери Анна, Елисафет.

№ 220. 1724, 26 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинькой, здравьствуй!

Объявляю вам, что я вчерась с помощью Божию сюды прибыл благополучно. Большую хозяйку и внучат нашел в добром здравье, также и все – как дитя в красоте разтущее, и в огороде повеселились; только в полаты как войдеш, так бежать хочетца – все пусто без тебя: адна Медведица ходит, да Филиповъна, и ежели б не праздники зашли, уехал бы в Кронштат и Питергоф. Дохтор Биллоу, когда въехали в Питербурх и в огород вошли, как святой Иоан в Патме был в восторзе. За сим дай Бог вас в радости здесь видеть вскоре.

Петр.

Из Санкт-Питербурха, в 26 д. июня 1724. P. S. Караблей чужестранных 100 в приходе.

№ 221. 1724, 27 июня. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинькой, здравьствуй!

Сего утра Андрей от вас письмо мне отдал, из котораго обрадовался, что ты в старое здравье пришла. Дай, Боже, оное видеть и шутку вашу разтолковать. Для приезду вашего сюды послал я яхту Наталью да два дамшхойта для людей; также послал венгерского, пива, помаранцоф, лимоноф и агурцоф соленых новых, которых здесь есть уже и [по] партикулярным домам.

Петр.

Из Питербурха в 27 день июня 1724.

P. S. Благодарствую за поздравление сего праздника.

№ 222. 1724, 30 июня. Письмо Екатерины Алексеевны к Петру I.

Друг мой сердешнинкой, господин адмирал, здравствуй на множество лет!

Вашей милости сим доношу, что я на Вышней Волочок 26-го дня сего мимоидуцаго прибыла в добром здравье, откуда, по отправлении настоящего торжества баталии полтавской, того ж дня в 6-м часу по полудни пошла в надлежащей путь мой водою и прибыла на Опеченской Рядок в 34 часа благополучно, где, отправя достойное Всевышнему благодарение при прибытности вашей команды трех баталионов (ис которых как командиры, так и салдаты зело нарядны были) за дражайшее тезоимеництво ваше, с которым хотя чрез денщика Андрея и поздравляла, но и сим паки поздравляю. Притом же за милостивое писание ваше благодарствую, в котором изволите обо мне иметь опасение от мелей и от порога Черца, которые я с помощию Божию без оstonовки проехала. И оные пороги Боровицкия объехав сухим путем, сего моменту поехала паки водою, и сердечно желаю в радости вас скарее видеть и остаюсь жена ваша Екатерина.

Ис пути от Потерпилицкой пристани, 30-го дни июня 1724 года.

№ 223. 1724, 3 октября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинькой, здравствуй!

Я, слава Богу, сюды здорово приехал и начюю в Именитом, где я вчерась поутру з боку полежал. Как поедешь в Питергоф, возми шипора^[258] Яна Ноболя (которого знаеш, что из Прус меня увез); понеже он желал видеть Питергоф. За сим здравствуй!

Петр.

От Кронштата, в 3 день октября 1724.

№ 224. 1724, 15 октября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушъка, друг мой сердешнинькой, здравствуй!

Мы сегодня ввечеру до порогов отъезжаем, а завтра от порогов, Богу изволшу, пойдем в путь свой; понеже боты с великим трудом чрез пороги тенули. Любраса молодова, которой был с Алыбердеевым, отправте немедленно, чтоб ехал на то место, отколь даяние воды будет на обе стороны, то есть к Волге и Сясе, и дожидался б там Волкова, которой поехал Сясею вверх. За сим здравствуй; дай, Боже, вас в радости видеть.

Петр.

Из Ладоги в 15 день октября 1724.

№ 225. 1724, 25 октября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинькой, здравствуй! Мы, слава Богу, сюды вчерась мы приехали в добром здравье, лавироваф два дни и ночь на Илмени. При сем прила[га]ю письмо господина Алатора. Вотчину вашу Коростину видели издали, из которой привезли зверя к нам ученаго, которого сами привезем.

Петр.

Из Русы, в 25 день октября 1724.

P. S. Мастер наш изволил сей день ничево не кушать, а для чего – не знаем.

№ 226. 1724, 31 октября. Письмо Петра I к Екатерине Алексеевне.

Катеринушка, друг мой сердешнинькой, здравствуй!

Понеже ветер стоит противной и ежели не можем доехать до Питергофа; того для, ежели и завтра такая ж погода будет, пришли барджу да верейку в Лахту.

Петр.

З заводов, в 31 д. октября 1724.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ I

1683 (по другим сведениям, 1685 или 1686), 5 апреля – рождение Марты.

1702 – взятие русскими войсками Мариенбурга. Марта попадает в плен и оказывается сначала у фельдмаршала Б. П. Шереметева, затем у А. Д. Меншикова и наконец у Петра I, который делает ее своей наложницей.

1704 – рождение царевича Павла Петровича (ум. до 1707).

1705, сентябрь – рождение царевича Петра Петровича (ум. до 1707).

1706 – крещение Екатерины в православие.

1706, 27 декабря – рождение царевны Екатерины Петровны (ум. 27 июля 1708).

1708, 27 января – рождение царевны Анны Петровны (ум. 4 мая 1728).

1709, 18 декабря – рождение царевны Елизаветы Петровны (ум. 25 декабря 1761).

1711, 6 марта – тайное венчание Петра I и Екатерины Алексеевны.

1711, лето – Екатерина сопровождает Петра в Прутском походе.

1712, 19 февраля – бракосочетание Петра I и Екатерины Алексеевны.

1713, 27 марта – рождение царевны Натальи Петровны (ум. 27 мая 1715).

1714, 8 сентября – рождение царевны Маргариты Петровны (ум. 27 июня 1715).

1715, 27 октября – рождение царевича Петра Петровича (объявлен наследником в 1718, ум. 25 апреля 1719).

1716-1717 – Екатерина сопровождает Петра в его втором заграничном путешествии.

1717, 2 января – рождение царевича Павла Петровича (ум. 3 января того же года).

1718, 19 августа – рождение царицы Натальи Петровны (ум. 4 марта 1725).

1722 – Екатерина сопровождает Петра в Персидском походе.

До 1723 – рождение царевича Петра Петровича (ум. в октябре 1723).

1724, 7 мая – коронация Екатерины Алексеевны.

1724, 8 ноября – арест и последующая казнь Виллима Монса, предполагаемого любовника Екатерины.

1725, 28 января – смерть Петра I. Екатерина провозглашена

императрицей.

1727, 6 мая – кончина императрицы Екатерины I.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Екатерина Алексеевна. Ж. М. Наттѐе. 1717.

Граф Борис Петрович Шереметев. *Неизвестный художник. Начало XVIII в.*

Князь Александр Данилович Меншиков. *Миниатюра Г. С. Муסיкийского. Около 1710.*

Мариенбург (современный Алуksне). Развалины замка XIV в.

Современный вид.

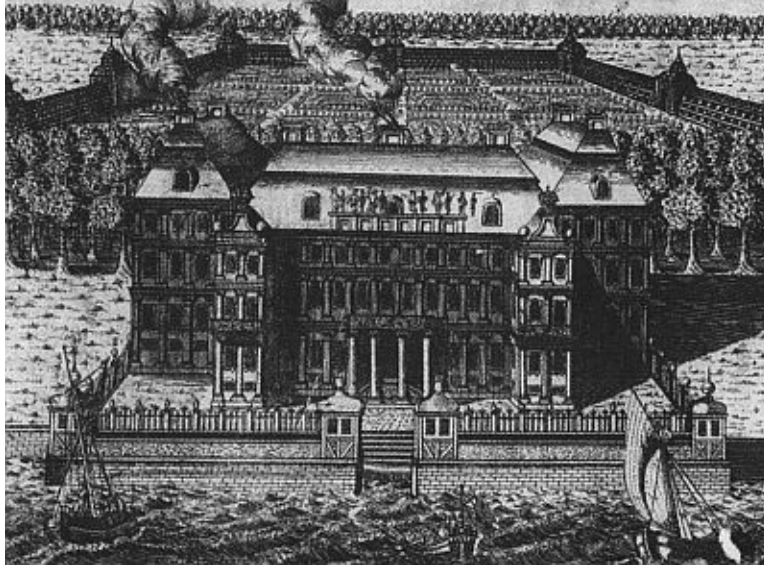
Петр I. Г. Схалкен. 1703-1706.

и делайте то что скажу
всего во вторник
три тысячи рублей
платить на восток
и на северные стороны
на черные камни по четверти
по 8
5 января 1708 Дин

Записка Петра I от 5 января 1708 года – его распоряжение в пользу

Екатерины на случай смерти:

«Ежели что мне случится волею Божию, тогда три тысячи рублеф...
отдать Катерине Василефьской и з девочьюю».

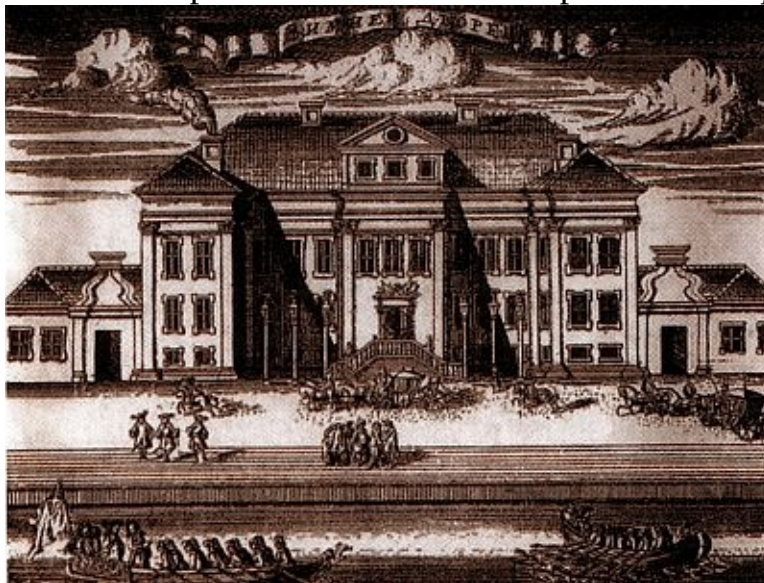
Дом светлейшего князя Меншикова. А. И. Ростовцев. 1716-1717.

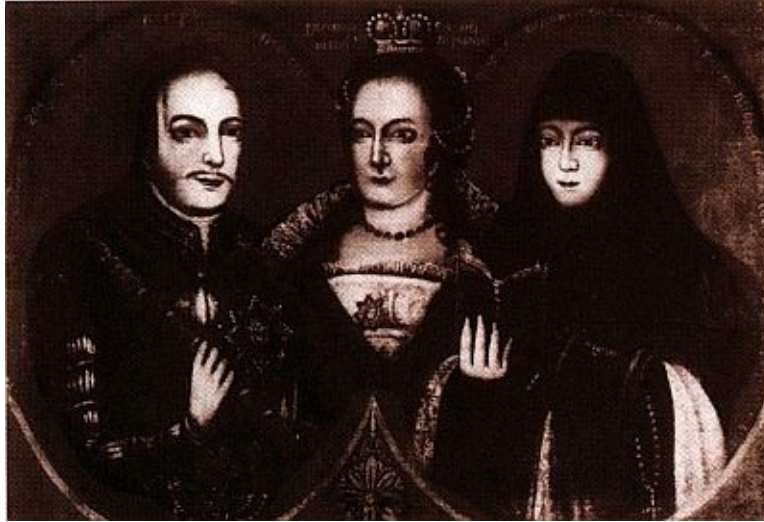
Екатерина Алексеевна. *К. Моор. 1717.*

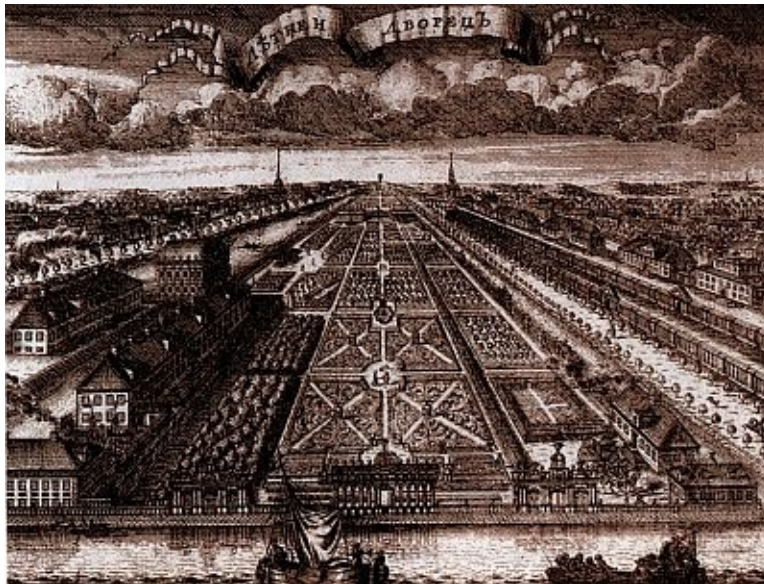
Цесаревны Анна Петровна и Елизавета Петровна. *Л. Каравакк. 1717.*

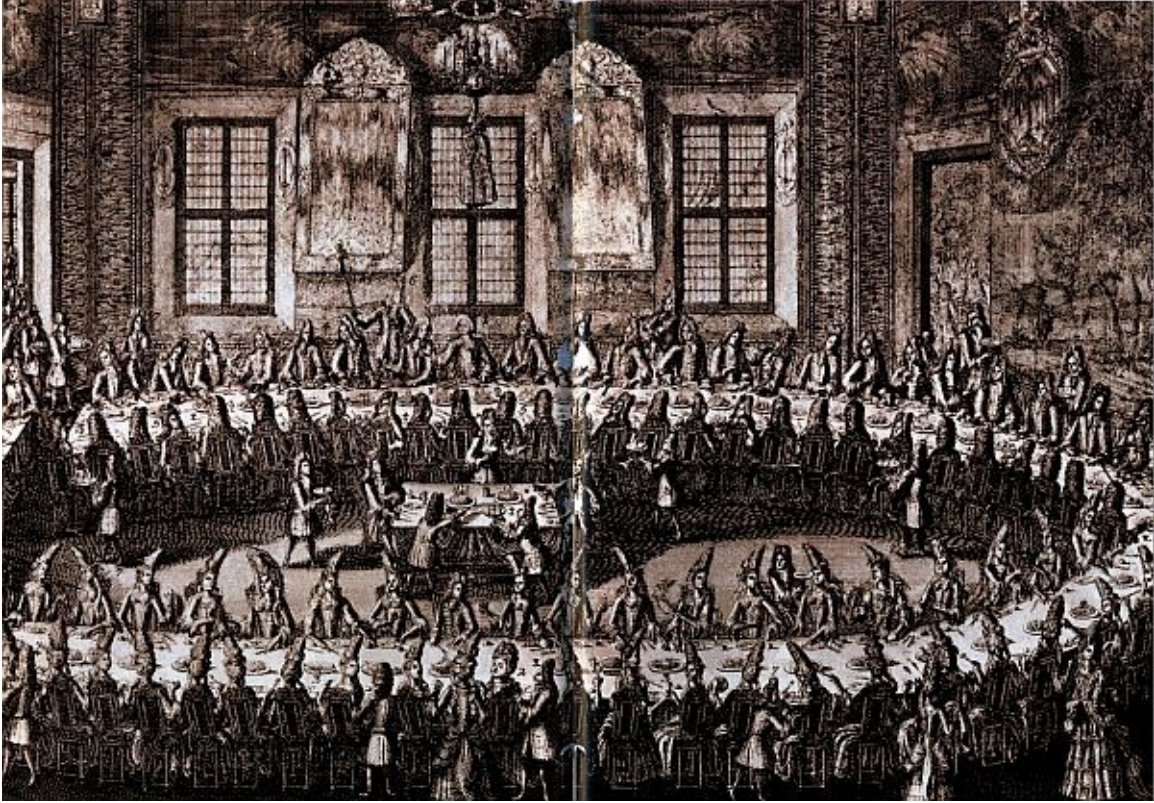
Зимний дворец. *Гравюра А. Ф. Зубова. 1716.*

Царь Петр Алексеевич, его вторая жена Екатерина Алексеевна и первая жена Евдокия Федоровна Лопухина. Тройной портрет. *Неизвестный художник.*

Летний дворец (слева, на берегу Большой Невы) и Летний сад. А. Ф. Зубов. 1716.

Бракосочетание Петра I и Екатерины 19 февраля 1712 года. А. Ф. Зубов. 1712. Цифрами обозначены: 1 – Петр I, 2 – Екатерина, 6 – Меншиков.

Царевич Петр Петрович. *Портрет из Романовской галереи.*

Петр I с семьей. Миниатюра Г. С. Мусикийского. 1717.

Цесаревна Анна Петровна. Л. Каравак. 1725.

Цесаревна Елизавета Петровна. *И. Н. Никитин. 1720-е гг.*

Медаль в честь коронаванія императрицы Екатерины I. 1724.

Кубок с камнями – подарок Екатерине Алексеевне датского монарха.
Гравюра по рисунку О. Эллигера.

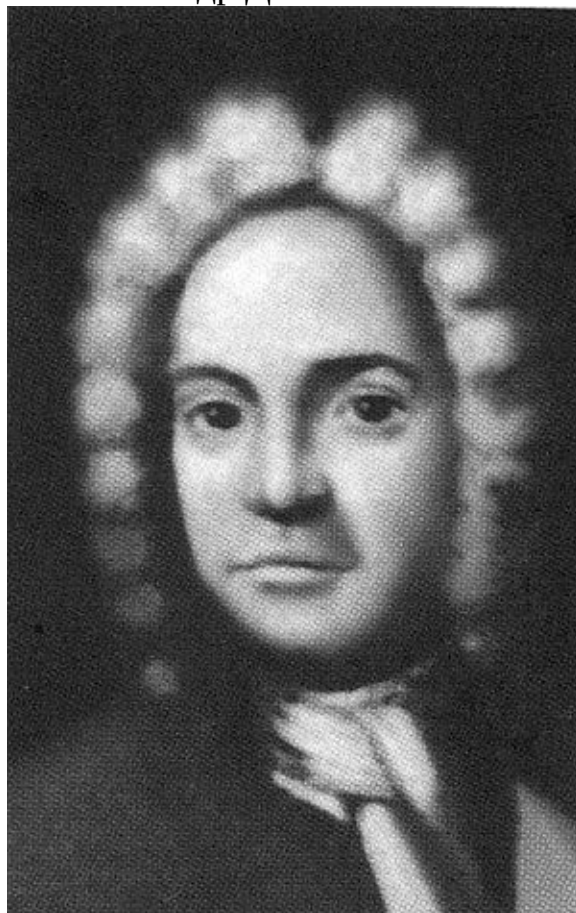
Коронование императрицы Екатерины I. Гравюра И. Ф. Зубова. 1724.

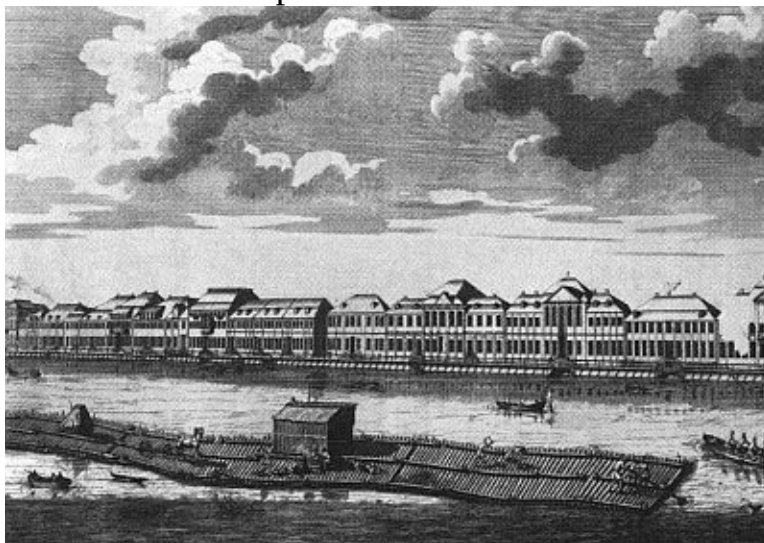
Императрица Екатерина I. *Неизвестный художник.*

Светлейший князь Александр Данилович Меншиков. *И. Г. Таннауэр.*

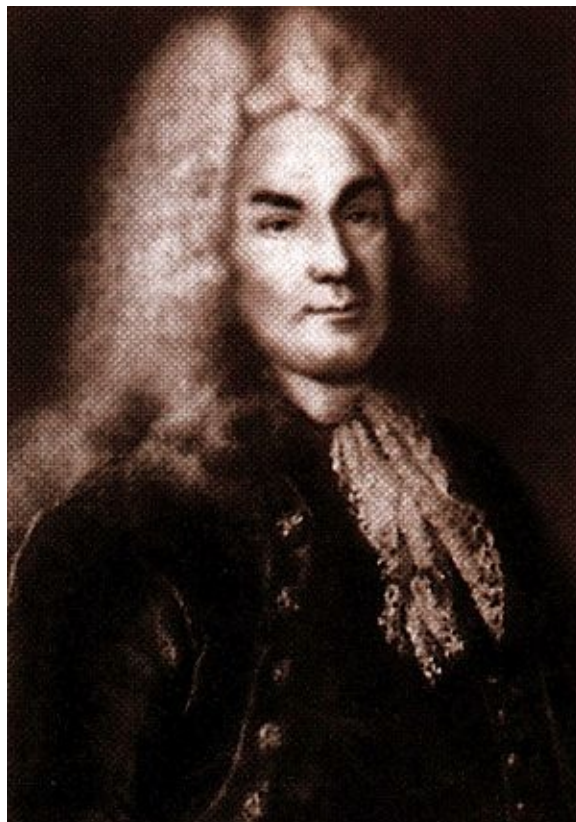
Алексей Васильевич Макаров.

Верхняя набережная Санкт-Петербурга. Вид на Дворцовую канцелярию и палаты вельмож. Гравюра О. Эллигера по рисунку Х. Марсечиуса. 1725.

Граф Павел Иванович Ягужинский. Неизвестный художник.

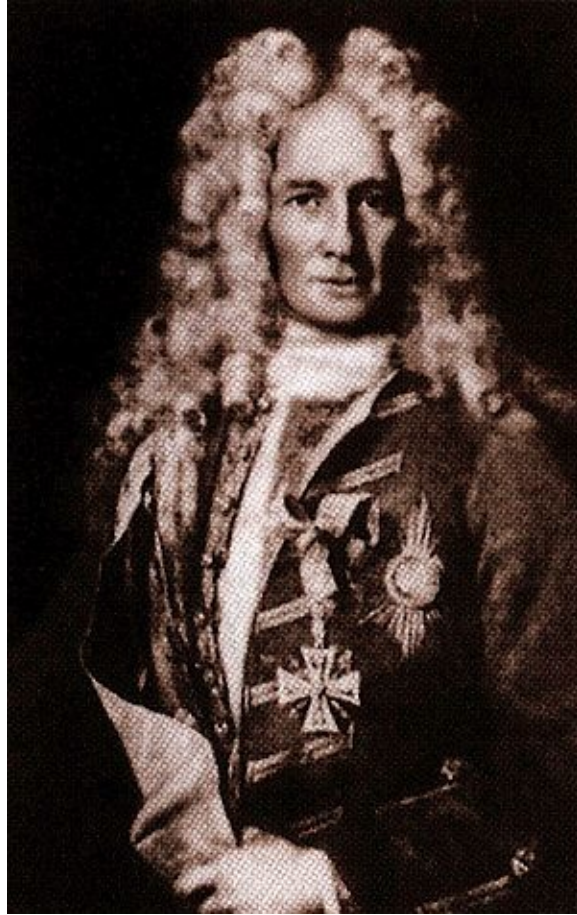
Граф Петр Андреевич Толстой. *И. Г Таннауэр. 1719.*

Верхняя набережная Санкт-Петербурга. Вид на палаты великого адмирала (графа Апраксина) и других вельмож. *Гравюра О. Эллигера по рисунку Х. Марселиуса. 1725.*

Граф Федор Матвеевич Апраксин. *Копия с оригинала петровского времени.*

Граф Гавриил Иванович Головкин. *И. Н. Никитин. 1720-е гг.*

Барон Петр Павлович Шафиров. *Неизвестный художник.*

Граф Андрей Иванович Остерман. *Неизвестный художник.*

Екатерина I. *Неизвестный художник.*

Екатерина I в костюме. *Неизвестный художник.*

Санкт-Петербург в 1727 году. *Гравюра А. Ф. Зубова.*

notes

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 1. СПб., 1863. С. 132.

Юст Юль. Записки. М., 1899. С. 124.

Вильбуа Ф. Рассказы о российском дворе *Подг. к печати А. А. Никифоров; перевод Г. Ф. Зверевой* / Вопросы истории. 1992. № 1. С. 140-143.

Сборник Русского Исторического общества (далее – Сб. РИО). Т. 64.
СПб., 1888. С. 38.

См.: Михневич В. Семейство Скавронских // Исторический вестник. 1885. № 2. С. 233-257; № 3. С. 536-572; Белозерская Н.А. Происхождение Екатерины Первой // Исторический вестник. 1902. № 1. С. 56-90; Трот Я. К. Происхождение императрицы Екатерины I // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. Т. 18. СПб., 1878. С. 7-32.

Белозерская Н. А. Происхождение Екатерины Первой. С. 86.

Берхгольц Ф. В. Дневник. Ч. 2. М., 1903. С. 126, 127.

Семевский М. И. Царица Екатерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс.
СПб., 1884. С. 342-343.

Сб. РИО. Т. 34. СПб., 1861. С. 102.

Ваңдел А. Императрица Елизавета и Людовик XV. Б/м, б/д. С. 49.

Щербатов М. М. Соч. Т. 2. СПб., 1898. С. 168-170.

Письма русских государей и других особ царского семейства. Ч. 1. М., 1862. С. 40, 44.

Семеновский М. И. Тайная служба при Петре I. Минск, 1993.

Отечественные записки. 1845. Т. 38. Отд. 2. С. 1-17; Берхгольц Ф. В. Дневник. Ч. 4. М., 1903. С. 32-42.

Басевич Т. Ф. Записки о России. М., 1866. С. 159, 160.

Павленко Н. И. Полудержавный властелин. М., 1988. С. 193, 194.

Письма русских государей... Ч. 2. С. 143, 144.

Семеновский М. И. Тайная служба при Петре I. С. 478-480.

Берхгольц Ф. В. Дневник. Ч. 2. С. 72.

Бассевич Т. Ф. Указ. соч. С. 169, 170.

Сб. РИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 391.

Брикнер А. Императрица Екатерина I // Вестник Европы. СПб., 1894. С 126.

Вильбуа Ф. Рассказы о российском дворе. С. 151.

Письма русских государей... Ч. 2. С. 163, 166.

Рассказы Нартова о Петре Великом // Русский архив. 1865. С. 196.

Сб. РИО. Т. 52. СПб., 1886. С. 386, 379, 406.

Сб. РИО. Т. 3. С. 382, 397.

Берхгольц Ф. В. Дневник. Ч. 2. С. 71.

Сб. РИО. Т. 3. С. 398, 399.

Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. 3. М., 1914. С. 203.

Сб. РИО. Т. 52. С. 420, 421.

Яковлев Т. М., Аникин И. Л., Трухачев С. Ю. Материалы к истории болезни Петра Великого // Военно-медицинский журнал. 1990. № 12. С. 57-60.

Бассевич Т. Ф. Указ. соч. С. 172.

Сб. РИО. Т. 15. СПб., 1876. С. 257.

Щербатов М. М. Соч. Т. 2. С. 169.

Соловьев С. М. Соч. Кн. 9. М., 1993. С. 541, 542.

Сб. РИО. Т. 15. С. 251, 252.

Павленко Н.И. Полудержавный властелин. С. 293, 301.

Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России 1725-1762 гг. Рязань, 2003. С. 95, 106.

Соловьев С. М. Соч. Кн. 10. М., 1993. С. 542.

Русский вестник. СПб., 1842. № 2. М., 1993. С. 150.

Сб. РИО. Т. 52. С. 437, 444.

Сб. РИО. Т. 64. С. 105, 154, 348.

Курукин И. В. Указ. соч. С. 107.

Соловьев С. М. Соч. Кн. 9. С. 344-346.

Курукин И. В. Указ. соч. С. 108.

Сб. РИО. Т. 64. С. 28, 57, 157, 177, 460, 468, 515, 542, 548, 555.

Сб. РИО. Т. 15. С. 333-334; Брикнер А. Императрица Екатерина I. С. 126.

Журнал камер-фурьерский за 1726 год. [Б. м.; б. г.]

Сб. РИО. Т. 3. С. 415, 439.

ΠСЗ. Т. 7. № 1645, 4648, 4724, 4651.

Там же. № 4669.

Там же. № 4867.

Сб. РИО. Т. 58. СПб., 1887. С. 8, 33, 105, 158, 179, 254, 348, 359, 360.

Сб. РИО. Т. 64. С. 311.

Там же. С. 27, 395, 396, 272.

Соловьев С. М. Соч. Кн. 9. С. 455, 449.

Павленко Н. И. Полудержавный властелин. С. 265-282.

Безвременно и временщики. Л., 1991. С. 41.

Щербатов М. М. Соч. Т. 2. С. 170.

Соловьев С. М. Соч. Кн. 9. С. 551.

Сб. РИО. Т. 55. СПб., 1886. С. 56.

Там же. Указ от 1 января 1727 г.

Сб. РИО. Т. 55. С. 431.

Павленко Н. И. Вокруг трона. М., 1999. С. 384-414.

Сб. РИО. Т. 56. С. 381, 382, 431; Т. 63. С. 559.

Сб. РИО. Т. 55. С. 369, 374, 151.

Там же. С. 90.

Сб. РИО. Т. 56. С. 25, 26.

Сб. РИО. Т. 63. СПб., 1888. С. 150, 151, 186, 372.

Осмнадцатый век. Кн. 2. С. 31, 32.

Сб. РИО. Т. 15. СПб., 1875. С. 327.

Там же. С. 32.

Сб. РИО. Т. 75. С. 192.

Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. М., 1902. С. 464, 465.

Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1860. Кн. 4.
Смесь. С. 269-273.

Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1897. Кн. 1.
С. 30-35.

Сб. РИО. Т. 63. С. 110.

Там же. № 5017.

Сб. РИО. Т. 56. С. 473.

Соловьев С. М. Соч. Кн. 9. С. 582-588.

См.: Исторические записки. 1971. № 91. С. 338-352.

Соловьев С. М. Соч. Кн. 9. С. 538.

Богословский М. М. Указ. соч. С. 492-506.

Соловьев С. М. Соч. Кн. 9. С. 569, 570.

Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. М., 1985. С. 212.

Сб. РИО. Т. 63. С. 793, 794.

Сб. РИО. Т. 52. С. 144; Т. 64. С. 60, 96, 97.

Соловьев С. М. Соч. Кн. 10. С. 57.

Там же. С. 62.

Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М., 1892. С. 102-107; Соловьев С. М. Соч. Кн. 10. С. 24.

Брикнер А. Т. Австрийские дипломаты в России // Вестник Европы. 1893. № 12. С. 523-525.

Юхт А. И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 43.

Брикнер А. Т. // Русская мысль. Кн. 7. 1895. С. 109; Полиев Ф. Р. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира. СПб., 1907. С. 5-7.

Соловьев С. М. Соч. Кн. 10. С. 51, 59.

Павленко Н. И. Савва Лукич Владиславич-Рагузинский // Вокруг трона. М., 1999. С. 467-477; Он же. Сора́тники Петра. М., 2001. С. 377-432.

Сб. РИО. Т. 64. С. 529, 530.

См.: Ковалевский Е. П. Суд над графом Девиером и его соучастниками
// Собр. соч. Т. 1. СПб., 1871. С. 193, 194.

Сб. РИО. Т. 75. С. 11, 14.

Русский архив. Т. 10. С. 547.

Сб. РИО. Т. 3. С. 505, 506.

Сб. РИО. Т. 75. С. 25, 26.

Сб. РИО. Т. 3. С. 473.

Сб. РИО. Т. 15. С. 245, 346.

Там же. С. 342.

Там же. С. 51.

Сб. РИО. Т. 3. С. 490.

Сб. РИО. Т. 3. С. 479, 480.

Сб. РИО. Т. 75. С. 67.

Сб. РИО. Т. 3. С. 488.

Вестник Европы. 1896. № 2. С. 560.

Там же. С. 386, 387.

Соловьев С. М. Соч. Кн. 10. С. 110, 111.

Сб. РИО. Т. 3. С. 489-490.

Сб. РИО. Т. 69. СПб., 1889. С. 370.

Вестник Европы. 1898. № 2. С. 570.

Сб. РИО. Т. 3. С. 496.

Сб. РИО. Т. 3. С. 494.

Соловьев С. М. Соч. Кн. 10. С. 116, 117.

Следующие два письма печатаются по изданию: Семевский М. И. Царица Екатерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. СПб., 1884. С. 333-335. (Примеч. ред.)

Гребное судно.

В издании М. И. Семевского ошибочно датировано 1707 г. (Примеч. ред.)

От голландских слов: ganzekien (гусенок) и kelder (погреб). Иными словами, по расчетам Петра, Екатерина должна получить письмо к самому времени рождения ребенка (дочери Анны).

Имеется в виду болезнь придворного карлика Якима Волкова, подхваченная им в предыдущем году в Польше.

Дарье Михайловне Меншиковой, жене А. Д. Меншикова.

Шведский генерал Крассау.

Так Петр называл застолья с употреблением горячительных напитков.

Жених Анисьи Толстой – окольный Кузьма Крисанфович Патрикеев.

Письмо печатается по изданию: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 2. М., 1952. С. 1251-1252. См. также в издании М. И. Семевского (Указ. соч. С. 333-334), где письмо отнесено к 1703-1707 гг. (Примеч. ред.)

Куртка, безрукавка (от голландского borstrok).

Печатается по изданию: Семевский М. И. Царица Екатерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. СПб., 1884. С. 334. В издании ошибочно датируется 1704 г. (Примеч. ред.)

По-видимому, речь идет о предстоящем рождении Елизаветы Петровны, притом что Екатерина и Петр ожидали сына. (Примеч. ред.)

Князь-папа – Н. М. Зотов; князь-игуменья – Д. Г. Ржевская, жена И. И. Ржевского.

«Четверной лапушкой» Петр, по-видимому, называл дочь Елизавету.

Здесь и далее – названия кораблей.

Вытный – рослый, здоровый.

В подлиннике: отомстим.

28 сентября праздновалась годовщина битвы при Лесной.

Ошибка. Должно быть: октября.

При определении собственного возраста Петр ошибается: ему шел 41-й год. При определении возраста Екатерины (27 лет) Петр исходит из того, что она родилась в 1685 или 1686 г.

Матрена Балк, жена Ф. Н. Балка и сестра Анны и Виллима Монса.

Чума.

Окольничему К. К. Патрикееву.

11 октября праздновалась годовщина взятия Нотебурга.

«Между делом и словом лежит много высоких гор».

Ильинична-А. И. Клементьева, «мамка» царевны Анны Петровны.
Медведь – возможно, Степан Медведь – денщик Петра.

170

В подлиннике: Сурляндии.

Печатается по изданию: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12. Вып. 2. М., 1977. С. 536. Письмо написано от имени Екатерины сыном Петра царевичем Алексеем. (Примеч. ред.)

Князю И. А. Мусину-Пушкину.

Саксы, то есть саксонцы.

Архидиакон – Ю. Ф. Шаховской, участник Всешутейшего собора.

Пас – тесное место, проход между мелями.

Цесаревны Анны.

От английского foot (основание, опора). «Фут взяли» – то есть «твердой ногой встали».

Князя-кесаря Ф. Ю. Ромодановского

В подлиннике: привезем.

Царевна Наталья Петровна, упоминаемая в этом письме, родилась 3 марта 1713 года, а скончалась 27 мая 1715 года.

181

Эль, английское пиво.

В списке Государственного архива письмо помещено между письмами 1713-1715 годов.

Собственной рукой Петра написаны только заголовок и конец письма, со слов: «и атаке план...».

Союзников.

Так в рукописи. Известие о прибытии Петра I к берегам Финляндии сообщено им в письме от 18 июля 1714 года.

Головкин.

4 августа Петр I был в городе Або в 1714 году.

Родоначальник фамилии Ганнибал, один из предков А. С. Пушкина.

Князя-кесаря Ф. Ю. Ромодановского.

Слово «стеклянному» приписано сверху строки неизвестной рукой.

В подлиннике: «и Виктория».

Игра слов. Сиг – лечение.

Король.

Вероятно, речь идет о царевиче Петре Петровиче.

Smak (англ.) и tjalk (галл.) – морские суда.

Очевидно, речь идет о забавах с шутами и карлицами.

Дам – плотина.

Рейном.

Собственной рукой Петра написаны только слово «дубликат», заголовок письма, слова: «а другую оставте в Мекленбургии» и конец письма, со слов: «как я, так и вьсе со мною здесь...».

Так называлась дача (загородный дом Бранта) в Голландии.

201

Геморрой.

От французского *alteration* – душевное беспокойство.

Так в подлиннике, но это, очевидно, описка. Письмо должно быть отнесено к 1717 г. на следующих основаниях: во-первых, в Амстердаме, откуда оно отправлено, Петр был в январе 1717-го, а не 1716 г.; во-вторых, судя по содержанию, в нем говорится о кончине царевича Павла Петровича, последовавшей 3 января 1717 г.

Этими словами, крупно написанными собственной рукою Петра I, он – следуя обычаю – обманывает Екатерину Алексеевну, поздравляя ее с 1 апреля.

День рождения Екатерины.

Вероятно, не позднее 7-го числа.

Фантанж – головной убор; ангажанты – манжеты на груди и рукавах.

Вероятно, «во Фрянки», то есть «во Францию».

Jalousie – ревность.

210

Хлебной водки.

Игра слов. «Фрянки» – Франция; «фря» – пренебрежительное обозначение женщин.

212

Ваас (галл.) – мастер.

Ковровая, шпалерная.

В оригинале: «какировать».

Царевич Петр Петрович.

216

В подлиннике: балтавской.

Шишечкою государь называл царевича Петра Петровича.

218

Число в подлиннике написано неразборчиво.

Любовник.

220

В подлиннике эта часть письма оторвана.

221

Морское судно.

В архивном сборнике писем Петра помещено под 1717 годом, что неверно. К какому году относится, неизвестно.

Окончание оторвано.

Пленника.

Так в подлиннике. Письмо, посланное с Сиверсом, не сохранилось.

Успение Богородицы (15 августа).

Речь идет о годовщине взятия Шлиссельбурга.

Сад.

Шхерами.

Здесь и далее речь идет о новых кораблях.

231

Kurzweil-wort – забавное слово, шутка.

232

Menagerie – зверинец, скотный и птичий двор.

В этом месте сделана выноска: «какого чрез три года не было, и всякими фруктами, и особливо которые жалуете: винные ягоды, клубники – очень доволно. Боже, помози нам сподобитца тех фруктов, по которые вы поехали!»

Английский адмирал.

235

Генерал.

Charge – чин, должность. То есть: «даровал пленника своего чина».

Вестей.

238

В подлиннике: «к вшедским».

Шведский адмирал.

240

Castel – крепость, замок.

Возможно, от голландского *speer* – копье.

242

В копии неправильно поставлена цифра 14.

243

В подлиннике: райбоницами.

Последнее слово написано неразборчиво.

Выхоленного.

Анны.

То есть здоровья.

Пи́нас, ке́чь, гуке́р – названия морских судов.

В этот день праздновалась годовщина победы при Гангуге.

Начало второго листа, на котором, вероятно, была приписка, отрезано.

251

Люберец.

Череп – лед, покрывающий землю под снегом.

Волковни – сани; летник – летняя дорога.

Ваау (голл.) – залив, гавань.

Читай: волковнях.

256

Вероятно, недописано слово: благополучно.

Слово написано неразборливо.

Шкипера.